

ЛАРКЕН
РОУЗ

САМОЕ
ОПАСНОЕ
СУЕВЕРИЕ

Эта книга способна изменить ваше мировоззрение.
При массовом ознакомлении она способна изменить мир.
Данная работа публикуется на русском языке впервые.

Перевод: Орден Иллюминатов

Эта книга посвящена двум людям: человеку, кто, прочитав эту книгу, не подчинится приказу причинить вред кому-то другому, и человеку, которому в результате не будет причинен вред.

Подготовка читателя

То, что вы прочтете в этой книге, по всей вероятности, будет прямо противоречить тому, чему вас учили ваши родители и учителя, тому, что вам говорили церкви, средства массовой информации и правительство, и многому из того, что вы, ваша семья и твои друзья всегда верили. Тем не менее, это правда, в чем вы убедитесь, если позволите себе объективно рассмотреть вопрос. Это не просто правда, а самая важная правда, которую вы когда-либо слышали.

Все больше и больше людей открывают для себя эту истину, но для этого необходимо отказаться от многих предвзятых предположений и глубоко укоренившихся суеверий, отказаться от многовековой обработки на протяжении всей жизни и справедливо и честно изучить некоторые новые идеи. Если вы сделаете это, вы испытаете серьезные изменения в вашем мировоззрении. Поначалу это почти наверняка будет неудобно, но в конечном итоге оно того стоит. И если достаточное количество людей решит увидеть эту истину и принять ее, это не только кардинально изменит то, как эти люди видят мир; это коренным образом изменит сам мир к лучшему.

Но если бы такая простая истина могла изменить мир, разве все мы не знали бы об этом и не применяли бы ее давно на практике? Если бы люди были чисто мыслящей расой, объективными существами, то да. Но история показывает, что большинство людей скорее умрут, чем объективно пересмотрят системы убеждений, в которых они были воспитаны. Средний человек, читающий в газете о войне, угнетении и несправедливости, задается вопросом, почему существуют такие боль и страдания, и захочет покончить с этим. Однако, если ему подкинуть мысль о том, что страданиям способствуют его собственные убеждения, он почти наверняка отклонит такое предложение, не задумываясь, и может даже напасть на того, кто предлагает это.

Итак, читатель, если ваши убеждения и суеверия — многие из которых вы не выбирали, а просто унаследовали как неоспоримые убеждения, основанные на принципах «из рук в руки», — значат для вас больше, чем истина и справедливость, тогда, пожалуйста, прекратите это читать и дайте эту книгу кому-нибудь другому. С другой стороны, если вы хотите подвергнуть сомнению некоторые из ваших давних предрассудков, да еще и уменьшить при этом страдания других, тогда прочтите эту книгу. А уже потом дайте почитать кому-нибудь другому.

Часть I

Самое опасное суеверие

Начнем с основной мысли

Сколько миллионов смотрели на жестокие ужасы истории с ее бесчисленными примерами бесчеловечности человека по отношению к человеку и задавались вопросом вслух, как такое могло случиться? По правде говоря, большинство людей не хочет знать, как это происходит, потому что они сами религиозно привязаны к той самой вере, которая делает это возможным. Подавляющее большинство страданий и несправедливостей в мире сегодня и на протяжении тысячелетий можно напрямую отнести к одной идее. Обычно виноватыми в пороках общества не являются жадность или ненависть, или какие-либо другие эмоции или идеи. Напротив, большая часть насилия, воровства, нападений и убийств в мире является результатом простого суеверия — веры, которая, хотя ее придерживаются почти повсеместно, противоречит всем аргументам и разуму (хотя, конечно, те, кто придерживается этой веры, не видят этого). Главную идею этой книги выразить легко, хотя большинству людей ее трудно принять или даже спокойно и рационально обдумать:

Вера во «власть», которая включает в себя всю веру в «правительство», иррациональна и противоречива сама себе; она противоречит цивилизации и морали и представляет собой самое опасное, разрушительное суеверие, которое когда-либо существовало. Вера во «власть» — это не сила порядка и справедливости, а заклятый враг человечества.

Конечно, почти все воспитаны верить в прямо противоположное: что подчинение «властям» является добродетелью (по крайней мере, в большинстве случаев), что уважение и соблюдение «законов» «правительства» — вот что делает нас цивилизованными, и что неуважение к «власти» ведет только к хаосу и насилию. На самом деле, люди были настолько тщательно обучены ассоциировать послушание с «быть хорошим», что атака на концепцию «власти» будет звучать для большинства людей, как предположение, что нет таких вещей, как правильное и неправильное, нет необходимости соблюдать никакие нормы поведения, что никакой морали вообще не нужно. Здесь пропагандируется не это — как раз наоборот.

В самом деле, причина, по которой миф о «власти» должен быть разрушен как раз в том, что на свете есть такие вещи, как правильное и неправильное, что важно, как люди относятся друг к другу, и в том, что люди всегда должны стремиться жить нравственной жизнью. Несмотря на постоянную авторитарную пропаганду, утверждающую обратное, уважение к «властям» и уважение к человечеству являются взаимоисключающими и диаметрально противоположными. Причина неуважения к мифу о «властях» заключается в том, чтобы уважать человечество и справедливость.

Существует резкий контраст между тем, что, как нас учат, является целью «властей» (создание мирного, цивилизованного общества), и реальными результатами «властей» в действии. Полистайте любую книгу по истории, и вы увидите, что большая часть несправедливости и разрушений, которые произошли во всем мире, были не результатом того, что люди «нарушали закон», а скорее результатом того, что

люди подчинялись и соблюдали «законы» различных «правительств». Зло, которое было совершено вопреки «власти», тривиально по сравнению со злом, совершенным во имя «власти».

Тем не менее, детей по-прежнему учат, что мир и справедливость происходят от авторитарного контроля и что, несмотря на вопиющее зло, совершенное авторитарными режимами во всем мире на протяжении всей истории, они по-прежнему морально обязаны уважать нынешнее «правительство» своей страны и подчиняться ему. Их учат, что «делать, как тебе говорят» — это синоним хорошего человека, а «играть по правилам» — синоним правильных поступков. Напротив, чтобы быть нравственным человеком, необходимо взять на себя личную ответственность судить о добре и зле и следовать своей совести, что противоположно уважению и повиновению «власти».

Причина, по которой людям так важно осознать этот факт, заключается в том, что основная опасность, исходящая от мифа о «власти», находится не в умах управляющих в «правительстве», а в умах тех, кто находится под контролем. Человек, который любит доминировать над другими, представляет собой тривиальную угрозу для человечества, если только многие другие люди не считают такое доминирование законным, потому что оно достигается с помощью «законов» «правительства». Искаженный ум Адольфа Гитлера сам по себе не представлял практически никакой угрозы для человечества. Именно миллионы людей, которые считали Гитлера «властью» и поэтому чувствовали себя обязанными подчиняться его приказам и выполнять его приказы, на самом деле причинили ущерб, нанесенный Третьим рейхом. Другими словами, проблема не в том, что злые люди верят во «власть»; проблема в том, что в основном хорошие люди верят во «власть» и в результате в конечном итоге оправдывают и даже сами совершают акты агрессии, несправедливости и угнетения, даже убийства.

Средний статист (тот, кто верит в «правительство»), сетуя на все способы, которыми «власть» использовалась как инструмент зла даже в его собственной стране, все же будет настаивать на том, что «правительство» может быть силой добра и все же воображать, что «власть» может и должен обеспечить путь к миру и справедливости.

Люди ошибочно полагают, что многие полезные и законные вещи, приносящие пользу человеческому обществу, требуют существования «правительства». Например, хорошо, когда люди объединяются для взаимной защиты, работают вместе для достижения общих целей, находят способы сотрудничать и мирно уживаются, придумывают соглашения и планы, которые лучше позволяют людям существовать и процветать в мире, поддерживать взаимовыгодное и ненасильственное состояние цивилизации. Но «правительство» — это совсем другое. Несмотря на то, что «правительства» всегда заявляют, что действуют от имени людей и общего блага, правда в том, что «правительство» по самой своей природе всегда прямо противоречит интересам человечества. «Власти» — это не благородная идея, которая иногда ошибается, и это не принципиально правильная концепция, которая иногда искажается. Сверху вниз, от начала до конца, само понятие «власти» античеловечно и ужасно деструктивно.

Конечно, большинству людей будет трудно проглотить такое утверждение. Разве правительство не является неотъемлемой частью человеческого общества? Разве это не механизм, благодаря которому стала возможной цивилизация, потому что он заставляет нас, несовершенных людей, вести себя упорядоченно и мирно? Разве принятие общих правил и законов не позволяет нам ладить, разрешать споры

цивилизованным образом, торговать и иным образом взаимодействовать на справедливой, ненасильственной основе? Разве мы не всегда слышали, что если бы не «верховенство закона» и общее уважение к «власти», мы были бы ничем не лучше кучки глупых, жестоких зверей, живущих в состоянии постоянного конфликта и хаоса?

Да, нам так сказали. И нет, все это неправда. Но попытка отделить наш разум от вековой лжи, попытка извлечь правду из джунглей глубоко укоренившегося вранья может быть чрезвычайно трудно и неудобно.

В целом

На следующих страницах читатель пройдет через несколько этапов, дающих полное понимание, почему вера во «власть» действительно является самым опасным суеверием в мировой истории. Во-первых, понятие «правительство» будет сведено к его основной сути, чтобы его можно было определить и изучить объективно.

Во второй части будет показано, что сама концепция фатально ошибочна, что основная предпосылка всякого «правительства» совершенно несовместима с логикой и моралью. Фактически, будет показано, что «правительство» — это чисто религиозное верование, основанное на вере принятия сверхчеловеческой мифологической сущности, которая никогда не существовала и никогда не будет существовать. *(Ожидается, что читатель не примет такое поразительное утверждение без достаточных доказательств и веских доводов, которые и будут предоставлены).*

В части III будет показано, почему вера в «власть», включая всякую веру в «правительство», ужасающе опасна и разрушительна. В частности, будет показано, как вера во «власть» радикально влияет как на восприятие, так и на действия различных категорий населения, побуждая буквально миллиарды в остальном хороших, мирных людей потворствовать или совершать акты насильственной, аморальной агрессии. Фактически, это делают все, кто верит в «правительство», хотя подавляющее большинство этого не осознает и категорически это отрицает.

Наконец, в части IV читателю будет дано представление о том, как могла бы выглядеть жизнь без веры в «правительство». Вопреки обычному предположению, что отсутствие «правительства» будет означать хаос и разрушение, будет показано, что, когда миф о «властях» будет отброшен, многое изменится, но и многое останется прежним. Будет показано, почему вера в то, что «правительство» способствует и необходимо для мирного общества (как учили почти всех) является самым большим препятствием для взаимовыгодной организации, сотрудничества и мирного сосуществования. Короче говоря, будет показано, почему настоящая цивилизация может и будет существовать только после того, как миф о «правительстве» будет искоренен.

Определение врага

Чтобы оценить понятие «правительство» и определить его значимость, мы должны начать с четкого определения того, что оно означает и что это вообще такое.

С раннего детства нас учат подчиняться воле «властей», подчиняться указам тех, кто

тем или иным образом занял положение власти и контроля с самого начала, поведение ребенка оценивается, явно или неявно, сначала по тому, насколько хорошо он подчиняется своим родителям, затем по тому, насколько хорошо он подчиняется своим учителям, а затем по тому, насколько хорошо он подчиняется «законам» «правительства». Подразумевается или утверждается, но общество пропитано посланием о том, что послушание — это добродетель, и что хорошие люди — это те, кто делают то, что им велит делать «власть». В результате этого послания концепции морали и послушания настолько запутались в умах большинства людей, что любая атака на понятие «власти» для большинства людей будет восприниматься как атака на саму мораль. Любое предположение о том, что «правительство» по своей сути незаконно, будет звучать как предложение о том, что все должны вести себя как равнодушные, злобные животные, живя по кодексу выживания наиболее приспособленных.

Проблема в том, что система убеждений обычного человека основана на мешанине расплывчатых, часто противоречивых концепций и предположений. Такие термины, как мораль и послушание, законы и законодательные органы, лидеры и граждане, постоянно используются людьми, которые никогда не исследовали эти концепции рационально. Первый шаг в попытке понять природу «власти» (или «правительства») — это определить, что означает это слово. Что это за вещь, называемая «правительством»?

«Правительство» говорит людям, что делать. Но это само по себе не дает нам достаточного определения, потому что в принципе самые разные люди и организации говорят другим, что делать. Однако «правительство» не просто предлагает или просит; оно приказывает. В то же время рекламодатель, который говорит: «Действуйте сейчас!» или проповедник, который говорит своей пастве, что делать (можно также сказать, что он отдает приказы) не являются «правительством».

В отличие от «приказов» проповедников и рекламодателей, приказы «правительства» подкрепляются угрозой наказания, применением силы против тех, кто не подчиняется, тех, кого ловят на «нарушении закона». Но даже это не дает нам полного определения, потому что уличные головорезы и хулиганы также подкрепляют свои приказы силой, но они не являются «правительством». Отличительной чертой «власти» является то, что она якобы *имеет право* отдавать команды и обеспечивать их выполнение. В случае с «правительством» его приказы называются «законами», а неподчинение им — «преступлением».

«Правительство» можно охарактеризовать как право на власть. Это не просто способность насильственно контролировать других, которой в некоторой степени обладает почти каждый. Это предполагаемое *моральное право* насильственно контролировать других. Что отличает уличную банду от «правительства», так это то, как они воспринимаются людьми, которых они контролируют. Преступления, грабежи, вымогательство, нападения и убийства, совершаемые обычными головорезами, воспринимаются почти всеми как аморальные, неоправданные и преступные. Их жертвы могут подчиняться их требованиям, но не из чувства морального долга подчиняться, а просто из страха. Если бы предполагаемые жертвы уличной банды думали, что могут сопротивляться без какой-либо опасности для себя, они бы сделали это без малейшего чувства вины. Они не воспринимают уличного бандита как законного правителя; они не считают его «авторитетом». Добыча, которую собирает головорез, не называется «налогами», а его угрозы не называются «законами».

С другой стороны, требования и приказы тех, кто носит ярлык «правительства», очень по-разному воспринимаются большинством тех, на кого эти приказы направлены. Власть и контроль «законодателей» в «правительстве» над всеми остальными считаются действительными и законными, «правовыми» и хорошими. Точно так же большинство, кто следует таким приказам, «подчиняясь закону», и кто передает свои деньги, «уплачивая налоги», делают это не просто из страха наказания в случае неповиновения, но также из чувства долга повиновения. Никто не гордится тем, что его ограбила уличная банда, но многие носят ярлык «законопослушных налогоплательщиков» как знак чести. Это полностью связано с тем, как послушные воспринимают тех, кто им приказывает. Если они воспринимаются как «власть», как законный хозяин, то по определению они рассматриваются как имеющие моральное право отдавать такие команды, что, в свою очередь, подразумевает моральное обязательство со стороны людей подчиняться этим командам. Называть себя «законопослушным налогоплательщиком» — значит хвастаться своим лояльным послушанием «правительству».

В прошлом представители церкви заявляли о своем праве наказывать еретиков и других грешников, а сегодня в западном мире понятие «власть» почти всегда связано с «правительством». Фактически, эти два термина теперь можно использовать почти как синонимы, поскольку в наше время каждый подразумевает другой: «власть» предположительно происходит из «законов», принятых «правительством», а «правительство» — это предполагаемая организация, имеющая право управлять, то есть «власть».

Важно различать приказ, который оправдывается исходя из ситуации, и приказ, который оправдывается в зависимости от того, кто его отдал. В этой книге рассматривается только последний тип «власти», хотя этот термин иногда используется в другом смысле, который имеет тенденцию сбивать с толку это различие. Когда, например, кто-то утверждает, что у него было «полномочие» остановить грабителя, чтобы вернуть кошелек старушки, или заявляет, что он имел «полномочия» прогнать злоумышленников с его собственности, он не утверждает, что обладает особыми правами, которыми другие не обладают. Он просто говорит, что считает, что определенные ситуации оправдывают отдачу приказов или применение силы.

Напротив, концепция «правительства» касается определенных людей, имеющих какое-то особое право на управление. И эта идея, представление о том, что некоторые люди — например, в результате выборов или других политических ритуалов — имеют моральное право контролировать других в ситуациях, когда большинство людей этого не делает, — это концепция здесь и рассматривается. Считается, что только выигравшие выборы в «правительстве» имеют право принимать «законы»; только они считаются имеющими право взимать «налоги»; только они, как считается, имеют право вести войны, регулировать определенные вопросы, выдавать лицензии на различные виды деятельности и т. д. Когда в этой книге обсуждается «вера во власть», имеется в виду следующее значение: идея о том, что одни люди имеют моральное право насильственно контролировать других и, следовательно, эти другие морально обязаны подчиняться.

Следует подчеркнуть, что «власти» всегда в глазах смотрящего. Если тот, кто находится под контролем, считает, что тот, кто его контролирует, имеет на это право, то тот, кого контролируют, видит в контролере «власть». Если контролируемый не считает контроль законным, тогда контролер не рассматривается как «власть», а рассматривается просто как хулиган или головорез. Щупальца веры во власть

проникают во все аспекты человеческой жизни, но общим знаменателем всегда является воспринимаемая легитимность контроля, который она устанавливает над другими. Каждый «закон» и «налог» (федеральный, окружной и местный), все выборы и кампании, каждая лицензия и разрешение, все политические дебаты и движения — короче говоря, все, что связано с «правительством», от банального городского постановления до «мировой войны» — полностью основаны на идее, что какие-то люди приобрели моральное право — так или иначе, в той или иной степени — управлять другими.

Проблема здесь не только в неправильном использовании слова «власть» или аргументе «хорошее правительство» в сравнении с «плохим правительством», но в исследовании фундаментальной, основополагающей концепции «власти». То, рассматривается ли «власть» как абсолютная, или обусловленная, или ограниченная, может иметь отношение к тому, какой ущерб она наносит, но не имеет никакого отношения к рациональности лежащей в основе концепции. Конституция США, например, считается созданной «властью», которая, по крайней мере теоретически, имела строго ограниченное право на управление. Тем не менее, она по-прежнему стремилась создать «орган» с правом делать вещи (например, «налогообложение» и «законодательное регулирование»), которые простой гражданин не имеет права делать самостоятельно. Хотя она делала вид, что дает право управлять только определенными конкретными вопросами, она все же претендовала на то, чтобы наделять некоторый «правлящий класс» «властью», и как таковая, в такой же степени является объектом следующей критики «правительства», как и «власть» верховного диктатора.

(Термин «authority», буквально «авторитет власти», иногда используется таким образом, который не имеет ничего общего с темой этой книги. Например, того, кто является экспертом в какой-либо области, часто называют «авторитетом». Точно так же некоторые взаимоотношения напоминают «власть», но не подразумевают какого-либо права на управление. Отношения между работодателем и сотрудником часто рассматриваются как «начальник» и «подчиненный». Однако, каким бы авторитарным или властным ни был работодатель, он не может нанимать рабочих на военную службу, или заключить их в тюрьму за непослушание. Единственная власть, которой он действительно обладает, — это право прекратить договор, уволив сотрудника. И сотрудник имеет такие же полномочия, потому что он может уволиться сам. Например, мастер и его подмастерье, сенсей боевых искусств и его ученик, или тренер и спортсмен, которого он тренирует. Такие сценарии включают договоренности, основанные на взаимном добровольном соглашении, в котором любая из сторон может отказаться от договоренности. Такие отношения, когда один человек позволяет другому руководить своими действиями в надежде, что он извлечет пользу из знаний или навыков другого, это не тот тип «авторитета», который представляет собой наиболее опасное суеверие, если он вообще представляет собой «авторитет»).

Правительства не существует

Большинство людей считают, что «правительство» необходимо, хотя они также признают, что «власть» часто ведет к коррупции и злоупотреблениям. Они знают, что «правительство» может быть неэффективным, несправедливым, необоснованным и деспотичным, но все же верят, что «власть» может быть силой добра. Они не понимают того, что проблема не только в том, что «правительство» дает худшие

результаты или что «властью» часто злоупотребляют. Проблема в том, что само понятие совершенно иррационально и противоречиво. Это не что иное, как суеверие, лишенное какой-либо логической или доказательной поддержки, которого люди придерживаются только в результате постоянного сектантского внушения, призванного скрыть логическую абсурдность концепции. Это не вопрос степени или цели использования; правда в том, что «правительство» не существует и не может существовать вообще, и непризнание этого факта привело миллиарды людей к тому, что они делают чудовищно разрушительные поступки. Понятия «хорошая власть» не может быть — на самом деле, такого понятия, как «власть» не существует вообще. Как бы странно это ни звучало, это легко доказать.

Короче говоря, правительства не существует. Этого никогда не было и не будет. Политики реальны, солдаты и полиция, которые навязывают волю политиков, реальны, здания, в которых они живут, реальны, оружие, которым они владеют, вполне реальное, но их предполагаемая «власть» — нет. А без этой «власти», без права делать то, что они делают, они не что иное, как банда головорезов. Термин «правительство» подразумевает легитимность — это означает осуществление «власти» над определенным народом или местом. То, как люди говорят о власти имущих, называя их приказы «законами», ссылаясь на неповиновение им как на «преступление» и т. д., подразумевает право «правительства» на правление и соответствующее обязательство ему подчиняться. Без права на управление («авторитет») нет причин называть нечто «правительством», и в таком случае все политики и их наемники становятся совершенно неотличимы от гигантского синдиката организованной преступности, их «законы» не более действенны, чем угрозы грабителей и угонщиков автомобилей. Это, в действительности, и есть то, чем является каждое «правительство»: незаконная банда головорезов, воров и убийц, маскирующаяся под законный правящий орган.

(Причина, по которой термины «правительство» и «власть» появляются в кавычках на протяжении всей книги, состоит в том, что нигде никогда не существовало законного права на управление, поэтому правительство и власть на самом деле не существуют в принципе. В этой книге такие термины относятся только к людям и бандам, о которых ошибочно полагают, что они имеют право управлять.)

Все основные политические дискуссии — все дискуссии о том, что должно быть «законным» и «незаконным», кого следует привести к власти, какой должна быть «национальная политика», как «правительство» должно решать различные вопросы — все это совершенно иррационально, это пустая трата времени, поскольку все это основано на ложной предпосылке, что один человек может иметь право управлять другим, что «власть» вообще может существовать. Споры о том, как следует использовать «власть» и что должно делать «правительство», столь же полезны, как и обсуждение того, как Санта-Клаус должен относиться к Рождеству. Но этот случай бесконечно опаснее. С другой стороны, устранение этой опасности — самой большой угрозы, с которой когда-либо сталкивалось человечество, — не требует изменения фундаментальной природы человека, превращения всей ненависти в любовь или любых других радикальных изменений состояния Вселенной. Вместо этого нужно только чтобы люди признали, а затем отпустили одно конкретное суеверие, одну иррациональную ложь, в которую почти всех научили верить с детства. В каком-то смысле большинство мировых проблем можно было бы решить в одночасье, если бы каждый сделал что-то вроде отказа от веры в Санта-Клауса.

Любая идея или предлагаемое решение проблемы, зависящее от существования «правительства» и включающее в себя абсолютно что угодно в сфере политики, по

сути своей недействительны. По аналогии, два человека могли бы провести полезную и рациональную беседу о том, являются ли атомные электростанции или плотины гидроэлектростанций лучшим способом производства электроэнергии для их города. Но если бы кто-то предположил, что лучшим вариантом было бы генерировать электричество с помощью волшебной пыли фей, его комментарии были бы и должны быть отклонены как смехотворные, потому что настоящие проблемы не могут быть решены мифическими сущностями. Тем не менее, почти все современные обсуждения социальных проблем — не что иное, как спор о том, какой вид волшебной пыли фей спасет человечество. Все политические дискуссии основаны на бесспорном, но ложном предположении, которое каждый принимает на веру только потому, что он видит и слышит повторяемый всеми остальными миф: понятие, что на свете может быть такая штука, как легитимное «правительство».

Проблема с распространенными заблуждениями — как раз в их популярности. Когда какое-либо убеждение (даже самое нелепое и нелогичное) разделяет большинство людей, оно уже не будет казаться неразумным для верующих. Продолжать верить будет легко и безопасно, тогда как задавать вопросы будет неудобно и очень трудно, если вообще возможно. Даже многочисленных доказательств ужасающей разрушительной силы мифа о «власти» на почти непостижимом уровне, уходящих в прошлое на тысячи лет, было недостаточно, чтобы заставить более чем горстку людей просто усомниться в фундаментальной концепции. И поэтому, считая себя просвещенными и мудрыми, люди продолжают наткаться на одну колоссальную катастрофу за другой из-за своей неспособности избавиться от самого опасного суеверия: веры во «власть».

Ответвления суеверий

Сегодня уже существует целый набор терминов, выросших из понятия «власть». Общим для всех этих понятий является то, что они подразумевают определенную легитимность для одной группы людей, насильственно контролирующей другую группу. Вот несколько примеров:

«Правительство»: Как упоминалось ранее, «правительство» — это просто термин для организации или группы людей, которые, как предполагается, обладают правом управлять. Многие другие термины, описывающие части «правительства» (такие как «президент», «депутат», «судья» и «законодательный орган»), усиливают предполагаемую легитимность правящего класса.

«Закон»: термины «закон» и «указ» имеют очень разные коннотации, чем слова «приказ» и «команда». Разница, опять же, зависит от того, имеют ли те, кто издает и вводит такие «законы», право делать это (если уличная банда отдает приказы всем в своем районе, никто не называет такие приказы «законами»). Но если «правительство» издает команды в рамках «законодательного» процесса, почти все называют их «законами»). По правде говоря, каждый правительственный «указ» — это команда, подкреплённая угрозой возмездия против тех, кто не подчиняется. Будь то «закон» против совершения убийства или против строительства террасы без разрешения на строительство, это не предложение или просьба, а приказ, подкреплённый угрозой насилия, будь то в форме принудительной конфискации имущества (напр., штрафы) или похищение человека (тюремное заключение). То, что может быть названо «вымогательством», если его совершает обычный гражданин, называется «налогообложением», когда это совершается людьми, которые, как предполагается, имеют право «править». То, что обычно рассматривается как

преследование, нападение, похищение и другие правонарушения, рассматривается как «регулирование» и «работа правоохранительных органов», когда осуществляется теми, кто утверждает, что представляет «власть».

Конечно, использование термина «закон» для описания присущих Вселенной свойств, таких как законы физики и математики, не имеет ничего общего с концепцией «власти». Кроме того, существует еще одно понятие, называемое «естественным правом», которое сильно отличается от юридического «права» (то есть «законодательства»). Концепция естественного права заключается в том, что человечеству присущи стандарты добра и зла, которые не зависят от какого-либо человеческого «авторитета» и фактически заменяют собой все человеческие «авторитеты». Хотя эта концепция была темой многих дискуссий в недалеком прошлом, сегодня редко можно услышать, чтобы люди использовали термин «закон» в таком контексте, и это понятие не то, что подразумевается под словом «закон» в контексте данной книги.

«Преступление»: оборотной стороной понятия «закон» является понятие «преступления» как акта неповиновения «закону». Фраза «совершение преступления» явно имеет негативный оттенок. Представление о том, что «нарушение закона» является морально неправильным, подразумевает, что команда, которой не подчиняются, является законной по своей сути, основанной исключительно на том, кто отдал команду. Если уличная банда скажет владельцу магазина: «Вы отдаете нам половину своей прибыли, иначе мы причиним вам вред», никто не сочтет владельца магазина «преступником», если он будет сопротивляться такому вымогательству. Но если то же самое требование будет выдвинуто теми, кто носит ярлык «правительства», причем требование это уже называется «законом» и «налогами», то того же самого владельца магазина почти все будут рассматривать как «преступника», если он откажется подчиниться.

Термины «преступление» и «преступник» сами по себе даже не намекают на то, что за «закон» такой нарушается. Медленно проехать на красный свет на пустом перекрестке — это «преступление», и таким же «преступлением» является убийство соседей. Сто лет назад учить раба читать было «преступлением»; в 1940-1945 годах в Германии было «преступлением» скрывать евреев от СС. В Пенсильвании «преступление» — спать в холодильнике или сверху на нем на улице. Буквально «преступление» означает неподчинение приказам политиков, а «преступником» считается любой, кто это делает. Опять же, такие термины имеют явно негативный оттенок. Большинство людей не хотят, чтобы их называли «преступниками», и когда они называют кого-то «преступником», это считается оскорблением. Опять же, это означает, что «орган», издающий и насаждающий «законы», имеет на это право.

«Законодатели»: понятие «законодатели» связано со странным парадоксом — они воспринимаются как имеющие право отдавать приказы, взимать «налоги», регулировать поведение и иным образом принудительно контролировать людей, но только если они это делают через «законодательный» процесс. Считается, что люди в «правительственных» законодательных органах имеют право управлять другими людьми, но только если они проявляют свою предполагаемую «власть» посредством определенных общепринятых политических ритуалов. Когда они это делают, «законодатели» имеют право отдавать приказы и нанимать людей для их исполнения в ситуациях, где нормальные люди не имеют такого права. Другими словами, широкая общественность искренне полагает, что мораль «законодателей» отличается от морали для всех остальных. Требование денег под угрозой насилия является безнравственным воровством, когда так поступает большинство людей, но

рассматривается как нормальное «налогообложение», когда это делают политики. Управление людьми и принудительное управление их действиями рассматривается большинством людей как преследование, запугивание и принуждение, но когда это делают политики, то же самое рассматривается как «регулирование» и «работа правоохранительных органов». Их называют «законодателями», а не «угрожателями», потому что их команды — если они выполняются с помощью определенных «законодательных» процедур — считаются по своей сути законными. Другими словами, они рассматриваются как «власть» и подчинение их «законодательным» приказам рассматриваются как моральный долг.

«Правоохранительные органы». Один из наиболее распространенных примеров «властей», который многие люди видят ежедневно, — это люди, носящие ярлык «полиции» или «правоохранительных органов». Поведение «сотрудников правоохранительных органов», а также то, как к ним относятся и отзываются о них другие, совершенно ясно показывает, что они рассматриваются не просто как люди, но как представители «власти», к которой, как считается, применяются совсем другие стандарты морали.

Предположим, например, что кто-то ехал по улице, не зная, что у него перегорел один из стоп-сигналов. Если бы обычный гражданин вынудил такого водителя остановиться, а затем потребовал бы от него крупную сумму денег, водитель был бы возмущен. Это было бы расценено как вымогательство, преследование и, возможно, нападение и грабеж. Но когда человек, утверждающий, что действует от имени «правительства», делает то же самое, ослепляя своими мигалками (и преследуя человека, если он не останавливается), а затем выдавая «постановление», такие действия большинством рассматриваются как совершенно законные.

Фактически люди, которые носят значки и униформу, не рассматриваются всеми остальными как простые люди. Они рассматриваются как рука абстрактной вещи, называемой «властью». В результате правильность поведения «полицейского» и справедливость его действий измеряются по совершенно иным стандартам, чем поведение всех остальных. О них судят по тому, насколько хорошо они обеспечивают соблюдение «закона», а не по тому, соответствуют ли их индивидуальные действия нормальным стандартам правильного и неправильного, применимым ко всем остальным. Разницу заявляют сами «правоохранительные органы», которые часто защищают свои действия, говоря, например: «Я не принимаю закон, я просто его исполняю». Очевидно, они ожидают, что о них будут судить только по тому, насколько добросовестно они выполняют волю «законодателей», а не по тому, будут ли они вести себя как цивилизованные, рациональные люди.

«Страны» и «нации»: понятия «закон» и «преступление» являются очевидными ответвлениями понятий «правительство» и «власть», но многие другие слова в современном языке либо изменены верой в «правительство», либо существуют исключительно по причине этой веры. Например, «страна» или «нация» — это чисто политические понятия. Линия вокруг «страны» — это, по определению, линия, определяющая область, в которой один конкретный «орган» заявляет о праве на управление, что отличает это место от областей, на которых уже другие «власти» претендуют на право управления.

Географические местоположения, конечно, вполне реальны, но термин «страна» относится не только к физическому месту. Он почти всегда относится к политической «юрисдикции» (еще один термин, происходящий от веры во «власть»). Когда люди говорят о любви к своей стране, они редко могут даже определить, что это означает,

но в конечном итоге единственное, что может означать слово «страна», — это не место, или люди, или какой-либо абстрактный принцип или концепция, а просто сфера деятельности, на которую претендует определенная банда. В свете этого факта концепция любви к своей стране — странная идея; она выражает немногим больше, чем психологическую привязанность к другим субъектам, находящимся под контролем того же правящего класса, — что совсем не то, что представляет себе большинство людей, когда они чувствуют национальную гордость и патриотизм. Люди могут испытывать любовь к определенной культуре, определенному месту и людям, которые там живут, или к некоему философскому идеалу и ошибочно принимать это за любовь к стране, но в конечном итоге «страна» — это просто область, в которой определенное «правительство» заявляет о своем праве на власть. Это то, что определяет границы, и именно эти границы определяют «страну».

Попытка рационализировать иррациональное

Люди, считающие себя образованными, непредубежденными и прогрессивными, не хотят думать о себе как о рабах господина или даже как о подданных правящего класса. Из-за этого было сделано много рационализаций и запутываний в попытке отрицать фундаментальную природу «правительства» как правящего класса. Было придумано много словесной гимнастики, вводящей в заблуждение терминологии и мифологии, чтобы попытаться скрыть истинную взаимосвязь между «правительством» и их подданными. Эта мифология преподается детям как «обществознание» и «гражданское право», хотя по большей части она совершенно нелогична и противоречит всем аргументам. Ниже описаны несколько популярных видов пропаганды, используемых для сокрытия сущности «власти».

Миф о согласии

В современном мире рабство осуждается почти повсеместно. Но отношение воспринимаемого «правительства» к своему субъекту во многом является отношением рабовладельца (хозяина) к рабу (собственности). Не желая признавать этого и не желая мириться с тем, что равносильно рабству, те, кто верит в «правительство», обучаются запоминать и повторять явно неточную риторику, призванную скрыть истинную природу ситуации. Одним из примеров этого является фраза «согласие управляемых».

Есть два основных способа взаимодействия людей: по взаимному согласию или когда один человек использует угрозы или насилие, чтобы навязать свою волю другому. Первый можно обозначить как «согласие», «договор» — обе стороны добровольно и добровольно соглашаются на то, что должно быть сделано. Второй можно назвать «управлением» — один человек контролирует другого. Поскольку эти два понятия — согласие и управление — противоположны, концепция «согласия управляемых» является противоречием. Если есть обоюдное согласие, это не «правительство»; если есть управление, согласия нет. Некоторые будут утверждать, что большинство или люди в целом дали свое согласие на то, чтобы им управляли, даже если многие из них этого не делали. Но такой аргумент переворачивает концепцию согласия с ног на голову. Никто, индивидуально или в группе, не может дать согласие на то, чтобы что-то сделать кому-то другому. «Согласие» означает вообще другое. «Я даю свое согласие на ограбление» звучит нелогично. Тем не менее, это основа культа «демократии»: представление о том, что большинство может дать согласие от имени меньшинства. Это не является «согласием управляемых»; это насильственный контроль над

контролируемыми с «согласия» третьей стороны.

Даже если кто-то был достаточно глуп, чтобы на самом деле сказать кому-то другому: «Я согласен позволить тебе насильно контролировать меня», в тот момент, когда контролер должен заставить «контролируемого» что-то сделать, «согласия», очевидно, больше не будет. До этого момента «управления» не было — только добровольное сотрудничество. Более точное выражение этой концепции раскрывает присущую ей шизофрению: «Я согласен позволить тебе навязывать мне определенные вещи, независимо от того, согласен я с ними или нет».

Но на самом деле никто никогда не соглашался позволить тем, кто находится в «правительстве», делать все, что они хотят. И так, чтобы сфабриковать «согласие» там, где его нет, сторонники «власти» добавляют еще один, еще более причудливый шаг к мифологии: понятие «подразумеваемого согласия». Утверждение состоит в том, что, просто живя в городе, области или стране, человек «соглашается» соблюдать любые правила, изданные людьми, которые утверждают, что имеют право управлять этим городом, областью, или страной. Идея состоит в том, что если кому-то не нравятся правила, он может полностью покинуть город, область или страну, а если он решит не уезжать, это означает его согласие на то, чтобы его контролировали правители этой юрисдикции.

Хотя эта идея постоянно повторяется как молитва, она противоречит здравому смыслу. Она не имеет большего смысла, чем угонщик, остановивший водителя в воскресенье и сказавший ему: «Управляя автомобилем в этом районе в воскресенье, вы соглашаетесь отдать мне свою машину». Очевидно, что один человек не может решить, что считается «согласием» другого с чем-либо. Соглашение — это когда два или более человека выражают взаимную готовность заключить какое-то соглашение. Просто родиться где-то — это ни на что не соглашаться, равно как и жить в собственном доме, когда какой-то король или политик объявил, что это находится в пределах царства, которым он правит. Одно дело, когда кто-то говорит: «Если ты хочешь покататься в моей машине, тебе нельзя курить» или «Ты можешь войти в мой дом, только если снимешь обувь». Другое дело — рассказывать другим людям, что они могут делать на своей территории. Тот, кто имеет право устанавливать правила для определенного места, по определению является его владельцем. Это основа идеи частной собственности: может быть «собственник», который имеет исключительное право решать, что делать с этой собственностью и внутри нее. Владелец дома имеет право не допускать в него других и, соответственно, право указывать посетителям, что они могут и не могут делать, пока находятся в доме.

И это проливает некоторый свет на исходное предположение, лежащее в основе идеи подразумеваемого согласия. Сказать кому-то, что его единственно верный выбор — либо покинуть «страну», либо выполнить любые приказы, издаваемые политиками, логически подразумевает, что все в этой «стране» является собственностью политиков. Если человек может год за годом платить за свой дом или даже строить его сам, и его выбор по-прежнему состоит в том, чтобы либо подчиниться политикам, либо уйти, это означает, что его дом, а также время и усилия, которые он вложил в этот дом, являются собственностью политиков. А когда время и усилия одного человека по праву принадлежат другому — это определение рабства. Именно это и означает теория «подразумеваемого согласия»: каждая «страна» представляет собой огромную рабовладельческую плантацию, все и вся в ней — собственность политиков. И, конечно, хозяину не нужно согласие своего раба.

Верующие в «правительство» никогда не объясняют, как так получилось, что

несколько политиков могли получить право в одностороннем порядке требовать исключительного владения тысячами квадратных миль земли, где другие люди уже жили в качестве своей территории, чтобы править и эксплуатировать по собственному усмотрению. Это то же самое, что сказать: «Настоящим я объявляю Северную Америку моей законной областью, поэтому любой, кто здесь живет, должен делать все, что я скажу: если вам это не нравится, вы можете уехать».

Существует также практическая проблема с формулой «подчиняйся или убирайся», заключающаяся в том, что выход человека из такой фермы только перемещает человека на какую-то другую гигантскую плантацию рабов, другую «страну». Конечным результатом является то, что каждый на земле является рабом, и единственный выбор — под каким хозяином ему жить. Это полностью исключает настоящую свободу. Более того, это не означает «согласие».

Вера в то, что все принадлежит политикам, еще более ярко проявляется в концепции иммиграционных «законов». Идея о том, что человеку нужно разрешение политиков ступить в любую точку целой страны — представление о том, что «преступлением» может быть переход человека через невидимую границу между одной авторитарной юрисдикцией и другой — подразумевает, что вся страна есть собственность правящего класса. Если гражданину не разрешается нанимать «нелегального иностранца», не разрешается торговать с ним, если ему даже не разрешается приглашать «нелегала» в свой собственный дом, тогда этот отдельный гражданин ничем не владеет, а политики владеют всем.

Теория «подразумеваемого согласия» не только логически ошибочна, но и явно расходится с реальностью. Любое «правительство», получившее согласие своих подданных, не нуждалось бы и не имело бы «правоохранительных органов». Принуждение происходит только в том случае, если кто-то на что-то не соглашается. Любой собственными глазами может увидеть, что «правительство» регулярно делает что-то со множеством людей против их воли. Знать о бесчисленном множестве сборщиков налогов, полицейских, инспекторов и регуляторов, пограничников, агентов по борьбе с наркотиками, прокуроров, судей, солдат и всех других наемников государства и по-прежнему утверждать, что «правительство» делает то, что делает именно с согласия «управляемых» — это в высшей степени смешно. Каждый человек, если он хоть немного честен с самим собой, знает, что власть имущих не волнует, согласен ли он соблюдать их «законы». Приказы политиков будут выполняться, при необходимости, грубой силой, с согласия какого-либо лица или без такового.

Больше мифологии

Помимо мифа о «согласии управляемых», часто повторяются другие высказывания и догматическая риторика, хотя они совершенно неточны. Например, в Соединенных Штатах людей учат — и они это потом честно повторяют — таким идеям, как «Мы есть власть», «Правительство работает на нас» и «Правительство — это представители народа». Такие афоризмы явно не соответствуют действительности, несмотря на тот факт, что их постоянно повторяют как правители, так и подданные.

Одно из самых причудливых и бредовых (но очень распространенных) утверждений заключается в том, что «вся власть у народа». Школьников учат повторять этот абсурд, хотя все прекрасно понимают, что политики отдают приказы и требуют, а все остальные либо подчиняются, либо наказываются. В Соединенных Штатах есть правящий класс и подчиненный класс, и различия между ними многочисленны и

очевидны. Одна группа командует, другая подчиняется. Одна группа требует огромных денег, другая платит. Одна группа сообщает другой группе, где они могут жить, где они могут работать, что они могут есть, что они могут пить, что они могут водить, на кого они могут работать, какую работу они могут выполнять и так далее. Одна группа берет и тратит триллионы долларов из того, что зарабатывает другая группа. Одна группа целиком состоит из экономических паразитов, в то время как усилия другой группы производят все богатство.

В этой системе совершенно очевидно, кто командует, а кто подчиняется. Народ не является «властью», и надо уйти в глубокое отрицание, чтобы верить в обратное. Но есть и другие мифы, которые заставляют эту ложь звучать рационально.

Например, также утверждается, что «власть работает на нас; это наш слуга». Опять же, такое утверждение даже абсолютно не соответствует очевидной реальности; это не более чем сектантская мантра, заблуждение, намеренно запрограммированное в народных массах, дабы исказить их взгляд на реальность. И большинство людей даже не сомневаются в этом. Большинство никогда не задумывается, что если «правительство» работает на нас, если это наш обслуживающий персонал, почему оно само решает, сколько мы ему платим? Почему наш «работник» решает, что он будет делать для нас? Почему наш «работник» говорит нам, как жить? Почему наш «слуга» требует от нас повиновения для любых произвольных команд, которые он издает, отправляя за нами вооруженных силовиков, если мы не подчиняемся? «Правительство» просто не может быть слугой из-за самого понятия «правления». Проще говоря, если кто-то может управлять вами и забирать ваши деньги, он не ваш слуга; и если он не может этого сделать, он не «правительство». Каким бы ограниченным ни было «правительство», считается, что эта организация имеет право насильственно контролировать поведение своих подданных с помощью «законов», что делает общепринятую риторику о «государственных служащих» совершенно нелепой. Представлять, что правитель когда-либо мог быть слугой тех, над кем он правит, явно абсурдно. Тем не менее, эта невозможность провозглашается неоспоримой аксиомой на уроках «гражданского права» и «обществознания».

Еще более распространенной ложью, используемой для того, чтобы скрыть отношения господин-раб между «правительством» и обществом, является понятие «представительного правительства». Утверждается, что люди, избирая определенных лиц на руководящие должности, «выбирают своих лидеров» и что те, кто находится у власти, просто представляют волю народа. Опять же, это утверждение не просто совсем не соответствует действительности, но сама лежащая в его основе абстрактная теория также по своей сути ошибочна.

В реальном мире так называемые «представительные правительства» постоянно делают то, чего их подданные не хотят, чтобы они делали: увеличивают «налоги», участвуют в разжигании войны, продают власть и влияние тем, кто дает им больше всего денег, и так далее. Каждый налогоплательщик может легко вспомнить примеры вещей, финансируемых на его же деньги, против которых он возражает, будь то подачки огромным корпорациям, взятки определенным лицам, действия правительства, ущемляющие индивидуальные права, или просто расточительная, коррумпированная, неэффективная бюрократическая работа «правительства». Нет никого, кто мог бы честно сказать, что «правительство» делает все, что он хочет, и ничего из того, что он не хочет.

Даже в теории концепция «представительного правительства» порочна по своей сути, потому что «правительство» не может представлять людей в целом, если все не хотят

одного и того же. Поскольку разные люди хотят, чтобы «правительство» занималось разными делами, «правительство» всегда будет действовать против воли, по крайней мере, некоторых людей.

Даже если бы «правительство» делало именно то, что хотело бы большинство его подданных (чего на самом деле никогда не бывает), оно не служило бы народу в целом; это было бы насильственным преследованием меньших групп от имени более крупных групп.

Более того, тот, кто представляет кого-то другого, не может иметь больше прав, чем тот, кого он представляет. То есть, если один человек не имеет права ворваться в дом своего соседа и украсть его ценности, то он также не имеет права назначить представителя, который сделает это за него. Представлять кого-либо — значит действовать от его имени, а настоящий представитель может делать только то, что человек, которого он представляет, имеет право делать сам. Но в случае с «правительством» люди, которых, по утверждениям политиков, они представляют, не имеют права делать то, что делают политики: вводить «налоги», принимать «законы» и т. д. Обычные граждане не имеют права насильственно контролировать выбор своих соседей, говорят им, как жить, и наказывают их, если они не подчиняются. Поэтому, когда «правительство» делает такие вещи, оно не представляет никого и ничего, кроме самого себя.

Интересно, что даже те, кто говорит о «представительном правительстве», отказываются нести личную ответственность за действия тех, за кого они голосовали. Если выбранный ими кандидат вводит вредный «закон», или поднимает «налоги», или ведет войну, избиратели никогда не чувствуют той вины или стыда, которые они чувствовали бы, если бы сами лично сделали такие вещи, или напрямую наняли или проинструктировали кого-то другого сделать это. Этот факт демонстрирует, что даже самые активные избиратели на самом деле не верят риторике о «представительном правительстве» и не рассматривают политиков как своих представителей. Терминология не соответствует действительности, и единственная цель риторики — скрыть тот факт, что отношения между каждым «правительством» и его подданными такие же, как отношения между хозяином и рабом. Один хозяин может бить своих рабов менее сурово, чем другой; один хозяин может позволить своим рабам хранить больше того, что они производят; один хозяин может лучше заботиться о своих рабах, но ничто из этого не меняет основы, фундамента отношений хозяин-раб. Тот, у кого есть право на власть, — хозяин; тот, кто обязан подчиняться, является рабом. И это верно даже тогда, когда люди предпочитают описывать ситуацию, используя неточную риторику и обманчивые эвфемизмы, такие как «слуги народа», «согласие управляемых» и «воля народа».

Понятие «народное правительство, осуществляемое народом и для народа», хотя оно и создает приятную политическую риторику для хорошего самочувствия, является логическим противоречием. Правящий класс не может служить или представлять тех, кем он правит, точно так же, как рабовладелец может не служить своим рабам или представлять их интересы. Единственный способ сделать это — перестать быть рабовладельцем и освободить своих рабов. Точно так же единственный способ, как правящий класс может стать слугой народа, — это перестать быть правящим классом, отказавшись от всей своей власти. «Правительство» не может служить народу, если оно не перестанет быть «правительством».

Другой пример иррациональной этатистской доктрины — это концепция «верховенства закона». Идея состоит в том, что правление простых людей — это

плохо, потому что оно служит тем, кто злонамеренно жаждет власти, в то время как «верховенство закона», как гласит теория, основано на объективных, разумных правилах, которые в равной степени навязываются человечеству. Простая мысль раскрывает абсурдность этого мифа. Несмотря на то, что о «законе» часто говорят как о некоем священном непогрешимом наборе правил, спонтанно вытекающих из природы Вселенной, на самом деле «закон» — это просто набор команд, издаваемых и выполняемых людьми в «правительстве». Разница между «верховенством закона» и «верховенством людей» была бы только в том случае, если бы так называемые «законы» были написаны кем-то другим, не людьми.

Секретный ингредиент

В своих попытках оправдать существование правящего класса («правительства») *государственники* (этактисты) часто описывают совершенно разумные, законные, полезные вещи, а затем объявляют их «правительством». Они могут сказать: «Когда люди сотрудничают, чтобы сформировать организованную систему взаимной защиты, это и есть правительство». Или они могут заявить: «Когда люди коллективно решают, как дороги, торговля и права собственности будут работать в их городе, это правительство». Или они могут сказать: «Когда люди объединяют свои ресурсы, чтобы делать что-то коллективно, а не каждый человек сам по себе, это и есть правительство». Ни одно из этих утверждений не соответствует действительности.

Такие утверждения предназначены для того, чтобы «правительство» выглядело как естественная, законная и полезная часть человеческого общества. Но все они полностью упускают из виду фундаментальную природу «правительства». «Правительство» — это не организация, сотрудничество или взаимное соглашение. Бесчисленные группы и организации — супермаркеты, футбольные команды, автомобильные компании, клубы стрельбы из лука и т. д. — участвуют в совместных, взаимовыгодных коллективных действиях, но их не называют «правительством», потому что в их случае не предполагается, что они имеют право *править*. Это и есть секретный ингредиент, который делает нечто «властью»: предполагаемое право насильственно контролировать других.

«Правительства» не развиваются сами собой из супермаркетов или футбольных команд, и не вырастают из людей, готовящихся и обеспечивающих взаимную защиту. Есть фундаментальное различие между «Как мы можем эффективно защитить себя?» и «Я имею право править вами!» Вопреки тому, что утверждают учебники по гражданскому праву, «правительства» не являются результатом ни экономики, ни элементарного человеческого взаимодействия. Они не происходят просто в результате цивилизованности и организованности людей. Они полностью являются продуктом мифа о том, что «кто-то должен быть ответственным». Без суеверия «власти» никакое сотрудничество или организация никогда бы не превратились в «правительство». Требуется радикальное изменение общественного восприятия поставщика услуг, будь то еда, кров, информация, защита или что-то еще, чтобы он превратился в законного правителя. Система организации не может волшебным образом стать «правительством», как охранник не может волшебным образом стать королем.

И этот факт связан с еще одним утверждением этактистов: отказ от «правительства» просто приведет к тому, что к власти придут бандиты, которые, в свою очередь, станут новым «правительством». Но насильственное завоевание естественным образом не становится «правительством», как и мирное сотрудничество. Если новая банда не

будет представлена как имеющая право управлять, ее не будут рассматривать как «правительство». Фактически, способность контролировать современное население — особенно вооруженное население — полностью зависит от предполагаемой легитимности потенциальных правителей. Сегодня, чтобы управлять любой значительной популяцией с помощью одной лишь грубой силы, потребовалось бы огромное количество ресурсов (оружие, шпионы, наемники и т. д.). Настолько много, что это было бы почти невозможно. Призрак банды безжалостных головорезов, захватывающей страну, может стать интересным фильмом, но на деле этого не может произойти в стране, оснащенной даже элементарными средствами связи и огнестрельным оружием. Единственный способ контролировать большую часть населения сегодня — это сначала убедить людей в том, что потенциальный правитель имеет моральное право контролировать их; он может получить власть только в том случае, если он сначала сможет вбить миф о «власти» в головы своих предполагаемых жертв, тем самым убедив их в том, что он является законным и надлежащим «правительством». И если он сможет этого добиться, ему потребуется очень мало реальной силы для захвата и удержания власти. Но если его режим когда-либо потеряет легитимность в глазах своих жертв или если он вообще не добьется этого с самого начала, одна лишь грубая сила не обеспечит ему какой-либо долговременной власти.

Короче говоря, ни банды, ни кооперативы никогда не смогут стать «правительством», если люди не поверят, что кто-то имеет право ими управлять. Точно так же, как только люди в целом освободятся от мифа о «авторитете», им не понадобится никакая революция, чтобы стать свободными; «Правительство» просто перестанет существовать, потому что единственное место, где оно когда-либо существовало, — это умы тех, кто верит в суеверие «власти». Опять же, политики и наемники, которые реализуют свои угрозы, вполне реальны, но без видимой легитимности они признаны бандой бандитов, довольных властью, а не «правительством».

Следует также упомянуть, что некоторые утверждали (включая Томаса Джефферсона в *Декларации независимости США*), что возможно и желательно иметь «правительство», которое ничего не делает, кроме защиты прав людей. Но организация, которая занимается только этим, не будет «правительством». Каждый человек имеет право защищать себя и других от нападающих. Осуществление этого права, даже посредством очень организованной крупномасштабной операции, не было бы «правительством», точно так же, как организованное крупномасштабное производство продуктов питания не образует «правительство». Чтобы что-то было «правительством», оно должно по определению делать то, что обычные люди делать не имеют права. «Правительство» с такими же правами, что и все остальные, не является «правительством» в большей степени, чем обычный человек с улицы.

Оправдание необходимости

Оправдание, к которому в конце концов часто прибегают этактисты¹ (люди, которые верят в «правительство»), состоит в том, что человечеству требуется «правительство», что обществу нужны правители, что кто-то должен нести ответственность, иначе будет постоянный хаос и кровавые конфликты. Но необходимость, реальная или воображаемая, не может сделать мифическое существо реальным. Право на власть не появится только потому, что мы якобы «нуждаемся» в нем для построения мирного общества. Никто не станет доказывать, что Санта-Клаус должен быть настоящим,

1 От фр. Etat - «государство». - Прим. перев.

потому что он нужен нам, чтобы было Рождество. Если «правительства» нет и не может существовать, как будет показано ниже, утверждение, что оно нам «нужно», не только бессмысленно, но и явно неверно. Мы не можем заставить что-то существовать одной лишь силой воли. Если вы выпрыгнете из самолета без парашюта, ваша «потребность» в парашюте не станет реальностью. Точно так же, если для человека невозможно получить право управлять другим и невозможно человеку получить обязательство подчиняться себе другому (как показано ниже), то утверждение, что такое «должно» быть — пустой аргумент.

Часть II

Опровержения власти

Избавление от мифа

Все больше людей теперь верят, что в «правительстве» нет необходимости и что человеческое общество на практическом уровне без него работало бы намного лучше. Другие утверждают, что независимо от того, что «работает» лучше, общество без принудительного государства является единственным моральным выбором, поскольку это единственный вариант, который не поддерживает насилие против невинных людей. Хотя такие аргументы и действительны, и ценны, на самом деле существует более фундаментальный момент, который делает такие дискуссии спорными: «правительство», морально это или нет, и независимо от того, «работает» оно или нет, существовать не может. Это не просто утверждение того, что должно быть — это описание того, что есть. Если «правительство» не может существовать — как это будет логически доказано ниже — любые споры о том, «нужно» ли оно нам или насколько хорошо оно работает на практическом уровне, бессмысленны.

Соответственно, суть этой книги заключается не в том, чтобы «правительство» было упразднено, а в том, что «правительство» — законный правящий класс — не существует и не может существовать, и что непризнание этого факта привело к неизмеримым страданиям и несправедливости. Даже большинство тех, кто признает «правительство» огромной угрозой человечеству, говорят о том, чтобы с ним покончить, как будто оно действительно существует. Они говорят так, будто есть выбор между «правительством» и «без правительства». Нет. «Правительство» — это логическая невозможность. Проблема не в самом «правительстве», а в вере в «правительство». По аналогии, тот, кто понимает, что Санта-Клаус ненастоящий, не начинает крестовый поход с целью отменить Санту или изгнать его с Северного полюса. Он просто перестает в него верить. Разница в том, что вера в Санта-Клауса не причиняет большого вреда, а вера в мифического зверя, называемого «правительством», привела к невообразимой боли и страданиям, угнетению и несправедливости.

Смысл здесь не в том, что мы должны попытаться создать мир без «правительств»; дело в том, что человеческим существам надлежит принять тот факт, что мир без «власти» — это все, что когда-либо существовало, и что человечество будет намного лучше, а люди будут вести себя гораздо более рационально, морально и цивилизованно, если бы этот факт был широко понят.

Почему миф так привлекателен

Прежде чем продемонстрировать, что «правительство» вообще не может существовать, следует кратко упомянуть, почему кто-то хочет, чтобы такая вещь существовала. Почему те, кто стремится к господству над другими, хотят, чтобы «правительство» существовало, понятно: оно дает им простой, якобы законный механизм, с помощью которого они могут насильственно контролировать других. Но почему кто-то еще — почему те, кого контролируют, — хотят, чтобы оно существовало?

Мышление этактистов обычно начинается с разумного беспокойства, а заканчивается безумным «решением». Среднестатистический человек, который смотрит на мир, зная, что существуют миллиарды людей, многие из которых глупы или враждебны, естественно, хочет получить какую-то уверенность в том, что он будет защищен от всех небрежных и злонамеренных действий других. Большинство сторонников «правительства» открыто называют это причиной необходимости «правительства»: потому что людям нельзя доверять, потому что в человеческой природе свойственно воровать, драться и т. д. Этактисты часто утверждают, что без контролирующей власти, без «правительства», которое устанавливает и следит за соблюдением правил общества для всех, каждый спор закончится кровопролитием, сотрудничество будет незначительным или отсутствовать вообще, торговля практически прекратится, это будет «каждый сам за себя», а человечество превратится в пещерного человека или в апокалиптический тип существования из фильма «Безумный Макс».

В результате дебаты между этактизмом и анархизмом часто ошибочно принимают за вопрос о том, являются ли люди по своей природе хорошими и заслуживающими доверия и, следовательно, не нуждаются в контролерах, или они по своей сути плохие и ненадежные и, следовательно, нуждаются в «правительстве» для внешнего контроля. По правде говоря, даже если все люди хорошие, все плохие или что-то среднее, вера во «власть» по-прежнему является иррациональным суеверием. Но самое популярное оправдание «правительства» — что люди плохие и их нужно контролировать — непреднамеренно обнажает безумие, присущее всякому этактизму.

Иными словами, если люди настолько беспечны, глупы и злонамеренны, что им нельзя доверять, чтобы они поступали правильно в одиночку, как можно было бы улучшить ситуацию, взяв подмножество тех же самых беззаботных, глупых и злонамеренных людей и вверить им разрешение их общества насильно контролировать всех остальных? Почему кто-то мог подумать, что перетасовка и реорганизация группы опасных зверей делает их цивилизованными? Ответ намекает на мифологическую природу веры в «правительство». Сторонники авторитарной власти ищут не просто иное устройство людей, а участие некой сверхчеловеческой сущности с правами, которых у людей нет, и с добродетелями, которых нет у людей, которые могут быть использованы для удержания всех ненадежных людей в узде. Сказать, что человеческие существа настолько несовершенны, что их нужно контролировать — распространенная идея среди этактистов — подразумевает, что контроль должно осуществлять нечто иное, кроме самих людей. Но как бы усердно вы ни изучали «правительство», вы обнаружите, что им всегда полностью управляют люди. Сказать, что «правительство» необходимо, потому что люди не заслуживают доверия, так же иррационально, как сказать, что, если на кого-то нападает рой пчел, решение состоит в том, чтобы создать тоталитарную иерархию среди пчел, возложив на некоторых пчел обязанность предотвращать причинение вреда другими пчелами. Какими бы опасными ни были пчелы, такое «решение» нелепо.

Верующие действительно хотят от «правительства» огромной, неудержимой силы, которая будет использована во благо. Но нет никакого волшебного фокуса, политического или какого-либо другого, способного гарантировать, что справедливость восторжествует, что «хорошие парни» победят или что невиновные будут защищены и о них позаботятся. Гигантского, сверхчеловеческого и магического спасителя, который, по утверждению государственников, необходим для спасения человечества от самого себя, не существует. По крайней мере, принято считать, что на этой планете люди находятся на вершине — над ними нет ничего, что могло бы контролировать их и заставлять вести себя должным образом, и галлюцинации такого

сверхчеловеческого существа не делают его реальностью и не помогают ситуации.

Религия «правительства»

«Правительство» не является ни научным понятием, ни рациональной социологической конструкцией; это также не логический и практический метод человеческой организации и сотрудничества. Вера в «правительство» основана не на разуме; она основана на вере. По правде говоря, вера в «правительство» — это религия, состоящая из набора догматических учений, иррациональных доктрин, которые противоречат как практике, так и логике, и которые методично запоминаются и повторяются слепо верующими людьми. Подобно другим религиям, евангелие «правительства» описывает сверхчеловеческое, сверхъестественное существо, превосходящее простых смертных, которое издает заповеди крепостному крестьянству, для которого беспрекословное повиновение является моральным императивом. Неповиновение заповедям («нарушение закона») рассматривается как грех, а наказание неверных и грешников («преступники») вызывает искреннее наслаждение; в то же время адепты испытывают большую гордость за свою собственную преданность и смиренное послушание своему богу («законопослушные налогоплательщики»). И хотя смертные могут смиренно просить своего хозяина о милости и разрешении делать определенные вещи, считается кощунственным и возмутительным, когда один из простых крестьян воображает себя способным решать, какому из «законов» бога «правительства» он должен следовать, а какой можно игнорировать. Их мантра такова: «Вы можете попытаться изменить закон, но пока это закон, все должны его соблюдать!»

Религиозный характер веры в «правительство» демонстрируется всем, когда люди торжественно встают, положив руки на сердце, и религиозно провозглашают свою бессмертную веру и верность флагу и «правительству» («государственный гимн»). Тем, кто произносит клятву верности, чувствуя глубокую гордость, редко приходит в голову, что на самом деле они клянутся в верности системе подчинения и авторитарного контроля. Короче говоря, они обещают делать то, что им говорят, и вести себя как преданные своему хозяину рабы. Помимо явно неточной фразы в конце о «свободе и справедливости для всех», вся клятва практически любого гимна (здесь: на примере американского республиканского гимна) посвящена подчинению «правительству», которое утверждает, что представляет общество, как если бы это само по себе было некой великой и благородной целью, а менталитет и эмоции, которые он призван вызвать, одинаково хорошо применимы к любому тираническому режиму в истории. Это обещание быть послушным и легко управляемым, подчиниться «республике», а не обещание поступать правильно. Многие другие патриотические ритуалы и песни, а также откровенно религиозное почитание двух кусков пергамента (Декларации независимости и Конституции США) также демонстрируют, что люди не просто рассматривают «правительство» как практическую необходимость: они рассматривают его как бога, которого следует хвалить и поклоняться, уважать и повиноваться.

Главный фактор, отличающий веру в «правительство» от других современных религий, заключается в том, что люди *на самом деле верят* в бога, называемого «правительством». Для сравнения, другие боги, в которых люди верят, и церкви, в которые они ходят, являются сейчас не более чем пустыми ритуалами и напыщенными суевериями. Когда дело доходит до их повседневной жизни, бог, которому люди на самом деле молятся, чтобы спасти их от несчастий, и реально способный поразить их врагов и осыпать их благословениями, — это «правительство».

Это «правительство», заповеди которого люди чаще всего уважают и соблюдают. Всякий раз, когда возникает конфликт между «правительством» и учениями меньших богов — например, «плати свою справедливую долю» (налогообложение) против «не кради», или «долг перед страной» (военная служба) вместо «не убий» — приказы «правительства» заменяют все учения других религий. Политики, первосвященники церкви «правительства» — глашатаи и представители «власти», провозглашающие священный «закон» свыше — даже открыто заявляют, что людям разрешено исповедовать любую религию, которую они пожелают, до тех пор, пока они не вступят в конфликт с высшей религией, не подчиняясь «закону», то есть велению бога, называемого «правительством».

Возможно, самым показательным является то, что если вы выскажете какому-нибудь простому человеку предположение, что, возможно, Бога не существует, он, вероятно, ответит менее эмоционально и враждебно, чем если бы вы подняли идею жизни без «правительства». Это указывает на то, к какой религии люди более глубоко эмоционально привязаны и в какую религию они на самом деле более твердо верят. Фактически, они настолько глубоко верят в «правительство», что даже не признают его верой. Причина, по которой так много людей реагирует на идею общества без гражданства («анархии») оскорблениями, апокалиптическими предсказаниями и эмоциональными истериками, а не спокойными рассуждениями, заключается в том, что их вера в «правительство» не является результатом тщательного и рационального рассмотрения аргументов и логики. Это во всех смыслах религиозная вера, в которую верят только благодаря длительной идеологической обработке. И нет практически ничего, что сторонники государства находят более экзистенциально ужасающим, чем размышление о возможности того, что «правительство» — их спаситель и защитник, учитель и господин — на самом деле не существует и никогда не существовало.

Многие политические ритуалы имеют явно религиозный подтекст. Грандиозные, похожие на соборы здания, пышность и обстановка на инаугурации и других «правительственных» церемониях, традиционные костюмы и старинные ритуалы, то, как обращаются и описывают членов правящего класса (например, «благородно»), все они придают таким процедурам вид святости и благоговения, что гораздо больше указывает на религиозные обряды, чем на практические средства коллективной организации.

Было бы неплохо иметь какое-нибудь морально превосходное, всемогущее божество, защищающее невинных и предотвращающее несправедливость. И именно этим, этаким надеются, и будет «правительство»: мудрым, беспристрастным, всезнающим и всемогущим «решающим лицом», которое возьмет верх над ошибочными, близорукими и эгоистическими капризами человека, безошибочно распределяя справедливость и правосудие. Однако этого нет и быть не может, и есть много причин, по которым совершенно глупо смотреть на «правительство» как на решение человеческого несовершенства. Например, почти каждый этаким хочет, чтобы «правительство» обеспечивало соблюдение объективных правил цивилизованного поведения. Более конкретно, каждый человек хочет, чтобы его собственное восприятие справедливости и морали поддерживалось «властями», не осознавая, что в тот самый миг, как только начинает существовать «правительство», человек больше не может решать, что считать моральным или справедливым, а что нет. «Власть» будет требовать права делать это за него. И поэтому в истории снова и снова верующие в «правительство» пытались создать всемогущую силу добра, помазывая некоторых людей в качестве правителей, и быстро понимали, что, когда хозяин восседает на трон, ему все равно, на что надеются его рабы, — он просто воспользуется силой, которую они ему дали.

Это случалось со всеми типами этатистов, с самыми разными убеждениями и программами. Социалисты утверждают, что «правительство» необходимо для «справедливого» перераспределения богатства; объективисты утверждают, что «правительство» необходимо для защиты прав личности; конституционалисты утверждают, что «правительство» необходимо для выполнения только тех задач, которые перечислены в Конституции; сторонники демократии утверждают, что «правительство» необходимо для выполнения воли большинства; многие христиане утверждают, что «правительство» необходимо для обеспечения соблюдения законов Бога и так далее. И в любом случае народ в итоге разочаровывается, потому что «власть» всегда меняет план, начиная служить только интересам людей, находящихся у власти. Как только группа правителей начинает «руководить», уже не имеет значения, что пытались достичь массы с помощью этой власти. Этот факт был продемонстрирован каждым «правительством» в истории: как только люди создают хозяина, люди по определению больше не управляют им.

Ожидать обратного, даже без всех исторических примеров, абсурдно. Умение хозяина служить рабу — ожидать, что власть будет использоваться исключительно на благо того, кого контролируют, а не того, кто контролирует — смешно. Еще более безумно то, что государственники заявляют, что назначение ими правителей — это единственный способ преодолеть несовершенство и ненадежность человека. Этатисты смотрят на мир, полный чужаков с сомнительными мотивами и сомнительной моралью, и они боятся того, что могут сделать некоторые из этих людей. Это само по себе вполне разумное беспокойство. Но затем, в качестве защиты от того, что могут сделать некоторые из этих людей, этатисты выступают за наделение некоторых из тех же людей сомнительной добродетели огромной властью и разрешением общества править всеми остальными в тщетной надежде, что каким-то чудом эти люди решат использовать свою новообетенную силу только во благо. Другими словами, этатист смотрит на своего ближнего и думает: «Я не верю, что ты мой сосед, но я верю, что ты мой хозяин».

Как ни странно, почти каждый этатист признает, что политики более нечестные, коррумпированные, коварные и эгоистичные, чем большинство людей, но все же настаивает на том, что цивилизация может существовать только в том случае, если этим особо ненадежным людям будут предоставлены как власть, так и право насильственно контролировать всех остальных. Верующие в «правительство» искренне верят, что единственное, что может уберечь их от изъязнов человеческой природы, — это взять некоторых из этих порочных людей — на самом деле, некоторых из самых порочных — и назначить их богами с правом доминирования. Все человечество в абсурдной надежде, что, получив такую огромную власть, такие люди будут использовать ее только во благо. И тот факт, что этого никогда не происходило в мировой истории, не мешает государственнымникам настаивать на том, что она «должна» случиться, чтобы обеспечить мирную цивилизацию.

(Личное примечание автора; я говорю все это как бывший набожный государственник, который на протяжении большей части своей жизни не только принимал внутренние противоречия и бредовые рационализации, лежащие в основе мифа о «правительстве», но и сам яростно распространял эту мифологию. Убедить от своей собственной авторитарной идеологической обработки было непросто, суеверие уходит медленно и неохотно, с большим количеством интеллектуальных «пинков и криков» по пути. Я упоминаю это только для того, чтобы можно было понять, что, когда я говорю о вере в «правительство» как совершенно иррациональной и безумной, я нападаю на свои собственные прежние

убеждения так же сильно, как и на чьи-либо еще).

Другой способ взглянуть на это состоит в том, что этатистов беспокоит то, что разные люди имеют разные верования, разные точки зрения, разные стандарты морали. Они выражают озабоченность, например: «Что, если нет правительства и кто-то думает, что можно убить меня и украсть мои вещи?» Да, если есть противоречивые взгляды — а они всегда были и всегда будут — они могут привести к конфликту. Авторитарное «решение» состоит в том, что вместо того, чтобы каждый сам решал, что правильно и что он должен делать, должен быть центральный «орган», который установит единый набор правил, которые будут применяться ко всем. Этатисты явно надеются, что «власть» издаст и обеспечит соблюдение правильных правил, но они никогда не объясняют, как и почему это могло произойти. Поскольку указы «правительства» пишутся простыми людьми (обычно исключительно жаждущими власти, коррумпированными людьми), почему кто-то должен ожидать, что их «правила» будут лучше, чем «правила», которые каждый человек выберет для себя?

Вера в «правительство» не заставляет всех соглашаться; это только создает возможность резко перерасти личные разногласия в крупномасштабные войны и массовое угнетение. Кроме того, наличие «правительства», разрешающего спор, ничего не дает, чтобы гарантировать победу «правой» стороны. Тем не менее, этатисты говорят так, будто «правительство» будет справедливым, разумным и рациональным в ситуациях, в которых не будут люди. Опять же, это демонстрирует, что верующие в «правительство» воображают, что «власть» обладает сверхчеловеческими добродетелями, которым следует доверять выше добродетелей простых смертных. История показывает обратное: искаженное чувство морали у одного или нескольких человек может привести к убийству одного человека или даже десятков, но такое же искаженное чувство морали у нескольких человек, когда они овладевают машиной под названием «правительство», может привести к убийству миллионов людей. Этатист хочет, чтобы его идея «хороших правил» была навязана всем центральным «правительством», но у него нет способа сделать это, и нет причин ожидать, что это произойдет. В поисках всемогущего «хорошего парня», который мог бы спасти положение, государственники всегда заканчивают тем, что создают всемогущих плохих парней. Снова и снова они создают гигантских неуправляемых «правительственных» монстров в надежде, что они будут защищать невинных, но обнаруживают, что монстры становятся гораздо большей угрозой для невинных, чем те угрозы, от которых они были созданы.

По иронии судьбы, в своих попытках гарантировать правосудие для всех государственники на самом деле защищают легитимацию зла. Истина в том, что все, что, вся вера во «власть» вообще делает и все, что она когда-либо может сделать, — это привнести в общество еще большее безнравственное насилие. Это не прискорбное совпадение и не побочный эффект хорошей идеи. Это факт, основанный на природе веры во «власть», и это легко логически доказать.

«Правительство» = аморальное насилие

Практически все согласны с тем, что иногда физическая сила оправдана, а иногда нет. Хотя существует большая спорная серая зона, общепринято считать, что агрессивная сила (инициирование насилия в отношении другого человека) неоправданно и аморально. Сюда входят воровство, нападение и убийство, а также более косвенные формы агрессии, такие как вандализм и мошенничество. С другой стороны, использование силы для защиты невинных широко признано оправданным,

моральным и даже благородным. Легитимность такой силы определяется ситуацией, в которой она используется, а не тем, кто ее применяет. Чтобы упростить, типы силы, которые каждый имеет право использовать, можно назвать «хорошей силой», а любые акты силы, которые нормальные люди не имеют права совершать, можно назвать «плохой силой» (читатель может применить его собственные стандарты, и здесь по-прежнему будет действовать логика).

Однако предполагается, что агенты «власти» имеют право применять силу не только в тех ситуациях, когда кто-либо имел бы такое право, но и во всех других ситуациях. Разумеется, если каждый имеет право применять силу, изначально оправданную как «добрая сила», а «законы» разрешают агентам «правительства» применять силу и в других ситуациях, тогда «закон» — это просто попытка узаконить плохую силу. Короче говоря, «власть» — это разрешение совершать зло, делать то, что было бы признано аморальным и неоправданным, если бы это сделал кто-то другой.

Очевидно, ни активный избиратель, гордо вывешивающий предвыборный знак у себя во дворе, ни благонамеренный гражданин, который «баллотируется на посты», не понимают этого факта. Если бы они это сделали, они бы поняли, что «демократия» — это не что иное, как одобренное большинством безнравственное насилие, которое не может исправить общество или быть инструментом свободы или справедливости. Несмотря на мифологию, утверждающую, что голос человека — это его «голос», а право голоса — это то, что делает людей свободными, правда в том, что вся «демократия» является узакониванием агрессии и неоправданного насилия. Логика этого настолько проста и очевидна, что требуется огромное количество пропаганды, чтобы научить людей не замечать этого, если каждый имеет право использовать по своей сути праведную силу, а «правительственным» агентам разрешено применять любую «силу», тогда и в других ситуациях, по самой своей природе, «правительство» добавляет обществу безнравственное насилие.

Проблема в том, что людей учат, что, когда насилие стало «законным» и было совершено «властью», оно превратилось из безнравственного насилия в праведное «правоохранительное действие». Фундаментальная посылка, на которой зиждется все «правительство», — это идея о том, что то, что было бы морально неправильным для обычного человека, может быть морально правильным, когда это делается агентами «власти», подразумевая, что стандарты морального поведения, применимые к людям не относятся к агентам «правительства» (опять же, намекая на то, что то, что называется «правительством», есть сверхчеловеческое явление). По своей сути праведная сила, которая, как правило, сводится к тому, что большинство людей ограничивается защитной силой, не требует какого-либо «закона» или специального «авторитета», чтобы сделать ее действительной. Единственное, для чего нужны «закон» и «правительство», — это попытка узаконить аморальную силу. Именно это «правительство» и добавляет, и оно единственное добавляет обществу еще большее по своей сути несправедливое насилие. Каждый, кто понимает эту простую истину, никогда не станет утверждать, что «правительство» необходимо для человеческой цивилизации.

Представление о том, что созданный человеком «закон» может отрицать обычные правила цивилизованного поведения, имеет довольно ужасающие последствия. Если «правительство» не ограничивается основами человеческой морали, что подразумевает само понятие «власть», какими стандартами или принципами будут вообще ограничены действия «правительства»? Если 30%-е «налогообложение» допустимо, почему недопустимо 100% «налогообложение»? Если «легальное» воровство законно и справедливо, почему «узаконенные» пытки и убийства не могут

быть законными и справедливыми? Если какая-то «коллективная потребность» требует, чтобы в обществе был институт, освобожденный от морали, почему должны быть какие-то ограничения на то, что оно может делать? Если уничтожение целой расы, или объявление религии вне закона, или насильственное порабощение миллионов считается необходимым для «общего блага», по каким моральным стандартам можно было бы жаловаться, если бы они приняли предпосылку «власти»? Вся вера в «правительство» основывается на идее, что «общее благо» в той или иной степени оправдывает «законное» начало насилия против невинных. И как только эта посылка принята, не существует объективных моральных стандартов, ограничивающих поведение «правительства». История слишком ясно показывает это.

Почти все принимают миф о том, что люди недостаточно заслуживают доверия, недостаточно моральны, недостаточно мудры, чтобы существовать в мире без «правительства», которое их сдерживает. Даже многие, кто согласен с тем, что в идеальном обществе не было бы правителей, часто полагают, что люди не «готовы» к такому обществу. Такие настроения основаны на фундаментальном непонимании того, что такое «правительство» и что оно добавляет обществу. Идея «правительства» как «необходимого зла» (как его описал Патрик Генри) подразумевает, что существование «правительства» налагает ограничения на насильственную агрессивную природу людей, тогда как в действительности оно делает прямо противоположное: вера во «Власть» узаконивает и «легализует» агрессию.

Независимо от того, насколько глупы или мудры люди, или насколько злонамеренны или добродетельны они могут быть, сказать, что люди не «готовы» к безгосударственному обществу, или что им нельзя «доверять» существование, не имея поклонного «правительства», означает, что мирная цивилизация может существовать только при наличии огромной мощной машины, которая привносит в общество огромное количество безнравственного насилия. Конечно, эстеты не признают насилие аморальным, потому что для них это не простые смертные совершают насилие, но представители божества, известного как «правительство», а божества имеют право делать то, чего не делают смертные. При точном, буквальном описании это почти повсеместное убеждение — что необходимо ввести безнравственное насилие в общество, чтобы не дать людям совершать безнравственное насилие — разоблачается как откровенно абсурдный миф. Но каждый, кто верит в миф о «правительстве», должен верить именно в это. Они перестают верить в это в результате рационального мышления и логики; но принимают это как Символ веры, потому что это часть неоспоримого учения церкви о «правительстве».

Кто дал им право?

Вот несколько способов показать, что мифология, которую люди преподают о «правительстве», противоречива и иррациональна. Один из самых простых способов — задать вопрос: как кто-то получает право управлять другим? Старые суеверия утверждали, что определенные люди были специально назначены богом или группой богов, чтобы править другими. В различных легендах рассказывается о сверхъестественных событиях (*Владычица Озера, Меч в Камне и т. д.*), которые определяли, кто будет достаточно крепок, чтобы править другими. К счастью, человечество по большей части переросло эти глупые суеверия. К сожалению, на смену им пришли новые суеверия, еще менее рациональные.

По крайней мере, старые мифы приписывали некоей таинственной «высшей силе» задачу назначать одних людей правителями над другими — что-то божество могло, по крайней мере, теоретически. Новые оправдания «властей», однако, претендуют на совершение того же удивительного подвига, но без сверхъестественной помощи. Короче говоря, несмотря на все сложные ритуалы и замысловатые рационализации, вся современная вера в «правительство» основывается на представлении о том, что простые смертные могут посредством определенных политических процедур наделить некоторых людей различными правами, которыми никто из людей изначально не обладал. Безумие, присущее такому понятию, должно быть очевидным. Не существует ритуала или документа, посредством которого какая-либо группа людей могла бы делегировать кому-либо право, которым никто в группе не обладает. И эта самоочевидная истина сама по себе уничтожает любую возможность законного «правительства».

Обычный человек считает, что «правительство» имеет право делать множество вещей, которые средний человек не имеет права делать в одиночку. Возникает очевидный вопрос: как и от кого те, кто находится в «правительстве», получили такие права? Как, например, — назовите это «кражей» или «налогообложением» — члены «правительства» получают право насильственно отбирать собственность у тех, кто ее заработал? Такого права нет ни у одного избирателя. Так как же избиратели могли дать такое право политикам? Весь современный этатизм полностью основан на предположении, что люди могут делегировать права, которых у них нет. Даже Конституция США делала вид, что предоставляет «Конгрессу» право «облагать налогом» и «регулировать» определенные вещи, хотя сами авторы Конституции не имели такого права и поэтому не могли дать такую функцию кому-либо еще.

Поскольку каждый человек имеет право «управлять» собой (какой бы шизофреничной ни была эта идея), он может, по крайней мере теоретически, уполномочить кого-то другого управлять собой. Но есть право, которым он не обладает и, следовательно, не может передать кому-либо другому, — это право управлять кем-то другим. И если бы «правительство» управляло только теми людьми, каждый из которых добровольно делегировал свое право управлять самим собой, это было бы не правительство.

И количество задействованных людей не влияет на логику. Утверждать, что большинство может наделить кого-то правом, которым никто из людей в этом большинстве не обладает, столь же безумно, как утверждать, что три человека, у каждого из которых нет машины или денег, чтобы купить машину, могут отдать машину кому-то другому. Проще говоря, вы не можете дать кому-то то, чего у вас нет. И эта простая истина сама по себе исключает всякое «правительство», потому что, если те, кто находится в «правительстве», имеют только те права, которыми обладают те, кто их избрал, тогда «правительство» теряет важный ингредиент, который делает его «правительством»: право господствовать над другими («власть»). Если он имеет те же права и полномочия, что и все остальные, нет причин называть его «правительством». Если у политиков не больше прав, чем у вас, все их требования и приказы, все их политические ритуалы, «законы», суды и т. д. представляют собой не что иное, как симптомы глубокого бредового психоза. Ничто из того, что они делают, не может иметь никакой легитимности, как если бы вы сделали то же самое самостоятельно, если только они каким-то образом не приобрели права, которых у вас нет. А это невозможно, поскольку никто на Земле и никакая группа людей в этом мире не могла дать им такие сверхчеловеческие права.

Ни один политический ритуал не может изменить мораль. Никакие выборы не могут

превратить злой поступок в добрый поступок.

Если для вас считается плохим делать что-то конкретное, то это считается плохим и для тех, кто *сидит* в «правительстве». И если та же мораль, которая применима к вам, также применима к тем, кто находится в «правительстве», если те, кто находится в «государственной должности», имеют те же права, что и вы, и не более того, тогда «правительство» перестает быть правительством. Если судить по тем же стандартам, что и других смертных, те, кто носит ярлык «правительства», представляют собой не что иное, как банду головорезов, террористов, воров и убийц, и их действиям недостает легитимности, какой-либо обоснованности, какого-либо «авторитета». Они не что иное, как банда мошенников, которые настаивают на том, что различные документы и ритуалы дали им право быть мошенниками. К сожалению, им верят даже большинство их жертв.

Изменение морали

Понятие «власть» зависит от понятий правильного и неправильного (то есть морали). Иными словами, «власть» не означает просто способность насильственно контролировать других людей, чем обладают бесчисленные головорезы, воров и банды, которых не называют «властью»; это означает право контролировать других людей, что подразумевает моральное обязательство подчиняться не только для того, чтобы избежать наказания, но и потому, что такое послушание (будучи «законопослушным») является моральным добром, а непослушание («нарушение закона») морально плохо. Таким образом, чтобы существовала такая штука, как «власть», должны быть категории правильного и неправильного. *(То, как кто-то определяет правильное и неправильное, или то, что, по вашему мнению, является источником морали, не имеет особого значения для целей этого обсуждения. Используйте свои собственные определения, и в этом все равно будет логика).* Хотя концепция «власти» требует существование правильного и неправильного, оно одновременно и полностью исключает существование правильного и неправильного. Простая аналогия докажет это, казалось бы, странное утверждение.

Законы математики — объективная, неизменная часть реальности. Если вы прибавите два яблока к двум яблокам, у вас будет четыре яблока. Те, кто изучает математику, стремятся больше узнать о реальности, узнать о том, что уже существует. Тот, кто вошел в область математики с заявленной целью изменить законы математики, будет считаться сумасшедшим, и это справедливо. Представьте себе, насколько абсурдно было бы со стороны какого-нибудь профессора математики заявить: «Настоящим постановляю, что впредь два плюс два будут равняться пяти». Однако такое безумие происходит каждый раз, когда политики принимают «законы». Они не просто наблюдают за миром и пытаются наилучшим образом определить, что правильно, а что неправильно — то, что каждый человек обязан делать для себя сам. Нет, они утверждают, что изменяют мораль, издав какой-то новый указ. Другими словами, как сумасшедший профессор математики, который думает, что может простым заявлением сделать два плюс два равными пяти, политики говорят и действуют так, как будто они и есть источник морали, как если бы у них была власть изменять (через «законотворчество»), что правильно и неправильно: как будто действие может стать плохим просто потому, что они объявили его «незаконным», и наоборот.

Независимо от того, является ли проблема математикой, моралью или чем-то еще, существует огромная разница между попыткой определить, что есть правда, и попыткой диктовать правду. Первое полезно; последнее безумно. И последнее — то,

что «правительство» делает вид, что делает каждый день. В своем «законотворчестве» политики не просто выражают то, как, по их мнению, должны вести себя люди, основываясь на универсальных стандартах морали. Любой имеет право сказать: «Я считаю, что делать то-то — плохо, а делать то-то — хорошо», но никто не назовет такие мнения «законами». А политики говорят: «Мы делаем это плохим, а это делаем хорошим». Короче говоря, каждый «законодатель» страдает глубоко бредовым комплексом бога, который заставляет его поверить в то, что с помощью политических ритуалов он на самом деле имеет власть вместе со своими товарищами-«законодателями» изменять добро и зло простым указом.

Смертные не могут изменить мораль так же, как законы математики. Их понимание чего-либо может измениться, но они не могут своим указом изменить природу Вселенной. И никто в здравом уме не будет даже пытаться это сделать. Но это то, чем притворяется каждый новый «закон», принимаемый политиками: изменение того, что составляет моральное поведение. И сколь бы идиотской ни была эта идея, она является необходимым элементом веры в «правительство»: идея о том, что массы морально обязаны подчиняться «законодателям» — что неповиновение («нарушение закона») морально неправильно, и не потому что команды политиков совпадают с объективными правилами морали, а потому, что их команды диктуют и определяют, что морально, а что нет.

Понимание того простого факта, что простые смертные не могут превратить добро в зло или зло в добро, само по себе разрушает миф о «правительстве». Любой, кто полностью понимает эту простую истину, не может и дальше верить в «правительство», потому что если политикам не хватает такой сверхъестественной силы, их команды не несут никакой внутренней легитимности, и они перестают быть «властью». Если только добро не является тем, о чем говорят политики — если правильное и неправильное на самом деле не происходит из прихоти богов-политиков, — тогда ни у кого не может быть морального обязательства уважать или подчиняться приказам политиков, и их «законы» становятся полностью недействительны и неуместны.

Короче говоря, если есть такие понятия, как «правильно» и «неправильно», как бы вы ни хотели дать определение этим терминам, тогда «законы» «правительства» всегда незаконны и бесполезны.

Каждый человек (по определению) морально обязан делать то, что он считает правильным. Если «закон» предписывает ему поступать иначе, этот «закон» по своей сути незаконен, и его следует нарушать. И если «закон» совпадает с тем, что правильно, «закон» просто не имеет значения. Причина, по которой, например, воздерживаться от совершения убийства, заключается в том, что убийство является неправильным по своей сути. Независимо от того, приняли ли некоторые политики «закон», объявляющий убийство неправомерным — вне зависимости от того, объявили ли они его вне закона, — это никак не повлияет на мораль преступления. «Законодательство», что бы в нем ни говорилось, никогда не является причиной того, что что-то хорошо или плохо. В результате даже «законы», запрещающие злые действия, такие как нападение, убийство и воровство, являются незаконными. Хотя люди не должны совершать такие действия, это происходит потому, что эти действия сами по себе являются злом, а не потому, что созданные человеком «законы» говорят, что они ошибочны. И если нет обязательства подчиняться «законам» политиков, то у них по определению нет «власти».

Возвращаясь к аналогии с профессором математики, если бы профессор авторитетно

заявил, что своим простым указом он собирался сделать два плюс два равными пяти, любой здравомыслящий человек посчитал бы этот указ неверным и бредовым. Если, с другой стороны, профессор объявит, что он собирается сделать два плюс два равными четырем, такое заявление все равно будет глупым и бессмысленным, даже если два плюс два действительно равны четырем. Заявление профессора — не причина, по которой эта сумма равна четырем. В любом случае заявление профессора не повлияет и не должно повлиять на способность людей складывать два и два. То же самое и с «законами» политиков: независимо от того, совпадают ли они на самом деле с объективными правильным и неправильным, у них никогда не будет «власти», потому что они никогда не являются источником правильного и неправильного, они никогда не обязывают кого-либо вести себя определенным образом и поэтому не должны иметь отношения к тому, что кто-либо считает моральным или аморальным.

Рассмотрим пример «законов» о наркотиках. Полагать, что применять насилие против кого-то из-за пива (что «законно») — плохо, но в то же время для «правоохранительных органов» хорошо применять насилие против кого-то, кто курит травку (потому что это «незаконно»), логически подразумевает, что политики на самом деле обладают способностью изменять мораль — брать два по существу идентичных поведения и превращать одно в безнравственный поступок, который даже оправдывает насильственное возмездие. Более того, если кто-то принимает легитимность «законов» (приказов политиков), он также должен признать, что употребление алкоголя было совершенно моральным в один день, но стало аморальным на следующий день — в день введения «запрета». Затем, пару лет спустя, вот это было аморально, а на следующий день — снова морально (запрет был отменен). Даже боги большинства религий не претендуют на власть постоянно исправлять и пересматривать свои заповеди, регулярно менять то, что правильно и что неправильно. На такую власть претендуют только политики. Каждый акт «законодательства» включает в себя такое безумие: представление о том, что однажды действие может быть совершенно допустимым, а уже на следующий день — в день, когда оно было «объявлено вне закона» — было бы аморальным.

Неизбежность суждения

Почти всех учат, что уважение к «закону» имеет первостепенное значение для цивилизации и что хорошие люди — это те, кто «играет по правилам», то есть они подчиняются приказам «правительства». Но на самом деле мораль и послушание часто прямо противоположны. Бездумная приверженность какому-либо «авторитету» представляет собой величайшее предательство человечеству из возможных, поскольку оно направлено на отказ от свободы воли и индивидуального суждения, которые делают нас людьми, то есть способными к нравственности, в пользу слепого послушания, которое унижает человеческое достоинство, делает подобным безответственным роботам. Вера во «власть» — идея о том, что человек всё время обязан игнорировать свои собственные суждения и процесс принятия решений в пользу подчинения кому-то другому, — не просто плохая идея; это противоречиво и абсурдно. Глубокое безумие, связанное с этим, можно резюмировать следующим образом:

«Я считаю, что соблюдать закон — это хорошо. Другими словами, я считаю, что должен поступать так, как велят законодатели. Другими словами, я считаю, что вместо того, чтобы принимать собственные решения о том, что мне делать, я должен подчинить себя воле тех, кто находится в правительстве. Другими словами, я считаю, что лучше, чтобы мои действия были продиктованы

суждением людей, находящихся у власти, а не моим личным суждением. Другими словами, я считаю, что для меня правильно следовать суждению других, и неправильно для меня следовать своему собственному суждению. Другими словами, я считаю, что не должен судить самостоятельно».

В любом случае, когда возникает конфликт между собственной совестью человека и тем, что велит «закон», есть только два варианта: либо человек должен следовать своей совести независимо от того, что говорит так называемый «закон», либо он обязан подчиняться «закону», даже если это означает делать то, что он лично считает неправильным. Независимо от того, ошибочно мнение человека или нет, это шизофреническое безумие — верить, что для человека хорошо делать то, что он считает плохим. Но это основа веры во «власть». Если человек понимает тот факт, что каждый обязан, всегда и везде, делать то, что он считает правильным, тогда у него не может быть никакого морального обязательства подчиняться любому постороннему «авторитету». Опять же, если «закон» совпадает с суждением человека, «закон» не имеет значения. Если же, с другой стороны, «закон» противоречит его индивидуальному суждению, то «закон» следует рассматривать как незаконный. В любом случае «закон» не имеет «власти».

(Обязанность подчиняться «власти» — это не то же самое, когда, например, люди добровольно меняют свое поведение ради мирного сосуществования. К примеру, человек может думать, что имеет полное право играть музыку на своем дворе, но, тем не менее, может отказаться от этого по просьбе своего соседа. Или человек может изменить то, как он одевается, разговаривает и ведет себя, когда он посещает какую-то другую культуру или какое-то место, где его обычное поведение может оскорбить других. Есть много факторов, которые могут повлиять на чье-то мнение о том, что ему следует или не следует делать. Признание «власти» как мифа вовсе не то же самое, что и заботиться о том, что думают другие. Соблюдение различных обычаев, стандартов поведения и других социальных норм ради того, чтобы ладить и избегать конфликтов, часто является совершенно рациональным и полезным занятием. Нерационально чувствовать себя морально обязанным сделать то, что человек лично не считает правильным в данных обстоятельствах).

Откровенно говоря, вера в «правительство» служит ментальным костылем для людей, стремящихся избежать ответственности, связанной с тем, чтобы быть мыслящим человеком. Это попытка переложить ответственность за принятие решений на кого-то другого — тех, кто претендует на звание «власти». Но попытка избежать ответственности, «просто следуя приказам», глупа, потому что требует, чтобы человек сделал то, что ему сказали. Даже то, что кажется слепым послушанием, все же является результатом индивидуального выбора послушания. Отказаться от выбора невозможно. Или, как выразилась группа Rush в своей песне «Свобода воли»: *«Если вы решили не принимать решения, вы все равно сделали выбор».*

Оправдание «я всего лишь выполнял приказ» аккуратно уклоняется от того факта, что человек сначала должен был решить, что он будет подчиняться «власти». Даже если некий «авторитет» провозглашает: «Вы должны подчиняться мне», как ранее утверждали бесчисленные противоречащие друг другу «авторитеты», человек все равно должен выбрать, кому из них, если таковые имеются, верить. Тот факт, что большинство людей очень мало думают о таких вещах, не отменяет того факта, что у них была возможность не подчиняться, и поэтому они несут полную ответственность за свои действия — именно ту ответственность, которую они хотели передать «власти». Невозможно не судить; невозможно не сделать выбор. Совершенно безумно для человека делать вид, будто кто-то или что-то другое сделал его выбор за него —

что он не участвовал в принятии решения и, следовательно, не несет ответственности за результат. Верное повиновение «власти», хотя многие и изображают его как великую добродетель, на самом деле не более чем жалкая попытка избежать ответственности за человеческое существование и превратиться в бездумную, аморальную, программируемую машину.

Каждый всегда делает свой собственный выбор и несет личную ответственность за этот выбор. Даже те, кто выдумывает себе «власть», по-прежнему предпочитают верить и подчиняться, и по-прежнему несут ответственность за это. «Власть» — это просто заблуждение, когда люди воображают, что можно избежать ответственности, просто выполняя то, что им сказали. Или, выражаясь более прямо:

Ваши действия всегда полностью определяются вашим собственным суждением и вашим собственным выбором. Пытаться приписать свое поведение какой-то внешней силе, такой как «власть», — трусливо и нечестно. Вы сделали выбор и несете ответственность. Даже если вы просто глупо повиновались некоему самопровозглашенному «авторитету», вы все равно решили это сделать. Утверждение, что что-то вне вас делает ваш выбор за вас — то есть утверждение, что у вас не было выбора; что нужно было подчиняться «авторитету» — трусливая ложь.

Нет короткого пути к определению истины, касающейся морали или чего-либо еще. Слишком часто основа системы убеждений людей сводится к следующему: «Чтобы узнать, что правда, все, что мне нужно сделать, — это спросить у непогрешимого для меня правительства; и я знаю, что мое правительство всегда право, потому что оно говорит мне, что оно всегда право». Конечно, всегда будет существовать бесчисленное множество конкурирующих, противоречащих друг другу «авторитетов», и каждый объявит себя источником истины. Следовательно, люди не просто должны думать за себя, что истинно, а что нет; это совершенно неизбежно. Даже те, кто считает великой добродетелью иметь систему убеждений — политическую, религиозную или иную — основанную на «вере», не понимают, что только человек может решить, во что верить. Хочет ли он признать это или нет, он всегда принимает окончательное решение; он всегда использует собственное суждение, чтобы решить, во что верить и что делать.

Часть III

Влияние мифа

Последствия мифа

На протяжении веков люди питались всевозможными суевериями и ложными предположениями, многие из которых были относительно безобидными. Например, когда большинство людей считало, что Земля плоская, это фактически неверное представление мало или не имело никакого влияния на то, как люди жили своей повседневной жизнью или как они относились друг к другу. Точно так же, если дети верят в зубную фею или в то, что аисты приносят детей, они не станут распространителями зла в результате принятия таких мифов. С другой стороны, на протяжении многих лет другие ложные предположения и мифы представляли реальную опасность для человечества. Это могло быть простое недоразумение среди врачей, которое побудило их прописывать «лекарства», которые представляли большую угрозу для их пациентов, чем болезни, которые они пытались лечить. В качестве более яркого примера некоторые культуры приносили человеческие жертвы в надежде, что это принесет пользу их воображаемым богам.

Но ничто другое не приближается к уровню разрушения — умственного, эмоционального и физического — которое произошло во всем мире и на протяжении всей записанной истории в результате веры в «правительство». Резко меняя восприятие мира людьми, миф о «правительстве» также меняет их мысли и действия. Фактически, вера в легитимность правящего класса («властей») побуждает почти всех либо потворствовать, либо совершать злодеяния, даже не осознавая этого. Убедившись, что «власть» реальна и что благодаря ей некоторые люди приобрели моральное право инициировать насилие и совершать акты агрессии против других (посредством так называемых «законов»), каждый демократ, каждый республиканец, каждый избиратель и все остальные, кто защищает «правительство» в любой форме, являются сторонниками насилия и несправедливости. Конечно, они видят это иначе, потому что их вера во «власть» изменила и исказила их восприятие реальности.

Проблема в том, что когда что-то меняет восприятие реальности человеком, он редко замечает это. Например, мир может выглядеть совсем иначе для человека, носящего цветные контактные линзы, даже если он не может видеть сами линзы. То же самое и с ментальными «линзами». Каждый думает, что мир действительно такой, каким он его видит. Каждый может указать на других и заявить, что они оторваны от реальности, но почти никто не думает, что его собственное восприятие искажено, даже когда другие прямо говорят ему об этом. В результате миллиарды людей указывают друг на друга пальцами, рассказывая друг про друга, насколько они бредовые и заблуждающиеся, при этом почти никто из них не желает или даже не может честно исследовать «линзы», искажающие их собственное восприятие.

Все, чему подвергается человек, особенно в молодости, влияет на то, как он смотрит на мир. То, чему его учили родители, чему он научился в школе, как он видел поведение людей, культура, в которой он вырос, религия, в которой он вырос, — все это создает долговременный набор ментальных «линз», влияющих на то, как он видит мир. Существует бесчисленное множество примеров того, как простое различие во взглядах привело к ужасным последствиям.

Террорист-смертник, который намеренно убивает десятки незнакомых людей,

воображает, что поступает правильно. Почти каждый по обе стороны каждой войны считает себя правым. Никто не воображает себя плохим парнем. Военные конфликты полностью являются результатом различий во взглядах, возникших из-за ментальных «линз», которые были натренированы на солдат с обеих сторон. Само собой разумеется, что если бы тысячи в основном хороших людей видели мир таким, какой он есть, они не пытались бы отчаянно убить друг друга. В большинстве случаев проблема заключается не в реальном зле или злобе, а просто в неспособности видеть вещи такими, какие они есть.

Рассмотрим в качестве аналогии человека, который проглотил сильный галлюциноген и в результате приходит к убеждению, что его лучший друг на самом деле является замаскированным злобным инопланетным монстром. С точки зрения человека, страдающего галлюцинациями, жестокое нападение на своего друга совершенно разумно и оправдано. Проблема того, чье восприятие реальности было настолько искажено, не в том, что он аморален, или что он глуп, или что он злонамерен. Проблема в том, что он не видит вещи такими, какие они есть на самом деле, и в результате решения и действия, которые кажутся ему идеально подходящими, на самом деле ужасно разрушительны. И когда такую галлюцинацию разделяют многие, результаты становятся намного хуже.

Когда у всех одинаковое неправильное восприятие реальности — когда все верят во что-то ложное, даже во что-то явно абсурдное — это не кажется им ложным или абсурдным. Когда ложная или нелогичная идея постоянно повторяется и подкрепляется почти всеми, редко кому приходит в голову начать сомневаться в ней. Фактически, большинство людей становятся буквально неспособными ставить под сомнение это, потому что со временем оно закрепляется в их сознании как данность — предположение, которое не нуждается в рациональной основе, в анализе или пересмотре, потому что все знают, что это правда. В действительности, однако, каждый человек просто предполагает, что это правда, потому что он не может представить, что все остальные — включая всех уважаемых, известных, образованных людей на радио и телевидении — могут все поверить во что-то ложное. Как может один простой человек сомневаться в чем-то, что всем остальным кажется совершенно комфортным, принятым за бесспорную истину?

Такая глубоко укоренившаяся вера невидима для тех, кто ей верит. Когда ум всегда думал о чем-то одним способом, этот ум будет воображать доказательства и галлюцинации, подтверждающие эту идею. Тысячу лет назад люди с уверенностью заявили бы, что это доказанный факт, что Земля плоская, и сказали бы это с такой же уверенностью и честностью, как мы теперь заявляем, что она шарообразная. Для них идея о мире как о гигантском сферическом объекте, плавающем в пространстве и ни к чему не привязанном, была бы явно смешной. И их совершенно ложное предположение о плоском мире показалось бы им научным, самоочевидным фактом.

То же самое и с верой во «власть» и «правительство». Для большинства людей «правительство» кажется очевидной реальностью, такой же рациональной и самоочевидной, как гравитация. Мало кто когда-либо объективно исследовал эту концепцию, потому что у них никогда не было причин для этого. «Все знают», что «правительство» реально, необходимо, законно и неизбежно. Все предполагают, что это так, и говорят так, как будто это так, так зачем кому-то сомневаться в этом? Людям не только редко дают повод исследовать понятие «правительство», но у них есть очень убедительный психологический стимул не исследовать его. Чрезвычайно неудобно и тревожно, даже экзистенциально пугающе, когда кто-то ставит под сомнение одно из фундаментальных допущений, на которых основывались все его взгляды на

реальность и весь его моральный кодекс на протяжении всей его жизни. Тому, чье восприятие и суждение были искажены суеверием «власти» (а это касается почти всех), будет нелегко и неприятно увидеть возможность того, что вся его система убеждений основана на лжи, и что многое из того, что он на протяжении всей своей жизни в результате веры в эту ложь причинял вред себе, своим друзьям и семье, а также человечеству в целом.

Короче говоря, вера во «власть» и «правительство» искажает восприятие почти каждого человека, искажает его суждения и заставляет его говорить и делать вещи, которые часто являются иррациональными, или бессмысленными, или контрпродуктивными, или лицемерными, или даже ужасно разрушительными и нечеловечески злыми. Конечно, верующие в миф не видят этого, потому что они вообще не считают это верой. Они твердо убеждены в том, что «правительство» реально, и, основываясь на этом ложном предположении, приходят к выводу, что их результирующие представления, мысли, мнения и действия совершенно разумны, оправданы и правильны, точно так же, как ацтеки, несомненно, верили в свои человеческие жертвы как разумные, оправданные и необходимые. Суеверие, способное заставить достойных людей во всем остальном рассматривать добро как зло, а зло как добро — именно это и делает вера во «власть» — вот что представляет реальную угрозу человечеству.

Суеверие «власти» по-разному влияет на восприятие и действия разных людей, будь то «законодатели», воображающие себя имеющими право на власть, или «правоохранительные органы», которые воображают, что имеют право и обязаны обеспечить выполнение приказов «законодателей», или субъекты, которые воображают, что моральный долг состоит в подчинении им, или простые зрители, которые смотрят на них как на нейтральных наблюдателей. Влияние веры во «власть» на эти различные группы, взятые вместе, приводит к такой степени притеснения, несправедливости, хищений и убийств, какие в противном случае просто не могли бы существовать.

Часть III (а) Влияние мифа на хозяев

Божественное право политика

В этой стране² во главе банды под названием «правительство» стоят конгрессмены, президенты и «судьи». (В других странах правители известны под другими именами, такими как «короли», «императоры» или «члены парламента»). И хотя они находятся на вершине авторитарной организации, они не воспринимаются как «власть» (такими, какими раньше были короли). Людям все еще кажется, что они действуют от имени чего-то другого, а не себя — некой абстрактной сущности, называемой «правительством». В результате веры во «властей» они воображаются имеющими право делать от имени «правительства» то, что никто из них не имеет права делать в индивидуальном порядке. Легитимность их действий измеряется не тем, что они делают, а тем, как они это делают. В глазах большинства людей действия,

2 Имеется ввиду США, родина автора, хотя общий принцип применим абсолютно ко всем современным государствам. - Прим. перев.

которые политики предпринимают в «официальном качестве», и приказы, которые они издают с помощью «исполнения общепринятых политических ритуалов», оцениваются по совершенно иным стандартам, чем их действия как частные лица.

Если конгрессмен врывается в дом своего соседа и берет 1000 долларов, его считают преступником. Если, с другой стороны, он вместе со своими коллегами-политиками вводит «налог», требуя те же 1000 долларов от того же соседа, это считается законным.

В этом случае то, что было бы вооруженным ограблением, воспринимается почти всеми как законное «налогообложение». Мало того, что конгрессмена не будут рассматривать как мошенника, но и любые «налоговые мошенники», сопротивляющиеся его вымогательским требованиям, будут считаться «преступниками».

Однако вера во «власть» не только меняет отношение масс к «законодателям»; это также меняет то, какими «законодатели» видят самих себя. Должно быть очевидно, что если человек убедится в том, что он имеет моральное право управлять другими, эта вера окажет значительное влияние на его поведение. Если он считает, что имеет право требовать часть дохода каждого под угрозой наказания (при условии, что он делает это в соответствии с принятыми «законными» процедурами), он почти наверняка это сделает. Если он убежден, что имеет право принудительно контролировать решения своих соседей — что для него это морально и законно — он почти наверняка это сделает. И, по крайней мере, поначалу, он может делать это даже из самых лучших побуждений.

Простое мысленный эксперимент дает представление о том, как и почему политики действуют именно так. Подумайте, что бы вы сделали, если бы вас сделали королем мира. Если бы вы были ответственными, как бы вы улучшили ситуацию? Прежде чем читать дальше, внимательно обдумайте вопрос.

На вопрос, что бы они сделали, будь они главными, почти никто не ответил: «Я бы просто оставил людей в покое». Вместо этого большинство людей начинают придумывать способы, которыми они могли бы использовать способность контролировать людей как инструмент добра для улучшения человечества. Если исходить из предположения, что такой контроль может быть законным и справедливым, возможности практически безграничны. Можно сделать страну более здоровой, заставив людей есть более питательную пищу и регулярно заниматься спортом. Можно помочь бедным, заставив богатых давать им деньги. Можно сделать общество безопаснее, заставив людей платить за сильную систему защиты. Можно сделать вещи более справедливыми, а общество более сострадательным, заставив людей вести себя так, как надо.

Однако, хотя можно вообразить множество положительных выгод для общества, если бы только «правительственная» власть использовалась во благо, также легко вообразить и возможность тирании и угнетения — фактически неизбежность тирании и угнетения. Если кто-то считает себя вправе контролировать других, маловероятно, что он решит не использовать эту силу. И какие бы благородные намерения он ни имел в начале, на самом деле он в конечном итоге будет использовать насилие и угрозу насилия, чтобы навязать свою волю другим. Даже такие, казалось бы, благие дела, как «помощь бедным», в первую очередь требуют от «правительства»

насильственно отбирать богатство у кого-то другого. Как только кто-то — каким бы добродетельным и благонамеренным он ни был — принял предпосылку о том, что «законная» агрессия является законной, и как только ему были переданы бразды правления, а вместе с ними и предполагаемое право управлять, шансы этого человека на отказ от принудительного контроля над своими соседями становятся ничтожно малы. Уровень принуждения и насилия, которые человек может применить к другим, может быть разным, но он станет тираном в той или иной степени, потому что как только кто-то действительно поверит, что он имеет право править (даже если только «ограниченно»), он не будет смотреть на других и относиться к другим как к равным. Он будет рассматривать их и относиться к ним как к субъектам.

И это если человек изначально с хорошими намерениями. Многие из тех, кто стремится к «высокому положению», с самого начала делают это из чисто эгоистических соображений, потому что они жаждут богатства и власти и получают удовольствие от доминирования над другими людьми. Конечно, получение «власти» для таких людей является средством достижения огромной власти, которой в противном случае они бы не обладали. Примеры во всем мире и на протяжении всей истории, когда люди, страдающие манией величия, использовали фасад «правительства» для совершения чудовищных злодеяний, настолько распространены и хорошо известны, что о них вообще не нужно упоминать. Помещение злых людей на позиции «правительства» (например, Сталина, Ленина, Мао, Гитлера, Муссолини, Пол Пота) привело к грабежу, нападению, преследованию, терроризму, пыткам и прямому убийству неопределимого числа людей. Это настолько очевидно, что даже говорить об этом глупо: наделение властью плохих людей представляет опасность для человечества.

Но наделение властью хороших людей — людей, которые, по крайней мере изначально, намереваются использовать свою власть во благо, — может быть столь же опасным, потому что для того, чтобы человек поверил, что он имеет право управлять, обязательно требуется, чтобы он поверил, что он освобожден от основной человеческой морали. Когда кто-то воображает себя законным «законодателем», он будет пытаться использовать силу «закона», чтобы контролировать своих соседей, и при этом не будет чувствовать себя виноватым.

По иронии судьбы, хотя «законодатели» находятся на самом вершине авторитарной иерархии, даже они не берут на себя личную ответственность за действия «правительства». Даже они говорят так, как будто «закон» — это нечто иное, чем приказы, которые они издают. Например, очень маловероятно, что какой-либо политик сочтет оправданным нанять вооруженных головорезов, чтобы вторгнуться в дом своего соседа, утащить его и посадить в клетку за предполагаемый грех курения марихуаны. Тем не менее, многие политики выступали именно за это посредством антинаркотического «законодательства». Похоже, они не чувствуют стыда или вины за тот факт, что их «законодательство» привело к тому, что миллионы мирных людей были насильно отобраны у их друзей и семей и брошены жить в клетках в течение многих лет, а иногда и до конца своих жизни. Когда они говорят об актах насилия, за которые они несут прямую ответственность — а «законы о наркотиках» являются лишь одним примером, — «законодатели» используют такие термины, как «закон страны», как если бы они сами были просто зрителями и сама «земля», или «страна», или «люди» были теми, кто совершил такое насилие.

В самом деле, психологическая отстраненность политиков от того, что они лично и напрямую причинили с помощью своих «законов», граничит с безумием. Они командуют армиями «сборщиков налогов», чтобы принудительно конфисковать

богатства, заработанные сотнями миллионов людей. Они принимают один навязчивый «закон» за другим, используя угрозы насилия, чтобы контролировать каждый аспект жизни миллионов людей, которых они никогда не встречали и о которых ничего не знают. И после того, что они несут прямую ответственность за инициирование насилия на регулярной основе в отношении почти всех, кто живет в пределах сотен или тысяч миль от них, они искренне шокированы и оскорблены, если одна из их жертв угрожает применить к ним насилие. Они считают презренным, если простой крестьянин даже угрожает сделать то, что они, политики, делают с миллионами людей каждый день. В то же время они, кажется, даже не замечают миллионы людей, которые находятся в заключении, чье имущество украдено, чья жизнь разрушена, чья свобода и достоинство подвергаются нападкам, людей, которые подвергаются преследованиям, нападениям, а иногда и убийствам со стороны «правительственных» головорезов, как прямой результат тех самых «законов», которые создали эти политики.

Когда молодые мужчины и женщины умирают тысячами в очередной военной игре, которую ведут политики, сами политики говорят об этом как о «жертве за свободу», хотя это совсем не так. Они даже используют сцены с солдатами в гробах — следствие, напрямую связанное с действиями этих политиков — в качестве фотосессий, чтобы показать публике, насколько они озабочены и сострадательны. Те самые люди, которые отправили молодых ребят убивать или умирать, затем говорят о том, что произошло, как если бы они сами были просто наблюдателями, говоря такие вещи, как «они умерли за свою страну» и «на каждой войне есть жертвы», как будто война случилась сама по себе.

И, конечно же, тысячи и тысячи людей на «другой стороне» — подданные какой-то другой «власти», граждане какой-то другой «страны» — убитые в войнах, которые ведут политики, едва ли даже упоминаются. Это случайная статистика, которая появляется в вечерних новостях. Политики *никогда* не берут на себя ни малейшей ответственности за широко распространенные, широкомасштабные, продолжительные страдания, психические и физические, которые их разжигание войны причинило тысячам или миллионам людей. Опять же, глубину их отрицания и полного уклонения от личной ответственности можно увидеть в том факте, что если одна из жертв военных игр политиков решает атаковать источник, непосредственно нацеливаясь на тех, кто отдал приказ атаковать, все политики сразу заявляют, что они против войны, и все говорящие головы на телевидении выражают шок и возмущение тем, что кто-то мог бы сделать что-то столь гнусное. Это потому, что в глазах «законодателей» (из-за удивительной силы мифа о «власти», полностью исказившем их восприятие реальности) когда их действия приводят к гибели тысяч невинных людей, это «печальная цена войны», но когда одна из их жертв пытается нанести ответный удар по источнику, это сразу «терроризм».

Те, кто просто подчиняется приказам, отрицая личную ответственность за свои действия (о чем говорится ниже), достаточно глупы, но те, кто фактически отдает команды и составляет приказы, отрицая любую ответственность за непосредственные последствия их действий, просто безумны. Однако «законодатели» делают это всегда, на всех уровнях. Будь то федеральное правительство, муниципалитет какого-то местного городка или области, каждый раз, когда «законодательный орган» вводит «налог» на что-либо или вводит какое-то новое «юридическое» ограничение, политики используют угрозу насилия для контроля над людьми. Из-за своей бессмертной веры в миф о «власти» они не могут понять, что именно они делают, и никогда не берут на себя личную ответственность за угрозы и вымогательства перед своими соседями.

Часть III (б)

Влияние мифа на силовиков

Выполнение приказов

«Законодатели» отдают приказы, но исполняют их верные исполнители. Миллионы и миллионы в остальном порядочных, цивилизованных людей день за днем преследуют, угрожают, вымогают, контролируют, запугивают и иным образом угнетают других, кто никому не причинял вреда и не угрожал. Поскольку действия таких «правоохранительных органов» считаются «законными» и поскольку они считают, что действуют от имени «власти», они воображают, что не несут ответственности за свои действия. Что еще хуже, они даже не рассматривают свои действия как свои собственные. Они говорят и действуют так, как будто их разум и тело каким-то образом были захвачены некой невидимой сущностью, называемой «законом» или «правительством». Они говорят что-то вроде *«ну, я не устанавливаю законы, я просто их соблюдаю; это не ко мне»*. Они говорят и действуют так, как будто для них невозможно ничего сделать, кроме как беспомощно выполнять волю силы, называемой «правительством», и поэтому они несут личную ответственность за свои действия не больше, чем марионетка несет ответственность за то, что кукловод заставляет ее делать.

Действуя в своем «официальном» качестве, будучи, казалось бы, беспомощно одержимыми духом «правительства», «сотрудники правоохранительных органов» ведут себя так, как никогда бы не поступили в другой ситуации, и делают то, что они сами сочли бы нецивилизованным, жестоким и злым, если бы они делали такие вещи по собственному желанию, без указания «сверху». Примеры этого происходят во всем мире, ежечасно, каждый день, самыми разными способами. Солдат мог застрелить совершенно незнакомого человека, единственный грех которого заключался в том, чтобы прогуляться в оккупированной военной зоне после объявленного комендантского часа. Группа хорошо вооруженных людей могла выбить чью-то дверь и утащить его или застрелить мужчину на глазах у его жены и детей, потому что этот мужчина выращивал растение, которое политики объявили запрещенным («незаконным»). Бюрократ может подать документы, предписывающие финансовому учреждению снять тысячи долларов с чьего-либо банковского счета во имя «сбора налогов». Другой бюрократ может послать вооруженных головорезов, узнав, что кто-то имел наглость построить террасу на своем собственном участке с одобрения своих соседей, но без одобрения «правительства» (в форме «разрешения на строительство»). Гаишник может остановить кого-то и вымогать выкуп (с помощью «талона») за то, что водитель не пристегнут ремнем безопасности. Агент «спецслужбы» может рыться в чьих-то личных вещах без малейших оснований подозревать, что этот человек сделал или собирается сделать что-то не так. «Судья» может приказать вооруженным головорезам посадить кого-либо в клетку на недели, месяцы или годы за что угодно — от неуважения к судье до вождения без письменного разрешения политиков (в форме «водительских прав») или участия в любой взаимно добровольной, но не санкционированной политиками («незаконной») торговле.

Эти примеры, а также буквально миллионы других, которые можно было бы сейчас привести, являются актами агрессии, совершенными преступниками, которые не

совершили бы их, если бы они не получили указание сделать это со стороны предполагаемого «правительства». Короче говоря, большинство случаев краж, нападений и убийств происходит только потому, что «власти» велели кому-то украсть, напасть или убить. В большинстве случаев люди, выполняющие такие приказы, не совершили бы таких преступлений в одиночку. Сколько из 100 000 человек, работающих в налоговой, занимались преследованием, вымогательством и воровством, прежде чем стать агентами этой службы? Мало кто, если вообще хоть кто-то. Сколько солдат преследовали, угрожали или убивали незнакомых людей до прихода в армию? Мало кто, если вообще хоть кто-то. Сколько полицейских регулярно останавливали, допрашивали и похищали мирных людей, прежде чем стать «сотрудниками правоохранительных органов»? Очень мало. Сколько «судей» бросали незнакомых людей в клетки за ненасильственное поведение до того, как их назначили в «суд»? Наверное, таких нет.

Когда такие акты агрессии становятся «законными» и совершаются от имени «правоохранительных органов», те, кто их совершает, воображают, что такие действия по своей сути законны и легитимны, даже если они же сами признают, что если бы они совершили те же самые действия по собственному желанию, а не от имени воображаемой «власти», это было бы аморальным преступлением. Хотя очевидно, что в колесах «правительственной» машины есть ОЧЕНЬ значимые и менее значимые винтики, от низкоуровневых бумажных крыс до вооруженных наемников, все они имеют две общие черты: 1) они причиняют неприятности другим людям так, как они не поступили бы сами, и 2) они не берут на себя личную ответственность за свои действия в режиме «силовиков». Ничто не делает это более очевидным, чем тот факт, что, когда вопрос о правильности или нравственности их действий ставится под сомнение, их ответ почти всегда представляет собой что-то типа «я просто делаю свою работу». Очевидный смысл всех таких заявлений таков: «Я не несу ответственности за свои действия, потому что «власть» сказала мне это сделать». Единственный способ, который имеет хоть малейший смысл, — это когда человек буквально неспособен отказаться делать что-то, что ему говорит воспринимаемый авторитет «власти». К сожалению, ужасающая правда заключается в том, что большинство людей в результате своей авторитарной идеологической обработки кажутся психологически неспособными не подчиняться командам воображаемого «правительства». Большинство людей, которым предоставляется выбор между тем, что они знают, что правильно и что нет, когда им приказывает сделать это предполагаемый «авторитет», будут делать последнее. Ничто не демонстрирует это более убедительно, чем результаты психологических экспериментов, проведенных доктором Стэнли Милгрэмом в 1960-х годах.

Эксперименты Милгрэма

Если коротко, исследования Милгрэма были разработаны, чтобы определить, в какой степени обычные люди причинят боль незнакомцам просто потому, что им так сказал «авторитетный» человек. Полное описание экспериментов и результатов см. в книге доктора Милгрэма «Повиновение власти». Ниже приводится краткий обзор его экспериментов и открытий.

Испытуемых просили добровольно участвовать в эксперименте по проверке человеческой памяти. Под наблюдением ученого («авторитетной» фигуры) один человек был привязан к стулу, соединенному с электродами, а другой — фактический объект исследования — сидел перед машиной, генерирующей ток. Человеку перед электрошоковой машиной сказали, что цель состоит в том, чтобы проверить,

повлияет ли на способность человека запоминать вещи наказание в виде тока, если он будет давать неправильный ответ на вопрос. Истинная цель, однако, состояла в том, чтобы проверить, до какой степени человек, стоящий перед автоматом, может причинить боль невинному незнакомцу просто потому, что кто-то в роли «авторитета» сказал ему это. В электрошоковой машине был ряд переключателей, повышающих напряжение до 450 вольт, и оператор должен был повышать напряжение и вводить новый ток каждый раз, когда его испытуемый давал неправильный ответ. По правде говоря, на месте испытуемого был актер, которого вообще не били током, но при заданном уровне напряжения он издавал крики боли, причитания о сердечных заболеваниях, требования прекратить эксперимент, крики о помощи и в конце концов переставал реагировать (симулирование бессознательного состояния или смерти). Кроме того, машина была тщательно отмечена знаками опасности на верхнем конце ряда переключателей.

Результаты эксперимента шокировали даже самого Милгрэма. Короче говоря, значительное большинство испытуемых, почти двое из трех, продолжали эксперимент до конца, нанося то, что, по их мнению, было мучительно болезненным страданием — если не смертельным — совершенно незнакомому человеку, несмотря на крики агонии, мольбы о пощаде, даже бессознательное состояние или смерть (притворной) жертвы. Сам доктор Милгрэм кратко резюмирует вывод, к которому пришел:

«С ошеломляющей регулярностью было замечено, что хорошие люди прогибаются под требованиями властей и выполняют действия, которые были грубыми и суровыми... Значительная часть людей делает то, что им говорят, независимо от содержания акта и без ограничений совести, пока они понимают, что приказ исходит от законной власти».

Примечательно, что в экспериментах не было угрозы, что «оператор» будет наказан за неподчинение, и не было обещано никакой особой награды за послушание. Таким образом, результаты не просто показали, что обычный человек может причинить вред кому-то другому, чтобы «спасти свою шкуру», или если это каким-то образом принесет ему пользу. Вместо этого результаты показали, что большинство людей причинят мучительную боль, даже смерть, невинному незнакомцу только по той причине, что ему было сказано сделать это предполагаемым «авторитетом».

Этот момент нельзя переоценить: существует определенное убеждение, которое в основном приводит хороших людей к совершению плохих поступков, даже откровенно злых. Даже зверства гитлеровского Третьего рейха были результатом не миллионов злых людей, а очень маленькой горстки поистине злых людей, получивших «власть», и миллионов послушных людей, которые просто делали то, что воспринимаемая «власть» сказала им сделать. В своей книге о главном бюрократе Гитлера, Адольфе Эйхмане (иногда называемом «архитекторе Холокоста»), автор Ханна Арендт использовала фразу «банальность зла», чтобы указать на тот факт, что большая часть зла не является результатом личной злобы или ненависти; это всего лишь результат слепого повиновения — люди отказываются от собственного мышления и суждения в пользу бездумного подчинения воображаемой «власти».

Интересно, что и книга Арендт, и эксперименты доктора Милгрэма обидели многих людей. Причина проста: люди, которых научили уважать «власть» и кого учили, что послушание — это добродетель, и что сотрудничество с «властью» — это то, что делает нас цивилизованными, не пожелали слышать правду, которая заключается в том, что поистине злые люди со всей их злобой и ненавистью представляют гораздо меньшую

угрозу человечеству, чем в основном хорошие люди, которые верят во «власть». Любой, кто честно исследует результаты экспериментов доктора Милгрэма, не может игнорировать этот факт реальности. Но помимо общего урока, который следует извлечь из экспериментов Милгрэма (что большинство людей намеренно причинят вред другим людям, если воспринимаемый «авторитет» скажет им это сделать), стоит отметить еще кое-что из его выводов:

1) Многие из субъектов экспериментов проявляли признаки стресса, вины и страдания, причиняя боль другим, но продолжали это делать. Этот факт демонстрирует, что это были не просто отвратительные садисты, ожидающие оправдания, чтобы причинить боль другим; им это не нравилось. Более того, это показывает, что люди знали, что делают что-то не так, и все равно делали это, потому что так велел «авторитет». Некоторые испытуемые протестовали, умоляли дать им остановиться, бесконтрольно дрожали, даже плакали, и все же большинство дождалось конца эксперимента. Вывод едва ли может быть более очевидным: вера в «авторитет» заставляет хороших людей совершать зло.

2) Уровень дохода испытуемого, уровень образования, возраст, пол и другие демографические факторы, по-видимому, практически не влияли на результаты. По статистике, богатая, культурная, образованная молодая женщина будет подчиняться авторитарному приказу и причинять боль кому-то так же охотно, как неграмотный, бедный мужчина-рабочий. Один общий фактор, который разделяют все те, кто продолжал до конца эксперимента, — это то, что они верили в «авторитет» (очевидно). Опять же, послание, которое необходимо усвоить, каким бы тревожным оно ни было, логически неизбежно: независимо от любых других факторов вера во власть превращает хороших людей в агентов зла.

3) Среднестатистический человек, когда ему описывают эксперимент, не оглашая его результаты, догадывается, что сострадание и совесть большинства людей не позволят им продолжить весь эксперимент. Профессиональные психиатры предсказывали, что только один из тысячи будет подчиняться до конца эксперимента, тогда как на самом деле это было около 65%. И когда обычного человека, который на самом деле не тестировался, спрашивают, прошел бы он лично до конца исследования, если бы принимал участие в тестировании, он обычно настаивает, что не прошел бы. Тем не менее, большинство проходит. Опять же, вывод является тревожным, но неоспоримым: почти все очень недооценивают силу веры во «власть», которая может убедить хорошего человека совершить зло.

4) Доктор Милгрэм также обнаружил, что некоторые испытуемые, не обращая внимания на все причины, были полны решимости винить в результатах своего слепого послушания жертву: ту, которую били током. Другими словами, несмотря на извращенный склад ума, некоторые из тех, кто сидел за пультом, воображали, что подвергаемый пытке электрошоком человек каким-то образом виноват в своих страданиях. Имея это в виду, неудивительно, что когда полицейских ловят нападении на ни в чем не повинных мирных жителей, или когда солдат ловят на терроризме или убийстве гражданских лиц, или когда тюремных охранников ловят на пытках заключенных, они в свою защиту часто обвиняют жертву, независимо от того, насколько им приходится исказить правду и логику, чтобы сделать такой вывод.

Интересно, что даже несмотря на то, что на Нюрнбергском процессе «просто следование приказам» не принималось в качестве веского оправдания действий нацистов, это по-прежнему стандартный ответ бесчисленных солдат, полиции, сборщиков налогов, бюрократов и других представителей «власти» всякий раз, когда

ставится под сомнение мораль их поведения. Как в экспериментах Милгрэма, так и в бесчисленных реальных злоупотреблениях властью те, кто намеренно причиняет вред другим, просто прибегают к стандартным оправданиям, заявляя, что они не несут личной ответственности, потому что они просто следуют приказам. В экспериментах Милгрэма несколько испытуемых даже напрямую спросили «авторитетную» фигуру, кто из них несет ответственность за происходящее. Когда «авторитетная» фигура сказала, что это ее сфера ответственности, большинство испытуемых продолжили экзекуцию без дальнейших вопросов, очевидно, довольствуясь тем, что все, что дальше произойдет, не будет их виной, и они не будут нести ответственности. Опять же, этот вывод трудно игнорировать: вера в «авторитет» позволяет хорошим людям оградиться от злых поступков, которые они сами совершают, освобождая их от любого чувства личной ответственности.

5) Когда «оператор» должен был решить, какое напряжение использовать, люди очень редко поднимались выше 150 вольт (точка, при которой тот, кто притворялся, говорил, что сам не хочет продолжать). Очень важно отметить, что до этой точки (и почти все испытуемые дошли до этого) «оператор» издавал хрипы от дискомфорта, но не просил прекратить эксперимент. В результате тот, кто выполнял удары током, мог вполне разумно сказать, что тот, кого били током, согласился на это, и до этого момента все еще был добровольным участником. Интересно, что из немногих испытуемых, которые не прошли до конца, многие из них остановились, как только жертва сказала, что хочет уйти. Это можно было бы назвать «либертарианской границей», поскольку, как только подвергаемый электрошоку просил отстегнуть его, продолжение «оператора» в любом случае представляет собой инициирование насилия против другого — именно против этого выступают либертарианцы.

К сожалению, те, кто останавливается на «либертарианской границе», составляют лишь незначительное меньшинство населения. Что касается остальных, то результаты весьма ясны: из тех людей, которые по указанию «авторитета» били током кого-то, кто спокойно сказал «я больше не хочу этого делать», большинство продолжало бы причинять боль, даже если бы жертва кричала в агонии. Это потому, что большинство людей злые? Нет. Это потому, что их приучили делать, как им говорят, и внушили им самое опасное суеверие из всех: веру во «власть».

Следует отметить, что даже доктор Милгрэм не смог избежать собственной индоктринации в культ поклонения «власти». Мимоходом и с очень небольшими комментариями даже он высказал мнение, что «у нас не может быть общества без какой-либо структуры власти». Он сделал слабую попытку защитить обучение послушанию «власти», сказав: *«Послушание часто рационально. Имеет смысл следовать указаниям врача, соблюдать дорожные знаки и эвакуировать здание, когда полиция сообщает нам об угрозе взрыва»*. Однако ни один из этих примеров на самом деле не требует и не оправдывает веру во «власть». Несмотря на частые заявления людей, врачи не отдают «приказов». Они являются «авторитетами» в том смысле, что обладают знаниями в области медицины, но не в том смысле, что они имеют какое-либо право управлять. Что касается других примеров, основная причина соблюдать правила дорожного движения или покинуть здание с заложенной бомбой не в том, что подчинение «авторитету» является добродетелью, а потому, что альтернативой является травма или смерть. Если какой-нибудь не авторитет в театре вытаскивает бомбу из-под сиденья, выставляет ее на всеобщее обозрение и говорит: «Бомба! Бежим отсюда!», все остальные остались бы на своих местах, потому что этот человек не воспринимался как «авторитет»? Конечно нет. И если «правительство» отменит «закон», в котором говорилось, по какой стороне дороги каждый должен ехать, начнут ли люди беспорядочно сворачивать? Конечно нет. Они будут

продолжать движение по правой стороне, потому что не хотят врезаться друг в друга. И так, хотя даже доктор Милгрэм придерживался мнения, что вера в авторитет «власти» иногда необходима и хороша, он не привел никаких рациональных аргументов в поддержку такого утверждения. Это ли не свидетельство силы мифа о «власти» — даже тот, кто был свидетелем результатов эксперимента доктора Милгрэма, все еще не мог полностью отказаться от суеверий.

После того, как доктор Милгрэм обнародовал свои открытия, многие были шокированы и встревожены тем, насколько нормальные люди были готовы причинить боль или смерть незнакомым невинным людям, когда им давали указание сделать это от предполагаемого «авторитета». Подобные тесты, проведенные после экспериментов доктора Милгрэма, дали аналогичные результаты, которые продолжают шокировать некоторых людей. Однако результаты на самом деле не должны удивлять никого, кто видел, как воспитывают большинство людей.

Обучение слепому послушанию

Предполагаемая цель школ — обучать чтению, письму, математике и другим академическим областям мысли. Но установка, которую на самом деле учебные заведения преподают гораздо более эффективно, чем любые полезные знания или навыки, состоит в том, что послушание и слепое подчинение «авторитету» — это добродетели. Просто подумайте о среде, в которой большинство людей проводят большую часть своих лет взросления. Год за годом ученики живут в мире, в котором:

- Они получают одобрение, похвалу и вознаграждение за то, что находятся там, где им велит быть «авторитет», когда «авторитет» приказывает им быть там. Они получают неодобрение, упреки и наказание за то, что находятся где-то еще (Это включает тот факт, что их с самого начала принуждают пойти в школу).
- Они получают одобрение, похвалу и вознаграждение за то, что делают то, что им велит делать «авторитет». Они получают неодобрение, упреки и наказание за то, что делают что-то еще или за невыполнение того, что им велит делать «авторитет».
- Они получают одобрение, похвалу и награду за то, что говорят, когда и как «авторитет» говорит им говорить, и получают неодобрение, упреки и наказание за то, что они говорят в любое другое время, любым другим способом или о любом предмете, кроме разрешенного «авторитетом», или за то, что они не говорят, когда «авторитет» велит им говорить.
- Они получают одобрение, похвалу и награду за повторение любых идей, которые «авторитет» объявляет истинными и важными, и получают неодобрение, упреки и наказание за несогласие, устно или письменно, с мнениями тех, кого утверждает «авторитет», или за размышления о предметах, отличных от того, о чем «авторитет» велит им думать или писать.
- Они получают одобрение, похвалу и вознаграждение за то, что немедленно сообщают «авторитету» о любых проблемах или личных конфликтах, с которыми они сталкиваются, и получают неодобрение, упреки и наказания за попытки решить любые проблемы или урегулировать любые разногласия самостоятельно.
- Они получают одобрение, похвалу и вознаграждение за выполнение любых правил, какими бы произвольными они ни были, которые решает ввести «авторитет». Они

получают неодобрение, упреки и наказание за несоблюдение таких правил. Эти правила могут касаться практически всего, включая то, какую одежду носить, какие прически иметь, какое выражение лица иметь, как сесть на стул, что иметь на столе, в каком направлении смотреть и какие слова использовать.

- Они получают одобрение, похвалу и награду за то, что рассказали «авторитету», когда другой ученик не подчиняется «правилам», и получают неодобрение, упреки и наказание за то, что они этого не делают.

Ученики ясно и сразу видят, что в их мире есть два разных класса людей: хозяева («учителя») и субъекты («ученики»), и что правила надлежащего поведения для этих двух групп кардинально различаются. Хозяева постоянно делают то, что они говорят субъектам не делать: руководят окружающими, контролируют других с помощью угроз, отбирают собственность у других и т. д. Этот постоянные и очевидные двойные стандарты учат субъектов, что существует совсем другой стандарт морали для людей-хозяев, чем для людей-субъектов. Испытуемые должны делать то, что им говорят хозяева, и только то, что им говорят хозяева, в то время как хозяева могут делать все, что захотят.

Не так давно хозяева даже регулярно совершали физическое насилие (то есть «телесные наказания») против субъектов, которые не выполняли приказы быстро и беспрекословно, как им говорили, при этом говоря им, что для них совершенно неприемлемо когда-либо применять физическое насилие, даже при самообороне, и особенно при самообороне от хозяев. К счастью, регулярное явное физическое насилие со стороны «учителей» стало редкостью. Однако, хотя сила и стала менее очевидной, основные методы авторитарного контроля и наказания остались.

В классе «авторитет» может изменять правила по своему усмотрению, может наказать всю группу за то, что делает один ученик, а также может задавать вопросы или обыскивать любого ученика — или всех учеников — в любое время. «Авторитет» никогда не рассматривается как обязанный оправдывать или объяснять учащимся правила, которые он устанавливает, или что-либо еще, что он делает. И «авторитет» не заботится о том, есть ли у ученика веские основания полагать, что ему лучше потратить время на то, чтобы быть где-то еще, делать что-то еще или думать о чем-то другом. «Оценки», которые получает ученик, то, как с ним обращаются, сигналы, которые ему посылают — письменные, устные и другие — все зависит от одного фактора: его способности и готовности беспрекословно ниспровергать свои собственные желания, суждения и решения в пользу тех, которые он воспринимает как «власть». Если он это делает, он будет считаться «хорошим». Если он этого не делает, он считается «плохим».

Этот метод идеологической обработки неслучаен. Обучение в Соединенных Штатах, а фактически и во многих странах мира, было сознательно смоделировано по образцу прусской системы «образования», которая была разработана с явной целью обучать людей быть послушными орудиями труда для правящего класса, которыми легко управлять и которым легко бездумно подчиняться, особенно в военных целях. Как объяснил Иоганн Фихте, один из разработчиков прусской системы, цель этого метода заключалась в том, чтобы «вылепить» ученика таким образом, чтобы он «просто не мог желать ничего другого», кроме того, чего хотят от него «власти». В то время система открыто признавалась как средство тотального психологического порабощения населения воле правящего класса. И она продолжает делать именно это во всем мире, в том числе в Соединенных Штатах.

Причина, по которой большинство людей делают то, что им велит «власть», независимо от того, морально ли это указание или рационально ли оно, заключается в том, что именно этому они были обучены. Все в этом авторитарном «обучении» (и авторитарном воспитании детей), даже в современной версии, которая притворяется заботливой и непредубежденной, призвано постоянно забивать в головы молодежи представление о том, что их успех, их добродетель, их высшая ценность как людей измеряется тем, насколько хорошо они подчиняются «власти».

Стоит ли удивляться тому, что вместо того, чтобы применять логику и доводы, чтобы прийти к своим собственным выводам, большинство взрослых ищут «авторитет», чтобы тот сказал им, что думать? Разве удивительно, что когда мужчина со значком начинает выкрикивать приказы, большинство взрослых робко подчиняются без вопросов, даже если они не сделали ничего плохого? Стоит ли удивляться, что большинство взрослых робко подчиняются любым допросам и обыскам, которые им устраивают «правоохранители»? Стоит ли удивляться, что многие взрослые побегут к ближайшему «авторитету», чтобы решить какую-либо проблему или уладить спор? Стоит ли удивляться тому, что большинство взрослых будут подчиняться любому приказу, каким бы иррациональным, несправедливым или аморальным он ни был, если они воображают, что отдающий приказ является «властью»? Должно ли что-либо из этого удивлять в свете того факта, что почти каждый на протяжении многих лет сознательно обучался такому поведению?

Эксперименты доктора Милгрэма совершенно ясно показали, что люди, порожденные даже нашим современным, якобы просвещенным обществом, даже в старых добрых США — этом предполагаемом оплоте свободы и справедливости — по большей части черствые, безответственные, бездумные инструменты для любого человека, страдающего манией величия, претендующего на право правления. Когда людей намеренно учат смиренно подчиняться зверю, называемому «авторитетом» — когда их учат, что подчиняться важнее, чем судить, — почему мы должны вообще удивляться вымогательству, притеснению, терроризму и массовым убийствам? Убийствам, совершенным только потому, что так распорядился самопровозглашенный «авторитет»? Вся человеческая история выводит смертельную формулу настолько просто, насколько это возможно: несколько злых правителей + много послушных подданных = широко распространенная несправедливость и угнетение.

Создание чудовищ

Здесь также следует хотя бы немного упомянуть о психологическом исследовании, проведенном в Стэнфордском университете в 1971 году, в котором была устроена своего рода фиктивная тюрьма, с десятками студентов, которых назвали псевдозаключенными, а других — псевдоохранниками. Эксперимент пришлось прекратить досрочно, всего через шесть дней, потому что те, кому дали «власть» (охранники), стали шокирующе жестокими и садистскими по отношению к своим заключенным.

Следует отметить, что издевательства, совершенные «охранниками», выходили даже за рамки того, что им говорили делать те, кто проводил эксперимент, целью которого было унижить и сломить заключенных. Это показывает, что личные злонамеренные или садистские наклонности в человеке являются весомым фактором, способствующим такому насилию, и что большинство людей открыто раскрывают такие тенденции только тогда, когда им предоставляется «авторитетный статус»,

который, по их мнению, дает им на это разрешение. Тот же феномен можно увидеть во всех видах злоупотреблений властью, будь то чиновник в служебной командировке, солдат или полицейский, который любит запугивать или нападать на гражданских лиц, или любое другое должностное лицо, которому нравится господствовать над другими. Они демонстрируют, что вера во «власть» не только позволяет хорошим людям становиться орудиями угнетения и несправедливости, но также выявляет и резко усиливает любой потенциал злобы, ненависти, садизма и властолюбия, которым могут обладать эти люди. Суеверие «власти» начинается с превращения обычных людей в простых агентов зла (что Арендт описала как «банальность зла»), но затем продолжает делать таких людей лично злыми, убеждая их в том, что они имеют право, или даже долг оскорблять и угнетать других людей. Это видно по поведению солдат, полиции, прокуроров, судей и даже мелких бюрократов. Любой, чья работа заключается в преследовании, вымогательстве, угрозах, принуждении и контроле над порядочными людьми, рано или поздно станет как минимум жестоким, если не откровенным садистом. Нельзя постоянно вести себя как чудовище, в конце концов не став им.

Еще одна важная вещь, на которую следует обратить внимание, как показано на бесчисленных примерах злоупотребления властью, заключается в том, что, хотя вера во «власть» может побуждать людей причинять вред другим, это же убеждение часто не может ограничить степень, в которой агенты «власти» способны причинять боль другим людям. Например, многие, кто никогда не стал бы притеснять ни в чем не повинного человека в одиночку, становятся «полицейскими», тем самым приобретая «законную» власть совершать определенную степень притеснения. Тем не менее, во многих случаях они в конечном итоге выходят далеко за рамки «законного» угнетения, которое им «разрешено» совершать, и становятся садистскими, властолюбивыми монстрами. То же самое, возможно, даже в большей степени, относится к солдатам. Возможно, причина того, что так много ветеранов боевых действий в конечном итоге глубоко эмоционально травмировано, *не столько в результате размышлений о том, что они видели, сколько в результате размышлений о том, что они сами сделали*. Этот тезис подтверждается высоким уровнем самоубийств среди ветеранов боевых действий. Для многих бессмысленно желать собственной смерти просто потому, что они увидели что-то ужасное. Гораздо более логично желать собственной смерти, если человек сам совершил что-то ужасное, и фактически *стал* чем-то ужасным.

Причина, по которой вера во «власть» может побуждать людей к совершению зла, но в конечном итоге не может ограничить совершаемое зло, проста. Помимо любых «технических» ограничений, которые должны быть у агента «власти», основная концепция, которой учат силовика, и основная концепция, которую он должен принять, чтобы выполнять свою работу, заключается в том, что как представитель «власти» он стоит выше простых людей и имеет моральное право насильственно контролировать их. Короче говоря, его учат, что его значок и положение делают его полноправным хозяином всех «простых» людей. Как только он убедится в этой лжи, следует ожидать, что он будет презирать обычного усредненного гражданина и относиться к нему с презрением точно так же (и по той же причине), как и рабовладелец будет обращаться со своими рабами не как с людьми, а как с неодушевленной собственностью, чувства и мнения которой имеют значение не больше, чем чувства и мнения его скота или мебели.

Очень показательным является то, что многие современные «правоохранительные органы» быстро становятся злыми, даже агрессивными, когда обычный гражданин просто разговаривает с «полицейским» на равных, вместо того, чтобы принимать тон и

поведение подчиненного. Опять же, эта реакция в точности такая же — и имеет ту же причину — что и реакция рабовладельца на «наглого» раба, говорящего с ним как с равным. Примеров множество. Показанные в многочисленных видеороликах о жестоком обращении со стороны полиции в Интернете, предполагаемые представители «власти» впадают в ярость и прибегают к открытому насилию просто потому, что кто-то, к кому они подошли, говорил с ними, как один взрослый разговаривал бы с другим, а не как субъект с хозяином. Государственные наемники называют это отсутствие унижений «выпендреем». В их глазах обращение с ними как с простыми смертными, как если бы они были на том же уровне, что и все остальные, равносильно проявлению неуважения к их предполагаемому «авторитету».

Точно так же любой, кто не соглашается на задержание, допрос или обыск «служителями закона», автоматически воспринимается наемниками государства как своего рода нарушитель спокойствия, которому есть что скрывать. Опять же, настоящая причина, по которой такое отсутствие «сотрудничества» раздражает авторитарных силовиков, заключается в том, что это равносильно тому, что люди относятся к ним как к простым людям, вместо того, чтобы относиться к ним как к высшим существам, каковыми они себя представляют. То есть, если кто-то столкнется с незнакомым человеком (без значка), который начнет допрашивать человека явно обвиняющим образом, а затем попросит разрешить обыскать его карманы, его машину и его дом, то этому человеку почти наверняка ответят не только отказом, но также, вероятно, и возмущением. «Конечно, ты не можешь рыться в моих вещах! Кто ты, блин, такой?» Но когда с такими просьбами обращаются незнакомцы со значками, они обижаются, когда объекты их назойливых, неоправданных притеснений, обвинений и обысков возражают и отказываются «сотрудничать». Даже когда «полицейские» хорошо знают, что Четвертая и Пятая поправки к Конституции США прямо предписывают, что у человека нет «юридической» обязанности отвечать на вопросы или давать согласие на обыск, такое «отсутствие сотрудничества» — то есть отказ беспрекословно подчиняться каждой прихоти и просьбе силовика — до сих пор рассматривается «полицией» как знак того, что человек должен быть каким-то преступником и врагом государства. С точки зрения «силовиков», только презренный преступник будет относиться к представителям «власти» так же, как он относится ко всем остальным.

Опять же, это отличается от того, как большинство из этих людей смотрят на мир, прежде чем стать «служителями закона». В ходе их обучения авторитарному правоприменению их специально учат обращаться с людьми как с подчиненными, всегда пытаться получить контроль над всеми и вся в тот момент, когда они прибывают на место происшествия, говоря всем, куда идти, что делать, когда они могут говорить и т. д. Им не просто говорят, что они имеют право руководить всеми вокруг, что было бы достаточно опасно; их учат, что они должны в любой ситуации использовать все, что нужно — команды, запугивание или прямое насилие, — чтобы заставить всех присутствующих преклониться перед их «властью», и учат, что, если человек беспрекословно не выполняет их волю (что они характеризуют как «неповиновение законному приказу»), то это преступление для любого человека.

Также очень важно, что для полиции обычная практика, как только они прибывают на какое-либо место происшествия, убедиться, что никто другой не вооружен каким-либо оружием, и разоружить любого, прежде чем узнавать, кто эти люди или что происходит, и даже вне зависимости от того, «законно» ли вооружены эти люди. Очевидная цель этой практики — немедленно создать огромный дисбаланс сил, при котором только «силовики» имеют возможность насильственно навязывать свою

волю другим. Представьте себе высокомерие, которое требуется обычному гражданину, чтобы прибыть на место происшествия, незнакомому с ситуацией и вовлеченными людьми, и его самой первой мыслью будет: «Никому не разрешено иметь оружие, кроме меня».

Короче говоря, «сотрудников правоохранительных органов» приучили быть жестокими людьми, страдающими манией величия, и обращаться со всеми остальными как со скотом. И, учитывая человеческую природу, любой, кто обычно так обращается с другими — так, как «правоохранители» должны относиться ко всем остальным, — научится презирать других и относиться к ним с неуважением и враждебностью. Каким бы хорошим или плохим ни был человек в душе, способ выявить в нем самое худшее — дать ему «власть» над другими.

(Личное примечание автора: несколько бывших полицейских лично сказали мне, что уволились после того, как заметили, что работа и их предполагаемая «власть» постепенно превращали их в чудовищ — один из них использовал именно это слово).

Честно говоря, многие «правоохранители» стараются быть «хорошими ребятами» и, по крайней мере, пытаются относиться к другим с уважением. Но в конечном итоге они не могут относиться к другим как к равным и при этом оставаться «правоохранителями». Они могут быть дружелюбными и даже извиняться (например, «Извините, но мне придется попросить вас...»), но их работа по-прежнему требует от них принудительного контроля и вымогательства других, а не только тех, кто на самом деле причинили кому-то вред. Полицейский не может относиться к другим как к равным, не потеряв работы. Представьте себе офицера, который будет останавливать движение, обыскивать места, задерживать и допрашивать людей или применять физическую силу против кого-либо только в ситуациях, когда вы сочтете оправданным делать такие вещи самостоятельно, без какого-либо значка или «закона», говорящего вам, что так можно.

То же самое и с «правительственными» следователями, прокурорами и судьями. А «государственный» служащий, который отказывался бы расследовать, преследовать или судить кого-либо за «преступление» без потерпевших, быстро потерял бы работу. Представители «власти» не должны решать, какие «законы» применять. Если существуют морально незаконные «законы» (как это всегда бывает), все ветви авторитарных «правоохранительных органов» обязаны обеспечивать их соблюдение, тем самым содействуя вымогательству и притеснению невинных людей. Даже если многое из того, что они делают, направлено против реальных преступников — тех, кто совершил акты агрессии против других, — каждый «силовик» в рамках своей работы обязан сам совершать акты агрессии. Есть такие, которые почти ничего не делают, кроме развязывания насилия, например, сборщики налогов, агенты по борьбе с наркотиками и иммиграционные служащие. В большинстве случаев практически невозможно работать на «правительство», не совершая аморальных актов агрессии. Быть «силовиком» и быть нравственным человеком почти всегда взаимоисключающие понятия.

Как бы вежливо они ни выполняли свою работу, и несмотря на то, что они также преследуют реальных преступников (тех, у кого есть жертвы), «сотрудники правоохранительных органов» всегда являются профессиональными агрессорами, подчиняющими людей воле политиков путем применения насилия и угрозы насилия. И любой, кто это делает, если у него еще не было определенной степени презрения и ненависти к своим собратьям, почти наверняка разовьет это. Другими словами, даже

самый приятный и дружелюбный рабовладелец, если он будет продолжать верить в законность рабства и продолжать его практиковать, будет совершать зло и причинять вред людям, которых он считает своей законной собственностью. И он естественно разовьет степень презрения к жертвам своей агрессии и будет относиться к ним с презрением.

Способность «правительственной» веры причинять вред и одновременная ее неспособность ограничить вред, когда хозяин воображает себя имеющим право управлять своими «подчиненными», может рассматриваться не только на индивидуальной основе, но и в больших масштабах. Большинство дебатов и писем, которые привели к ратификации Конституции США, были сосредоточены на ограничении полномочий, которыми должно обладать федеральное правительство, и на обсуждении всего того, что ему было запрещено делать. «Билль о правах³», например, представляет собой список того, что правительству США запрещено делать по конституции. Фактически, девятая и десятая поправки делают его неограниченным списком, так что федеральное «правительство» теоретически не должно было делать ничего, кроме того, что конституция специально «разрешала» ему делать. Тем не менее, за возможным исключением третьей поправки, «Билль о правах» также является списком прав, которые федеральные агенты нарушают каждый божий день в каждом штате в союзе. В действительности, будь то на индивидуальном или национальном уровне, высказывание кому-либо «У вас есть право управлять другими, но только в этих пределах» рано или поздно приведет к тому, что этот человек будет доминировать над другими, не осознавая никаких ограничений своей власти.

В долгосрочной перспективе не существует и не может быть такой вещи, как «ограниченное правительство», потому что, как только кто-то будет принят другими как законный хозяин и будет считать себя имеющим моральное право управлять, не будет никого и ничего «выше», обладающего властью сдерживать его. Внутри «правительства» высшая «власть» может решить ограничить более низкую «власть», но логика и опыт показывают, что авторитарная иерархия, взятая в целом, никогда не будет ограничивать себя надолго. С чего бы это? Зачем хозяину ставить свои интересы ниже интересов своих рабов? Конституция является прекрасным примером этого: кусок пергамента, который имел целью предоставить очень ограниченные «полномочия» определенным людям, и который совершенно не смог помешать этим людям выйти за эти пределы, создав нечто, что в конечном итоге превратилось в самую могущественную авторитарную империю в истории. И проблема не может быть решена путем назначения другой группы хозяев (например, «судебной системы») внутри той же авторитарной структуры с предполагаемой целью наложения ограничений на первую группу хозяев. «Разделение властей», «система сдержек и противовесов» и «надлежащая правовая процедура» не имеют смысла, если хозяева и те, кому поручено их ограничивать, являются частью одной и той же авторитарной организации.

Демонизация жертвы

Важно подчеркнуть тот факт, что в экспериментах Милгрэма испытуемые думали, что они бьют током невиновных незнакомцев. Не было обвинений в том, что жертва была

3

[https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D1%8C_%D0%BE_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%85_\(%D0%A1%D0%A8%D0%90\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D1%8C_%D0%BE_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%85_(%D0%A1%D0%A8%D0%90))

плохим человеком или совершила что-то аморальное. Должно быть очевидно, что если средний человек по указанию «власти» причинит боль невиновному, он также причинит такую же боль — с меньшими колебаниями и меньшим чувством вины — тому, кто, по его мнению, заслуживает этого.

Военные США (и, предположительно, многие другие вооруженные силы) провели много исследований, чтобы определить, что можно сделать, чтобы преодолеть естественное отвращение солдата к убийству, когда он должен убивать по команде. И один из наиболее эффективных способов добиться этого — демонизировать и расчеловечить того, в кого ему говорят стрелять. В современных войнах «правительства» обеих сторон кормят своих солдат постоянной пропагандой, направленной на то, чтобы изобразить «врага» в виде кучки бессердечных, злобных, садистских, бесчеловечных монстров. Как ни странно, это становится самосбывающимся пророчеством, потому что такая пропаганда превращает обе стороны в банды бессердечных монстров, ревностно пытающихся истребить врагов, которых они не считают людьми.

Аналогичная тактика используется в «правоохранительных органах». Наемники банды под названием «правительство» с гораздо большей вероятностью причинят кому-либо несправедливость и притеснение, если этот человек был сначала расчеловечен и демонизирован. Сама терминология, используемая хозяевами, исполнителями и всеми остальными, составляет очень эффективную форму контроля над разумом, которая изменяет восприятие реальности как исполнителями, так и их жертвами, тем самым влияя на поведение обеих групп. Такие термины подкрепляют предпосылку о том, что послушание «власти» — это добродетель, а непослушание — грех.

Происходит буквально то, что одна группа людей дает команду, а силовики навязывают ее массам, наказывая за неповиновение. Это то, что делает мафия, уличные банды, школьные хулиганы и все «правительства». Разница в том, что когда «правительство» делает это, оно использует не только угрозы, но и идеологическую обработку как силовиков, так и широкой общественности. Большинство головорезов обычно прямо и честно говорят: «Делай то, что я говорю, или я причиню тебе боль». «Правительственный» приказ включает в себя большую часть психологии и контроля над разумом, что необходимо для того, чтобы государственные наемники чувствовали себя праведными в отношении притеснения других. Управляющие в «правительстве» изображают себя «законодателями», которые имеют право «рулить» обществом, изображают свои приказы «законами», а любого, кто не подчиняется — «преступниками». И, в отличие от мафиозных тяжеловесов, те, кто карает не подчиняющихся политикам, изображаются не как простые наемные головорезы, а как благородные «силовики», справедливо защищающие общество от всех нецивилизованных, жалких «нарушителей закона».

Такая пропаганда имеет большое значение не только для того, чтобы заставить авторитарных силовиков применять насилие против невинных людей, но и для того, чтобы заставить их гордиться этим. Благодаря своей идеологической обработке они убеждены, что привлекают «преступников» к «правосудию», тем самым поддерживая «закон и порядок» на благо общества. Но на самом деле они чаще всего используют насилие, чтобы заставить всех подчиняться тем приказам, которые издают политики, какими бы аморальными, произвольными, социально или экономически разрушительными или совершенно идиотскими они ни были.

Существует большая разница в значениях двух терминов «силовик» и «нанятый

политиком вышибала». Однако нет никакой разницы в том, что они означают буквально. Убедив силовиков в том, что применяемое ими насилие по своей сути является праведным и благородным «применением закона», их восприятие может быть изменено таким образом, что они будут с радостью и гордостью навязывать волю правящего класса своим собратьям. Примеров тому столько же, сколько и «законов», но все они попадают в одну из двух категорий: запреты (когда политики заявляют, что их подданные не имеют права делать определенные вещи) и требования (посредством которых политики заявляют, что их подданные должны делать определенные действия). Достаточно одного примера каждого из них, чтобы продемонстрировать суть дела.

Запрет: управляющие издают указ, запрещающий их подданным владеть коноплей. Этот запрет провозглашается «законом», и любой, кто его нарушает, считается «преступником». Затем контролеры тратят огромные суммы денег (взятые у их подданных в соответствии с другим «законом») на оплату наемников, оружия, бронетехники, тюрем и т. д. с одной единственной целью — захватить в плен любого, кто будет уличен в неподчинении их «закону».

Теперь рассмотрим точку зрения «полицейского», которому поручено обеспечивать соблюдение этого «закона», который обнаруживает, что кто-то продавал марихуану добровольным покупателям. Если бы «полицейский» мог объективно рассмотреть ситуацию без мифа о «власти», искажающего его восприятие, он бы сразу увидел, что его «работа» не только аморальна, но и в высшей степени идиотична и лицемерна — его «работа» заключается в том, чтобы физически захватить кого-то с целью поместить этого человека в клетку на длительное время, за то, что он сделал что-то, что не было ни мошенничеством, ни насилием. Фактически, пока не появился полицейский, все вовлеченные люди — производитель, дилер, продавец, покупатель, пользователь — взаимодействовали мирно и добровольно. Более того, если бы полицейский когда-либо употреблял алкоголь, он был бы виновен в чем-то морально идентичном тому, что сделал «преступник». Тем не менее, он будет считать себя храбрым, праведным, благородным «силовиком», поскольку он участвует в военизированном вооруженном вторжении в дом человека, насильно захватывает и утаскивает «нарушителя» подальше от своих друзей и семьи. Потом этот «силовик» пойдет домой и выпьет пива, и, конечно же, не станет приветливо реагировать на тех, кто попытается насильно помешать ему это сделать. Единственная разница (которая вообще и разницей-то не является) состоит в том, что политики составили приказ относительно одного вещества, изменяющего сознание (конопли), а не другого (алкоголя). В результате «полицейский» будет искренне полагать, что использование одного вещества, изменяющего сознание, — это хорошее, здоровое, общенациональное поведение, в то время как использование другого является тeneвым, аморальным и «преступным», и даже оправдывает насильственное нападение и похищение «нарушителя».

Требование: управляющие вводят в действие «закон», согласно которому любой из их подданных, владеющих собственностью, должен ежегодно выплачивать им выплату в размере двух процентов от стоимости этой собственности субъекта. Это требование называется «налогом на собственность» и провозглашается «законом», и все, кто ему не подчиняется, считаются «преступниками» и «налоговыми мошенниками». Затем эти «власти» создают организацию «сборщиков налогов», чтобы найти всех, кто не подчиняется, и либо принудительно вымогать у них деньги, либо насильственно выселять их с их собственности, конфисковывать такую собственность и передавать ее управляющим.

Конечно, если бы кто-то сделал это без всей мощи авторитарной пропаганды, это было бы вымогательством: «Вы должны платить мне кучу денег каждый год, иначе я не позволю вам жить в вашем собственном доме». И очень немногие люди, включая тех, кто сейчас работает «сборщиками налогов», захотят участвовать в такой схеме рэкета. Тем не менее, когда то же самое делается «законно», среднестатистические люди не только соглашаются принять участие в такой вымогательской деятельности, но и проявят пренебрежение ко всем, кто ей сопротивляется. Те, кто пытается не быть ограбленным, рассматриваются как жадные «налоговые мошенники» и «уклонисты», которые не хотят платить свою «справедливую долю». И те, чья работа состоит в том, чтобы насильно отбирать деньги или имущество у таких «налоговых мошенников», обычно делают это с чувством праведности, потому что они искренне верят, что «авторитет» «закона» может совершить то, что обычно является аморальным поступком (воровство, вымогательство и рэкет) и превратить это во что-то праведное и законное. Поэтому они совершают массовые грабежи, чувствуют себя хорошо и испытывают презрение к своим жертвам. В этом сила самого опасного суеверия.

Этатилисты часто утверждают, что налогообложение — это не кража, потому что «правительства» используют налоговые поступления для вещей, которые служат «общему благу», так что это делается для людей, как бы платящих за товары и услуги, которые они получают. Такой аргумент игнорирует фундаментальный характер ситуации. Простой пример делает очевидным двойные стандарты. Предположим, к вам подошел незнакомец и сказал, что он покосил ваш газон, или оставил вам кое-какую вещь в вашем доме, а потом потребовал, чтобы вы дали ему 1000 долларов, хотя вы никогда не соглашались на такую договоренность. Очевидно, это было бы вымогательством, и у вас не было бы обязанности платить, даже если бы он действительно косил ваш газон или оставил вам что-то. Никто не имеет права без вашего согласия предоставить вам какой-либо товар или услугу — когда вы не просили об этом и не хотели покупать — а затем насильно забрать у вас то, что он объявит равноценным товару или услуге. А ведь это именно то, что всегда делает каждое «правительство» на всех уровнях.

Когда цели авторитарной агрессии успешно демонизируются и расчеловечиваются, практически не остается пределов степени насилия и несправедливости, которые будут совершать те, кто верит во «власть». Для любого, у кого еще есть надежда на то, что совесть американских солдат и «правоохранительных органов» может ограничить уровень несправедливости, которую они готовы причинить совершенно незнакомым людям, есть множество реальных примеров, доказывающих обратное. Одной из самых известных должна быть резня в Май Лай во время войны во Вьетнаме, когда американские войска не только убили сотни невооруженных мирных жителей, в основном женщин и детей, но также подвергли некоторых сексуальному насилию и пыткам, а некоторые солдаты открыто радовались страданиям и смерти своих жертв, по свидетельствам самих солдат. Американские солдаты сделали это в результате своей лояльности мифу о «власти» в сочетании с демонизацией и расчеловечиванием своих жертв. Сами солдаты заявили об этом совершенно прямо: один сказал, что они «просто следуют приказам», другой сказал, что большинство американских солдат там «не считали вьетнамцев людьми» (следует отметить, что были некоторые американские солдаты, которые пытались, с небольшим успехом, остановить или ограничить резню). Хотя это могло быть одним из самых известных примеров зверств военного времени, совершенных американскими войсками, он, конечно, не единственный. Постоянно появляются новые примеры садизма американских солдат. В то время как в экспериментах Милгрэма некоторые испытуемые демонстрировали — вербально или своим поведением — что они плохо себя чувствовали из-за

причинения вреда невинному незнакомцу, «правоохранители» и солдаты, которых сначала учили презирать «врага», подчинялись авторитарным приказам даже с большим рвением, часто таким образом, чтобы показать, что они наслаждаются причинением боли и смерти своим жертвам.

Это было ясно показано на изображениях, сделанных из тюрьмы Абу-Грейб⁴ в Ираке, показывающих, что американские солдаты, мужчины и женщины, не только применяли психические и физические пытки, но и выказывали восторг и удовольствие от страданий своих жертв, даже счастливо позируя на камеру, унижая, избивая, пытая и насилуя своих заключенных. *(Администрация Буша и Обамы предотвратила обнародование большей части фотографических свидетельств этих пыток из опасения, что эти изображения окажут влияние на мнение военных и «государственного аппарата» как среди американцев, так и среди иностранцев).* Опять же, хотя данные показывают, что такие пытки применялись по указанию высших уровней «правительства», важно отметить, что те, кто выполняли эти приказы «властей», явно демонстрировали садистское наслаждение от боли и страдания, которые они причиняли другим людям. Кто-то, кого они считали «властью», сказал им, что ненавидеть «врага» и причинять ему боль благородно и праведно. Так они и поступили, и им это понравилось.

Такое же отношение и менталитет можно увидеть в различных действиях «правоохранительных органов», таких как штурм Руби-Ридж в 1992 году и рейд, осада и, в конечном итоге, резня под Вако, штат Техас, в 1993 году. Ни в том, ни в другом случае «правительство» не преследовало никого, кто на самом деле причинял бы вред или угрожал кому-либо. Вместо этого оба события были связаны с нападениями военизированных формирований на основании *предполагаемого владения «незаконным» огнестрельным оружием.* Во время инцидента в Уэйко восемьдесят человек, включая мужчин, женщин и детей, в конечном итоге умерли после того, как в течение нескольких недель подвергались психологическим и физическим пыткам, в том числе недосыпанием и боевым отравляющим газом «сирень⁵». Жертвы демонизировались как для общественности, так и для представителей «правоохранительных органов», а «правительственные» агрессоры выказывали презрение к своим жертвам и даже энтузиазм при мысли об их убийстве. Такое же общее отношение можно увидеть в десятках видеороликов о «злоупотреблениях со стороны полиции», в которых полиция с энтузиазмом запугивает и избивает людей, которые никому не представляют угрозы и даже не сопротивляются. Это прямой результат убеждения «силовики» в том, что все остальные ниже их и что как агенты «власти» они имеют право на то, чтобы все остальные относились к ним как к начальникам, унижались перед ними и беспрекословно подчинялись их командам. То же самое можно увидеть и среди «сборщиков налогов» и других бюрократов.

В какой степени вера во «власть» на самом деле порождает садистские наклонности, а в какой она просто развязывает тенденции, которые уже были, вряд ли имеет значение. Дело в том, что, делая вид, что освобождает человека от ответственности за его собственные действия, приказывая ему причинять вред другим и говоря ему, что причинение вреда конкретной цели не только допустимо, но и добродетельно, миф об «авторитете» превращает миллионы обычных, в остальном порядочных людей в

4 [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B1%D1%83-%D0%93%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%B1_\(%D1%82%D1%8E%D1%80%D1%8C%D0%BC%D0%B0\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B1%D1%83-%D0%93%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%B1_(%D1%82%D1%8E%D1%80%D1%8C%D0%BC%D0%B0))

5

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%B7%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BB>

чудовищ и садистских агентов зла. Какие бы факторы обычно ни заставляли людей вести себя вежливо и ненасильственно — будь то внутренние добродетели человека, его преданность моральным принципам или религиозным убеждениям, или просто его беспокойство о том, что другие могут подумать о нем или сделать с ним, — их легко победить и игнорировать верой во «власть». Короче говоря, самый эффективный способ избавиться от человечности и порядочности любого человека — это научить его уважать и подчиняться «власти».

Что означает значок

Те, кто выполняет приказ предполагаемого «правительства», обычно изо всех сил стараются показать, что они делают именно это. Когда солдат надевает военную форму, идет строем или садится в военную машину; когда полицейский надевает форму и садится в машину с пометкой «ПОЛИЦИЯ»; когда «правительственный» агент в штатском — будь то из ФБР, налоговой, национальной гвардии или любого другого агентства — показывает свой «значок» или объявляет свой «официальный» титул, он делает очень конкретное заявление, которое можно резюмировать так:

«Я не действую как мыслящий, ответственный, независимый человек, и меня нельзя рассматривать как такового. Я не несу личной ответственности за свои действия, потому что я действую не по собственной воле, не по собственному суждению, правильно и неправильно. Вместо этого я действую как инструмент чего-то сверхчеловеческого, чего-то, что имеет право править вами и контролировать вас. Таким образом, я могу делать то, чего вы не можете. У меня есть права, которых нет у вас. Вы должны делать то, что я говорю, подчиняться моим приказам и относиться ко мне как к своему начальнику, потому что я не простой человек. Я поднялся над вами. Благодаря своему беспрекословному послушанию и верности своим хозяевам я стал частью сверхчеловеческой сущности, называемой «властью». В результате правила человеческой морали ко мне не применяются, и мои действия не должны оцениваться по обычным стандартам человеческого поведения».

Этого странного, мистического, сектантского верования придерживается каждый «силовик» в мире. Любому человеку ужасно опасно воображать, что он свободен от основных понятий правильного и неправильного, но это именно то, что представляет собой каждый агент «правительства». Несмотря на то, что солдаты и «правоохранители» обычно демонстрируют свою «официальную» униформу с большой гордостью, на самом деле они публично демонстрируют тот факт, что они заблуждаются, имеют полностью искаженное и безумное представление о реальности и предали то, что делало их людьми: свою свободную волю и сопутствующую ей личную ответственность. Каждый человек, который пытается действовать от имени «власти», демонстрирует, что он принял совершенно нелепую ложь: его положение, его значок, его кабинет резко меняют то, какое поведение является моральным, а какое — аморальным. Идея явно безумная, но редко признаваемая таковой, потому что даже жертвы силовиков разделяют это заблуждение.

Благородные мотивы, злые поступки

Важно еще раз подчеркнуть тот факт, что из тех, кто становится «силовиками» и солдатами, большинство делает это из желания бороться за справедливость. Тем не менее, из-за их веры во «власть» их благородные намерения часто в конечном итоге

используются для причинения вреда невиновным и защиты виновных. Поскольку предполагается, что сотрудник полиции «обеспечивает соблюдение закона», а солдат должен выполнять приказы, их собственные ценности и намерения становятся ниже интересов тех, кто отдает приказы. Несмотря на то, что военные вербуют с помощью пропаганды, побуждающей молодых мужчин и женщин объединяться для борьбы за правду и справедливость, настоящая работа солдата — убивать того, кого хозяева приказывают ему убить. Вот и все. Сколько американцев в одиночку предпочли бы отправиться в чужие страны и убить совершенно незнакомых людей? Очень мало. Сколько американцев сами по себе, находясь в чужой стране, сочли бы оправданным ходить от двери к двери, допрашивать незнакомцев под дулом пистолета, вторгаться в свои дома и обыскивать их, потому что они думали, что в этом районе могут находиться действительно плохие люди? Очень мало. Это действия, которые почти каждый человек с точки зрения морали считает неправильными. Но когда кто-то добровольно вступает в правительственную армию, он намеренно отключает свои собственные суждения и совесть в пользу того, чтобы просто делать то, что ему говорят.

Хотя солдаты иногда используют законную силу, например, для борьбы с агрессорами и захватчиками, они также обычно сами действуют как агрессоры и захватчики. «Правительственные» вооруженные силы не могут действовать иначе. Представьте себе армию, идущую от двери к двери, вежливо прося у каждого домовладельца разрешения пересечь его землю. Подразумевается, что объявление ситуации «войной» заставляет верующих в «правительство» вообразить, что обычные стандарты человеческого поведения более неприменимы. Под предлогом необходимости солдаты вторгаются на чужую собственность, крадут, запугивают, угрожают, нападают, допрашивают, пытаются и убивают. И делают это даже против людей, которых считают своими союзниками. Военное вторжение и оккупация Ирака наемниками «правительства» США, которое якобы было совершено для защиты народа Ирака, было примером крупномасштабной агрессии и принуждения — и, следовательно, было аморальным — даже если оно привело к смене режима, виновного в еще худшем уровне запугивания и убийств (режим Саддама Хусейна). И все же предполагаемое зло врага часто называют оправданием авторитарного принуждения. По правде говоря, сегодня и на протяжении всей истории широкомасштабное насилие против невинных всегда совершалось во имя «борьбы за свободу» или «борьбы с несправедливостью». Даже когда нацисты вторглись в Польшу, они сначала устроили серию *мероприятий под ложным флагом* и пропагандистских трюков, известных под общим названием «Операция Гиммлер», чтобы сделать вид, что вторжение было оправданным актом самообороны. Правда в том, что даже когда зло вражеского режима легко заметно, что делает общую борьбу справедливой для одной из сторон, насилие, совершаемое правительственными вооруженными силами, никогда не направлено только против реальных агрессоров с другой стороны. Структура и методология иерархических армий делают так, что невинные всегда так или иначе становятся жертвами, и не случайно, а намеренно. Менталитет стаи, который является важной частью патриотизма, делает это неизбежным.

Во время Второй мировой войны американские войска видели врага во «фрицах» и «япошках», а не в конкретных людях, которые действительно совершали акты агрессии против невинных людей — концепция, которая потребовала бы от каждого солдата постоянного использования его собственного индивидуального восприятия и морального суждения для оценки каждой ситуации, с которой он столкнулся, что несовместимо с правительственной системой командования. Конечно, из людей, подпадающих под определение «фрицев» (немцы) или «япошек» (японцы), многие

не играли никакой роли в конфликте (кроме финансирования его за счет уплаты «налогов», как будет описано ниже). Но с обеих сторон в каждой войне «правительственные» вооруженные силы и пропаганда, которую они используют, всегда нацелены на демонизацию общей категории людей, а не только тех, кто фактически инициировал насилие. В результате огромным демографическим группам приказывают подчиняться или истреблять друг друга, что приводит к тому, что ни одна из сторон никогда не является «хорошей» в любой войне между «народами», поскольку обе армии всегда применяют насилие против невинных людей и других солдат.

Пожалуй, одним из самых отвратительных примеров этого был сброс ядерных бомб на Нагасаки и Хиросиму, которые на сегодняшний день являются двумя худшими террористическими актами и массовыми убийствами в истории. Вместе они привели к гибели около двухсот тысяч мирных жителей — примерно в семьдесят раз больше, чем число погибших в результате атак 11 сентября 2001 года на Всемирный торговый центр. Обозначенная цель состояла в том, чтобы причинить страх, боль и смерть населению целой страны, чтобы заставить правящий класс этой страны подчиниться воле другого правящего класса. По иронии судьбы, это полностью соответствует собственному определению терроризма «правительством» Соединенных Штатов, за исключением того, что это определение удобно исключает действия, которые являются «законными» и/или совершаются «правительствами». Если представители «правительства» пропагандируют и осуществляют насильственные действия, направленные на «запугивание или принуждение гражданского населения» или «влияние на политику правительства путем запугивания или принуждения», то это считается законным и справедливым. Если кто-то другой делает то же самое, то это «терроризм» (см. подраздел 2331 раздела 18 Свода законов США).

Кроме того, существование ядерного оружия полностью является результатом веры во «власть». В отличие от многих других видов оружия, его нельзя использовать исключительно в оборонительных целях. Единственная причина, по которой была изобретена и произведена ядерная бомба, заключалась в правительственной, националистической, стайной идее о том, что вполне возможно и справедливо воевать со всей страной, и что можно оправдано без разбора разом уничтожить тысячи людей.

Членство в «правительственных» вооруженных силах требует от человека участия в антигуманных действиях, пусть даже косвенно, независимо от каких-либо благородных мотивов, которые может иметь человек для вступления в вооруженные силы. Причина проста: действовать, основываясь на собственном восприятии и суждениях, и подчиняться своей совести и собственному пониманию правильного и неправильного, совершенно несовместимо с тем, чтобы быть членом какой-либо «правительственной» армии. К сожалению, в результате обе стороны каждой войны ошибаются, поскольку они обе инициируют насилие против невинных людей. В то же время обе стороны каждой войны также правы в том, что каждая из них осуждает другую сторону за инициирование насилия против невинных. Короче говоря, пока есть солдаты, готовые подчиниться заявленной «власти» и даже совершить убийство, когда она им прикажет, прочный мир будет невозможен. Те, кто борются за любое «правительство», даже если они считают, что «борются за свою страну», никогда не смогут достичь свободы и справедливости, потому что правящий класс по самой своей природе никогда не желает свободы и справедливости, даже для своих подданных, иначе он просто перестал бы существовать. Какими бы благородными ни были их мотивы, и какими бы мужественными ни были их действия, единственное, чего могут когда-либо достичь «правительственные» солдаты, — это подчинения и господства.

По иронии судьбы, вероятно, в попытке скрыть изначально злобную природу каждой «правительственной» армии и отличить своих наемников от наемников других тиранических режимов, американские военные делают вид, что их солдаты имеют право и обязаны не подчиняться любому приказу, который они считают «незаконным» или аморальным. Однако любой солдат, который поступит так, вероятно, не только будет предан военному трибуналу, но и такой принцип — который сам по себе был бы вполне уместным — прямо противоречит всей концепции «власти» и конкретным методам, используемым для обучения солдат: быть бездумными, послушными инструментами режима, которому они служат. В боевой обстановке почти все, что делает каждая «правительственная» армия, представляет собой агрессивный терроризм, и почти каждый приказ, который получает солдат, является аморальным приказом, будь то вторгнуться в чужую собственность, взорвать мост, перекрыть дорогу, разоружить гражданских лиц, безосновательно задержать и допросить людей или убить совершенно незнакомых людей просто по «указке» предполагаемого «правительства».

На самом деле, даже когда правила ведения огня сводятся к тому, чтобы стрелять только в том случае, если стреляют по вам, это все еще часто неоправданно. Когда кто-то является агрессором, индивидуально или действующим от имени «власти», защищающийся имеет право использовать любую силу, необходимую для останова агрессора. Другими словами, во многих ситуациях стрельба по солдатам, в том числе американским, по своей сути оправдана. Убийство кого-либо для защиты от агрессоров является убийством, даже если агрессорами являются солдаты США. И почти каждый солдат регулярно совершает аморальные акты агрессии, считая, что приказы «правительства» позволяют ему это делать. Если какой-либо солдат действительно серьезно отнесется к идее о том, что он обязан не подчиняться аморальному приказу, первое, что он сделает, — это уволится из армии.

Те, кто действуют как наемники «правительства», даже если они делают это из лучших побуждений, всегда будут частью машины, которая совершает агрессию так же или чаще, чем защищает невиновных. В таком случае почти каждый боевой солдат делает нечто, что оправдывает использование против него насилия в обороне. Однако, как это всегда делали захватчики-завоеватели, американское военное командование называет любого, кто сопротивляется их актам агрессии, «комбатантом противника», «повстанцем» или «террористом». Когда агрессия совершается во имя «власти», многие рассматривают любой акт самозащиты от такой агрессии как грех. Как бы сильно ни возмутило это предложение американских правительственных властей, правда в том, что у многих тысяч людей во всем мире были веские причины стрелять в американских солдат.

Когда человек, который никому не причинил вреда и никому не угрожал, находится в своем собственном доме, занимаясь своими делами, а вооруженные до зубов бандиты выламывают его дверь, наводят пулеметы на него и его семью, угрожают и приказывают им, домовладелец имеет абсолютное право защищать себя и свою семью любыми необходимыми средствами, включая убийство вооруженных злоумышленников. Каждый американец, если бы он стал жертвой такого нападения иностранных наемников, чувствовал бы себя вполне оправданным в применении любого насилия, необходимого для отражения нападавших, но если бы его соотечественники-американцы были теми, кто совершал такие нападения в чужой стране, тот же самый Американец, пропитанный «властью» (поклонением и менталитетом стаи) «поддержит войска» и будет радоваться, когда американские солдаты убьют домовладельца, который пытается силой противостоять такой

агрессии и бандитизму.

Правительственные военные действия никогда не носят чисто оборонительный характер. Когда «правительства» объявляют войну, это никогда не делается для защиты невинных или сохранения свободы, хотя это всегда преподносится как заявленная цель. Когда «правительства» участвуют в войне, это всегда делается для защиты или увеличения территории или других ресурсов, контролируемых этим «правительством». Правящий класс по самой своей природе не хочет, чтобы его подданные были свободными, не говоря уже о том, чтобы таковыми были подданные какого-то иностранного правителя. В результате, хотя часто говорят, что тот, кто погиб в бою, отдал свою жизнь за свою страну, на самом деле те, кто умирает на войне, — это просто ресурсы, потраченные тиранами в различных войнах за территорию с другими конкурирующими бандами тиранов. Людей кормят пропагандой героизма, жертвенности и патриотизма, чтобы скрыть тот факт, что «правительства» никогда не вступают в войны, чтобы служить справедливости или свободе. Они делают это, чтобы служить своей власти. Объективное изучение истории показывает, насколько это очевидно.

Даже одно из наиболее явно оправданных военных действий (союзники во Второй мировой войне сражаются против держав «оси») хотя и привело к поражению третьего по величине массового убийцы в истории, Адольфа Гитлера, но также привело и к тому, что другому массовому убийце (Иосифу Сталину) правители союзных наций, по сути, отдали в правление половину Европы. Мотив большинства американских солдат, участвовавших в войне, несомненно, заключался в защите добра от зла; но мотивы тех, кто ими командовал, и, следовательно, фактические результаты усилий храбрых солдат оказались ничем иным, как правительственным завоеванием власти.

Во время Второй мировой войны можно было хотя бы предположить (при наличии фантазии) возможность вторжения в Соединенные Штаты и тем самым заявить, что это был акт самообороны, потому что на карту была поставлена «национальная безопасность». Но большинство военных операций США вообще не представляют прямой угрозы для США. Тридцать с лишним тысяч американцев погибли в Корейской войне. Никто не предполагал, что Северная Корея собирается вторгнуться в США. Пятьдесят с лишним тысяч американцев погибли в войне во Вьетнаме. Никто не предполагал, что Северный Вьетнам собирается вторгнуться в США. Никто не предполагал, что армии Ирака или Афганистана собираются вторгнуться в США. Предлогом для таких конфликтов всегда была расплывчатая причина, например, «борьба с коммунизмом» или даже еще более эфемерное оправдание «войны с террором» (которое усугубляется тем фактом, что террористическая тактика использовалась и продолжает использоваться вооруженными силами США).

Горькая ирония состоит в том, что американский правящий класс из-за легитимности, которую воображают его жертвы, является единственной бандой, действительно способной завоевать и поработить американский народ. Гигантская военная машина и все военные игры, в которых она участвовала, вместо обеспечения реальной защиты американской общественности создало большинство существующих внешних угроз, а его собственное «правительство», в том числе с помощью оруэлловского «Патриотического акта⁶» до сих пор используется в качестве

6

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B0%D0%BA%D1%82

предлога для оправдания подавления американского народа. Популярная наклейка на бампере с надписью *«Если вы любите свою свободу, поблагодарите ветерана»* (прямой аналог русского *«спасибо деду за победу»* — прим. перев.) — это устоявшийся симптом стайного менталитета, государственной пропаганды, которую правящие классы скармливают своим подданным, чтобы у хозяев по-прежнему оставались пешки, готовые играть в их садистские, деструктивные силовые игры. Даже когда рабовладелец не дает другому рабовладельцу украсть его рабов, он все равно не является другом самих рабов.

Вполне понятно, что тот, кто рисковал своей жизнью, прошел через ад, причинил вред или убил других людей, возможно, включая невинных, и в результате получил физическую или эмоциональную травму, не хотел бы признать, что вся его храбрость, его страдания и ущерб, который он причинил другим, в конечном итоге послужил только схемам чьей-то мании величия. Однако даже некоторые из самых известных военных деятелей в истории в конечном итоге признали, что «правительства» участвуют в войне не ради благородных целей, а ради прибыли и власти. Генерал-майор Смедли Батлер, который на момент своей смерти в 1940 году был самым титулованным морпехом США в истории, написал книгу под названием *«Война это рэкет»*, в которой подверг критике военно-промышленный комплекс, заявив, что война *«ведется на благо очень немногих за счет очень многих»*, даже до того, что описал свою военную «службу» как действия «высококласного вышибалы», «рэкетира» и «гангстера». Точно так же генерал Дуглас Макартур полагал, что военная экспансия движима «искусственно вызванным психозом военной истерии» и «непрекращающейся пропагандой страха». Генерал Макартур также сказал следующее: *«Руководящие силы держат нас в постоянном страхе — держат нас в непрерывном паническом бегстве патриотического рвения с криками о серьезном общенациональном чрезвычайном положении. Над нами всегда висело какое-то ужасное зло, которое поглотило бы нас, если бы мы не сплотились против него вслепую, предоставив запрошенные непомерные суммы. Тем не менее, оглядываясь назад, кажется, что этой катастрофы никогда не было, кажется, ничего из этого никогда не было вполне реальным»*.

Конечно, критика войны как рэкета, приносящего пользу только правящему классу, не означает, что правящий класс по другую сторону также не является злом или что ему не следует сопротивляться. Зверства, совершенные силовиками режимов Сталина, Мао, Гитлера, Ленина, Пол Пота и многих других были чрезвычайно серьезными, и использование оборонительного насилия против актов агрессии, совершенных агентами таких режимов, безусловно, было оправдано. Но правительственная война ставит пешку против пешки в крупномасштабной кровопролитной битве, которая охватывает огромные географические районы, всегда преследуя при этом гражданское население, в то время как правящие классы с обеих сторон наблюдают за этим с безопасного расстояния. Еще одним доказательством того, что война никогда не сводится к идеалам или принципам, является тот факт, что «правительство» США часто вело войну против введенных им же тиранов, таких как Мануэль Норьега и Саддам Хусейн. Еще более вопиющим примером того, что война не сводится к принципам, является тот факт, что в начале Второй мировой войны Иосиф Сталин и его Советский Союз были заклятыми врагами Соединенных Штатов. К концу войны этого массового психа-убийцу уже называли «дядей Джо» (от англ. Josef Stalin), а пропагандисты «правительства» США рассматривали его как благородного союзника. Преступления Сталина против человечества, приведшие к гибели десятков миллионов человек, в то время в США практически не упоминались. В свете этого факта абсурдно утверждать, что «правительство» США решило вступить во Вторую мировую войну на основе каких-либо моральных принципов, чтобы

победить зло.

Важно отметить, что происходит и что нет в традиционной международной войне. Конкурирующие правящие классы, в том числе американские правители, являются довольным наблюдателем, пока их соответствующие пешки убивают друг друга тысячами. Долгое время официальной политикой многих «правительств», в том числе США, было не пытаться убить иностранных «правителей» — то есть тех, кто как раз был наиболее ответственен за развязывание войны. По правде говоря, самым моральным, самым рациональным, и наиболее экономически эффективным средством защиты от любых вторжений «власти» является убийство тех, кто отдает приказы. Преследование самого «правительства» вместо его верных исполнителей послужило бы человечеству чудесную службу, не только заканчивая большинство насильственных конфликтов а зачатке, но и создавая в первую очередь огромный сдерживающий фактор для любого маньяка, стремящегося инициировать конфликты. Тем не менее, существует открытое, взаимное, постоянное соглашение между большими высокоуровневыми тиранами, которые считают нормальным играть жизнями своих подчиненных, но крайне редко охотятся друг на друга.

И вот, снова и снова, огромное количество солдат марширует на поле битвы с целью убивать друг друга, в то время как настоящие враги человечества, правители с обеих сторон, остаются нетронутыми. Таким образом, жизнь сознательных солдат, храбрых «правительственных» военнослужащих, которые лояльно следуют приказам до самого конца, потрачены совершенно впустую, чтобы, по задумке, в конечном итоге так и не достичь заявленной реальной свободы и справедливости. И если солдату удастся распознать настоящую проблему и выследить ее как наиболее ответственную за несправедливость и угнетение (тех, кто носит ярлык «правительства» по обе стороны каждой войны), он осуждается как предатель и террорист.

Совершая зло с гордостью

Будь то солдат или какой-нибудь низкоуровневый бюрократ, работа всех «представителей закона» заключается в насильственном навязывании воли правящего класса широкой публике. Тем не менее, большинство представляет себе эту работу как «служение людям». Конечно, идея «служения» кому-то, инициируя против него же насилие, глупа. (Например, оксюморон абсурдно названной «Службы внутреннего дохода⁷», которая только и делает, что грабит сотни миллионов людей на триллионы долларов в год). Вместо того, чтобы хоть задуматься о том, что то, что они делают на регулярной основе (участвуют в систематической агрессии и принуждении) — это аморально и нецивилизованно, большинство государственных наемников, от кабинетной крысы до наемного убийцы, говорят, что они «просто делают свою работу», и думают, что это снимает с них всю личную ответственность за их действия и результаты этих действий.

Именно это, выше всех остальных факторов, стало причиной деградации человеческого общества. Большая часть того зла и несправедливости, что были совершены людьми, не являлись результатом жадности, злобы или ненависти. Это результат того, что люди делали то, что им сказали, выполняли приказы, просто «делали свою работу». Короче говоря, большая часть бесчеловечного отношения человека к человеку является прямым результатом веры во «власть». Ущерб, нанесенный просто послушным человеком, так же реален, и так же разрушителен, как

7 “Internal Revenue Service”, американский аналог центра «Э» ФСБ РФ. - Прим. перев.

если бы он был нанесен умышленно. Неважно, кем ограблена бабушка — вооруженным уличным бандитом или хорошо одетым, хорошо образованным «налоговым коллектором». Неважно, кто убивает простую иракскую семью — солдаты Саддама Хусейна или «правительственные» солдаты США. Неважно, кто контролирует право личного выбора человека — местный бандит или «полиция».

Единственное отличие состоит в том, что правительственный бандит в результате его бредовой веры в мифическое лицо под названием «правительство» отказывается принимать личную ответственность за свои собственные действия. Его вера в самое опасное суеверие лишает его способности признавать зло как зло. На самом деле, он будет гордиться своим лояльным послушанием своим хозяевам, проводя день за днем за причинением страданий и трудностей невинным людям, потому что его всю жизнь учили, что, когда зло становится «законом», оно прекращает быть злом и становится добром.

По правде говоря, если и существует такое понятие как грех, то это слепое послушание «власти». Работа в качестве наемника «правительства» равносильно духовному самоубийству — на самом деле это даже хуже, чем физическое самоубийство. Ведь каждый правительственный «служитель правопорядка» не только отключает свободу воли и способность думать самостоятельно, то есть то, что делает его человеком (таким образом «убивая» в себе собственную человечность), но также отдает тело на пользование тиранам в качестве инструмента для угнетения. Быть «служителем правопорядка» значит добровольно переделать себя из человека в робота — робота, который затем передается в пользование одним из самых злых людей в мире и который будет использоваться для доминирования и подчинения человеческой расы. Ношение солдатской униформы или значок «служителя правопорядка» не является причиной гордости; оно должно быть самым постыдным занятием, потому что предает свою собственную человечность ради того, чтобы стать пешкой в руках угнетателей.

Часть III (в) Влияние мифа на жертв

Счастье быть ограбленным

Одним из наиболее странных результатов веры во «власть» состоит в том, что она заставляет жертву «правительственной» агрессии чувствовать себя обязанной быть жертвой, и чувствовать себя плохо, если она избегает преследования. Ярким примером является гражданин, который заявляет, что он гордится тем, что он «налогоплательщик». Даже если кто-то считает, что что-то из того, что он жертвует, используется для финансирования полезных вещей (дороги, помощь бедным и т. д.), все равно странно гордиться тем, что вам угрожают и принуждают к финансированию таких вещей. Гордость быть «честным налогоплательщиком» не является результатом помощи людям, которую человек мог бы оказать гораздо более эффективно на добровольной основе. Гордость приходит от послушного подчинения командам воспринимаемой «власти». По аналогии, человек может почувствовать себя лучше, добровольно подав милостыню бездомному, но он не хотел бы быть ограбленным каким-то бомжом. Наверное, единственная ситуация, в которой кто-то хвастается, что вынужден сделать что-то, происходит в контексте того, что он обязан подчиниться предполагаемой «власти».

Будучи обученными воспринимать послушание как добродетель, люди хотят чувствовать себя хорошо, отдавая «правительству» то, что они зарабатывают. И вот уже с помощью политической пропаганды они воображают, что их «взносы» на самом деле помогают обществу в целом. Они считают, что «налоги» якобы означают «поддержку общества» или «инвестиции в страну». Такая риторика, причем довольно распространенная, с логической точки зрения бессмысленна, поскольку она подразумевает, что буквально каждый из людей, которые составляют «общество» и «страну», каким-то образом обязан личной задолженностью группе в целом, хотя само общество ему ничего не должно. Что люди на самом деле делают, когда платят «налоги»? Они отдают деньги не «обществу» или «стране», а политикам, составляющим правящий класс, которые тратят эти средства по своему усмотрению. Получается, что «люди» якобы могут принести пользу обществу в целом, если ограбят каждого индивидуально. Идея о том, что «общее благо» достижимо лишь политиками, тратящими деньги каждого члена этого общества эффективнее, чем каждый человек по отдельности, как минимум странная. В последнее время ложь «налогообложения», обслуживающего общее благо, стала более открытой, так как «правительства» начали тратить астрономические суммы денег на вещи, которые, очевидно, служат элите за счет всего общества. К таким вещам относится, например, постоянная военная истерия, прямые схемы перераспределения миллиардов долларов в пользу самых богатых людей мира («спасательные выплаты банкам»), «правительственные» поглощения различных сегментов экономики (например, индустрия здравоохранения), и много чего другого.

На самом деле, нет почти ничего, что обычный человек мог бы финансировать с большим вредом для общества и человечества в целом, чем выплачивать «налоги». Независимо от того, что человек считает полезным (школы, дороги, оборона, помощь бедным и т. д.), он мог бы так же эффективно поддержать общество, не пропуская свою помощь через политиков и «правительство». Тем не менее, многие люди

подчеркнуто выражают гордость за то, что сдали плоды своего труда своим хозяевам, «заплатив налоги». Подумайте о том, как это будет выглядеть, если гордо заявить: *«Я солгал в налоговой декларации, не стал платить налог в 3000 долларов США и вместо этого отдал эти 3000 долларов на благотворительность»*. Многие люди все равно осудили бы такого человека за его «преступную» нелояльность хозяевам, даже если действия этого человека лучше послужили бы человечеству, чем «уплата налогов». Это потому, что гордость, выражаемая многими людьми, исходит не от помощи человечеству, а от подчинения «власти». Вероятность того, что кто-либо добровольно внесет свое богатство в каждую из программ и схем, которые сейчас финансируются через «правительство», очень мала, если вообще не равна нулю. И если кто-то отдает свои деньги только потому, что его заставил какой-то «закон» или другой «авторитет», а затем выражает гордость за это, он, по сути, хвастается тем, что над ним насильственно господствуют, именно так, как мог бы поступить тщательно обученный раб, испытывающий гордость за то, что хорошо служит своему хозяину. Есть большая разница между чувством удовольствия от того, что человек добровольно поддержал какое-то достойное дело, и гордостью от того, что его поработили. Вместо того чтобы обижаться на оскорбление и несправедливость принудительного контроля и эксплуатации — фактически, вместо того, чтобы даже признать это несправедливостью, многие жертвы «государственного» угнетения испытывают глубокую лояльность по отношению к своим надсмотрщикам.

Гордость быть управляемым

Если раба можно убедить, что он должен быть рабом, что его порабощение является правильным и законным, что он является законной собственностью своего хозяина и что он обязан производить как можно больше для своего хозяина, тогда ему даже не нужно подвергаться физическому угнетению. Другими словами, порабощение ума заменяет порабощение тела. Именно это и делает вера во «власть»: она учит людей тому, что с моральной точки зрения они обязаны жертвовать свое время, усилия и собственность, а также свободу и контроль над своей жизнью правящему классу.

Многие люди гордятся тем, что они «законопослушные налогоплательщики», что означает лишь то, что они делают то, что им говорят политики, и дают политикам деньги. Столкнувшись с мыслью о том, что их нельзя насильственно лишать плодов своего труда, даже если это делается «на законных основаниях», такие люди часто яростно защищают тех, кто продолжает их грабить, настаивая на том, что такое ограбление необходимо для человеческой цивилизации. *Конечно, они не используют термин «грабеж» для описания ситуации, хотя они хорошо осведомлены о том, что с ними будет, если они откажутся платить.* Аналогичным образом, когда какое-то лицо возражает против уровня налогообложения или другого насильственного контроля, осуществляемого над ним со стороны тех, кто находится в «правительстве», другие, которые также подвергаются притеснению, часто осуждают того, кто возражает, говоря ему, что, если ему не нравится, как с ним обращаются, он должен покинуть страну⁸. Оскорбление товарища, ставшего жертвой принуждения, за то, что он пожаловался на это, — верный признак того, что человек действительно гордится своим статусом раба.

Фредерик Дуглас, бывший раб, был свидетелем и описал это точное явление среди своих товарищей-рабов, многие из которых гордились тем, как усердно они работали для своих хозяев и насколько верно они выполняли то, что им было сказано. С их

8 Ср. современный политический лозунг «Не нравится Россия — вали в США». - Прим. перев.

точки зрения, беглый раб был позорным воров, «укравшим» себя у хозяина.

Дуглас описал, насколько тщательно были воспитаны многие рабы, до такой степени, что они действительно верили, что их собственное порабощение было справедливым и праведным:

«Я обнаружил, что для того, чтобы сформировать убежденного раба, необходимо сделать его бездумным. Необходимо затемнить его моральное и умственное видение и, насколько это возможно, уничтожить силу его разума. Он не должен уметь обнаруживать несоответствий в рабстве; его нужно заставить почувствовать, что рабство — это правильно; а довести его до этого можно только тогда, когда он перестанет быть человеком».

Хотя рабство больше не практикуется открыто, менталитет лояльного подчинения остается. Большинство людей сегодня не замечают несоответствий в разрешении правящему классу насильственно вымогать и контролировать всех остальных, и на самом деле чувствуют, что такие вымогательства и притеснение являются правильными, до такой степени, что многие испытывают настоящий стыд, если их поймут на сбережении того, что они зарабатывают, или узнают, что они сами управляют своей собственной жизнью. Одно дело — стыдиться того, что тебя поймали на воровстве, мошенничестве или агрессии. Но совсем другое, когда кому-то стыдно за то, что он сделал что-то, что, если бы не указы политических деятелей («законы»), он счел бы совершенно допустимым. Такой стыд возникает не из-за безнравственности самого поступка; это происходит только из воображаемой аморальности неповиновения «властям», то есть «нарушения закона».

Когда, например, обычного гражданина поймают на том, что он «жульничает» со своими «налогами», или у него нет регистрационной наклейки на машине, или он курит коноплю, или делает что-то из тысячи других вещей, которые не представляют собой агрессию против кого-либо еще, но которые, тем не менее, были объявлены правящим классом «незаконными», обычно в собственном уме человека присутствует определенное чувство вины. Без чувства обязанности подчиняться, быть пойманным и наказанным агентами «правительства» будет рассматриваться так же, как и укус собаки: как неприятное последствие, которого следует избегать, но не имеющее в себе морального элемента вообще. Вместо этого большинство людей считают, по крайней мере до некоторой степени, что быть пойманным за совершением «преступления» без потерпевших указывает на своего рода моральную несостоятельность, потому что они не поступили так, как им сказали. Желание получить одобрение «правительства» чрезвычайно сильно почти у всех, до такой степени, что они сами даже не осознают этого. Как показали эксперименты Милгрэма, вездесущее влияние авторитаризма оказывает гораздо более глубокое психологическое воздействие, чем думает большинство людей. Почти каждый испытывает драматический эмоциональный стресс и дискомфорт каждый раз, когда вступает в конфликт с «властью», и пойдет на многое, независимо от того, какие злодеяния он должен совершить, чтобы заслужить одобрение своих хозяев.

Даже терминология, которую используют люди, показывает, насколько эффективно их приучили чувствовать моральную обязанность подчиняться «власти». Это можно увидеть в таких простых фразах, как «Вам не разрешено это делать» или даже «Вам нельзя этого делать», когда речь идет о каком-то поведении, которое правящий класс объявил «незаконным». Такие фразы не просто выражают потенциальные неблагоприятные последствия, но также подразумевают, что, поскольку какое-то действие было запрещено хозяевами, совершение этого действия является плохим,

недопустимым или даже невозможным («Вам нельзя это делать!»).

Статистические факты демонстрируют силу веры во «власть». В США около 100 000 сотрудников IRS грабят около 200 000 000 жертв. Ограбленных больше, чем грабителей примерно две тысячи раз. Этого никогда нельзя было добиться с помощью одной лишь грубой силы; все это продолжается только потому, что большинство из тех, кого грабят, чувствуют себя обязанными быть ограбленными и считают такие ограбления законными и правильными. То же самое и со многими другими «законами», которым, как правило, подчиняются, даже если силовиков всегда намного меньше, чем тех, кого они стремятся контролировать. Высокий уровень «уступчивости» возникает не столько из-за страха наказания, сколько из-за ощущения тех, кто находится под контролем, что у них есть моральное обязательство сотрудничать со своим собственным поработителем.

Добро оплачивает зло

Даже если человек никогда лично не становится жертвой «правоохранительных органов», никогда не сталкивается с полицией и практически не видит прямого воздействия «правительства» на его повседневную жизнь, миф о «власти» по-прежнему оказывает драматическое влияние не только на его жизнь, но и на то, как его существование влияет на мир вокруг него. Например, миллионы послушных субъектов, которые чувствуют себя обязанными отдать часть того, что они зарабатывают, государству, оплачивая свою «справедливую долю» «налогов», постоянно финансируют всевозможные инициативы и действия, которые эти люди в противном случае финансировать не стали бы, да и почти никто не стал бы, и которые, следовательно, не существовали бы вообще. Посредством «налогов» те, кто объявил себя «правительством», отбирают почти непостижимое количество времени и усилий у миллионов жертв и превращают их в топливо для повестки дня правящего класса. К примеру, миллионы людей, выступающих против войны, вынуждены финансировать ее за счет «налогообложения». Результат их времени и усилий используется для того, чтобы реализовать то, против чего они морально выступают.

То же самое верно в отношении контролируемых государством программ перераспределения богатства (например, «социальные выплаты»), финансовых пирамид (например, «пенсия»), так называемой «борьбы с наркотрафиком» и так далее. Большинство программ «правительства» не существовало бы, если бы не вера среди населения в моральное обязательство платить «налоги». Даже «правительственные» программы, преследующие благородные цели — такие как защита населения и помощь бедным — превратились в раздутое, неэффективное и коррумпированное чудовище, которое почти никто бы не поддержал, если бы не было «закона», требующего от них этого.

Помимо расточительства, коррупции и разрушительных действий, которые «правительство» делает с конфискованным им богатством, существует также менее очевидный вопрос о том, что люди сделали бы со своими деньгами в противном случае. Поскольку «правительство» использует богатство производителей для своих собственных целей, оно также лишает производителей возможности добиваться своих собственных целей. Тот, кто отдает 1000 долларов в виде «налогов» правящему классу, может не только финансировать войну, против которой он морально выступает, но он также лишен возможности вкладывать 1000 долларов в свои сбережения или жертвовать 1000 долларов какой-то благотворительной организации, которую он считает стоящей, или заплатить кому-то 1000 долларов на

работу по озеленению своего участка. Таким образом, миф о «власти» наносит двойной ущерб: он вынуждает людей финансировать то, что, по их мнению, не является полезным для себя или общества, одновременно не позволяя им финансировать то, что они действительно считают стоящим. Другими словами, подчинение «власти» заставляет людей действовать таким образом, который в той или иной степени прямо противоречит их собственным приоритетам и ценностям.

Даже люди, которые воображают, что их «налоговые» доллары приносят пользу, строя дороги, помогая бедным, оплачивая полицию и т. д., почти наверняка не будут финансировать «правительственную» версию этих услуг, по крайней мере, не в том же объеме, если они не чувствовали бы себя вынужденными делать это из-за морального долга и угрозы наказания. Любая частная благотворительная организация, которая была уличена в разбазаривании средств, коррупции и серии злоупотреблений, как у AFDC, HUD, Medicare и других «государственных» программ, быстро потеряла бы всех своих спонсоров. Любая частная компания, столь дорогая, коррумпированная и неэффективная, как «государственные» инфраструктурные программы, потеряла бы всех своих клиентов. Любая частная служба охраны, которую бы так часто уличали в злоупотреблении, нападении и даже убийстве невооруженных, невинных людей, не имела бы клиентов. Любая частная компания, которая утверждала бы, что обеспечивает защиту, но сообщала своим клиентам, что ей требуется миллиард долларов каждую неделю, чтобы вести длительную войну на другом конце света, имела бы очень мало спонсоров, если таковые были бы вообще, в том числе среди тех, кто теперь устно поддерживает такие военные действия.

Чувству обязанности платить «налоги», похоже, мало мешает тот факт, что «правительство» заведомо расточительно и неэффективно. В то время как миллионы «налогоплательщиков» изо всех сил пытаются свести концы с концами, выплачивая свою «справедливую долю» «налогов», политики тратят миллионы на смехотворно глупые проекты — все, от изучения коровьего пукания до возведения мостов в никуда, до платы фермерам, чтобы те убавили рост урожая и так далее, продолжать можно до бесконечности, и не забудьте еще те миллиарды, которые просто «теряются», без учета того, на что они пошли. Многие из того, что люди делают возможным благодаря уплате «налогов», тратится впустую, но весьма разрушительно для общества. Яркий тому пример — «война с наркотиками». Сколько людей добровольно пожертвуют свои деньги частной организации, поставившей перед собой цель изолировать миллионы людей, не прибегающих к насилию, от своих друзей и семей, посадив их в клетки? Даже многие американцы, которые теперь признают «войну с наркотиками» полным провалом, продолжают через «налоги» обеспечивать для нее финансирование, которое позволяет продолжать уничтожать буквально миллионы жизней.

Даже самые громкие критики различных злоупотреблений, совершаемых постоянно растущим полицейским государством, часто оказываются среди тех, кто делает это злоупотребление возможным, обеспечивая для него финансирование. Будь то явное угнетение, коррупция или простая бюрократическая неэффективность, каждый может указать хотя бы на некоторые вещи о «правительстве», которые не находят его одобрения. И тем не менее, будучи обученным подчиняться «власти», он будет продолжать чувствовать себя обязанным предоставлять финансирование, которое позволяет осуществлять такую же неумелую, коррумпированную, репрессивную деятельность «правительства», которую он критикует и которой противостоит. Редко кто замечает очевидное внутреннее противоречие в чувстве долга финансировать дела, которые он считает плохими.

Конечно, люди, работающие в неправительственных организациях, также могут быть

неэффективными или коррумпированными, но когда выясняется, чем они занимаются, их клиенты могут просто перестать их финансировать. Это естественный механизм исправления в человеческом взаимодействии, но он полностью побежден верой во «власть». Сколько людей в настоящее время *не* вынуждены финансировать какую-либо «правительственную» программу или деятельность, против которой они морально выступают? Очень мало, если вообще такие есть. Так почему же эти люди продолжают финансировать то, что, по их мнению, является разрушительным для общества? Потому что «правительство» велит им это делать и потому, что они верят, что подчиняться «правительству» — это хорошо. В результате они продолжают отдавать плоды своих трудов, подпитывая машину угнетения — машину, которая в противном случае не существовала бы и не могла бы существовать.

«Правительства» не производят богатства; то, что они тратят, они сначала должны у кого-нибудь взять. Каждое «правительство», включая самые деспотические режимы в истории, финансировалось за счет уплаты «налогов» лояльными, производительными подданными. Благодаря вере во «власть» богатство, созданное миллиардами людей, будет и впредь использоваться не для удовлетворения ценностей и приоритетов самих людей, которые работали над его созданием, а для того, чтобы служить интересам тех, кто прежде всего жаждет господства над ближним. Третий рейх стал возможным благодаря миллионам немецких «налогоплательщиков», которые чувствовали себя обязанными платить. Советская империя стала возможной благодаря миллионам людей, которые чувствовали себя обязанными давать государству все, что оно требовало. Каждая армия вторжения, каждая завоевывающая империя была построена из богатства, отнятого у продуктивных людей. Эсминцы всегда финансировались создателями; воров всегда финансировали производители; из-за веры во «власть» планы зла всегда финансировались усилиями добра. И так будет до тех пор, пока не будет разрушено самое опасное суеверие. Когда производители больше не будут чувствовать морального долга финансировать паразитов и узурпаторов, разрушителей и надсмотрщиков, тирания отомрет, перестав существовать. А до тех пор хорошие люди будут продолжать предоставлять ресурсы, которые нужны плохим людям для осуществления их деструктивных планов.

Копая себе могилу

К сожалению, вера во «власть» даже заставляет людей чувствовать себя обязанными помогать в их собственном порабощении, угнетении, а иногда и смерти. Фактически, лишь небольшой процент принуждения «правительства» осуществляется теми, кто обеспечивает соблюдение «законов»; большая же его часть реализуется его жертвами. Правящий класс просто говорит людям, что они обязаны делать определенные вещи, и большинство людей подчиняются без какого-либо фактического принуждения. В качестве одного впечатляющего примера можно привести десятки миллионов американцев, которые каждый год заполняют длинные, запутанные бланки, известные как «налоговые декларации», фактически вымогая деньги у себя сами. Если жертвы IRS соглашались бы платить только при условии, что «правительство» само выяснит их предполагаемые налоговые обязательства, система бы давно рухнула. Каждая налоговая декларация — это в основном подписанное признание, в котором жертва вымогательства не только раскрывает все о своих финансах — по сути, допрашивает себя — но и даже выясняет сумму, на которую она будет ограблена, так что воров не нужно делать даже это.

Но все непродуктивные и неприятные неудобства и бюрократические трудности,

которым подвергаются люди просто потому, что им сказали, что этого требует «закон», — ничто по сравнению с более серьезными симптомами веры во «власть». Основываясь на мифах о «долге перед государством» и «законах», вводящих военную повинность («призыв»), миллионы людей на протяжении всей истории становились убийцами на службе государства. Лишь небольшая часть (так называемые «уклоняющиеся от призыва») когда-либо сопротивлялась этому, и их обычно презирали соотечественники за трусливость или за отсутствие «патриотизма».

Из-за многообразия «законов» бывает трудно отличить людей, которые подчиняются из простого страха наказания, от тех, кто подчиняется из чувства морального долга выполнять команды политиков («законы»). Однако с призывом на военную службу легко заметить разницу, потому что «подчинение» обычно намного опаснее, чем любое наказание, которое «правительство» угрожает тем, кто отказывается подчиняться. Если выбор состоит в том, чтобы «подчиниться» и, возможно, умереть ужасной смертью на каком-нибудь поле битвы на другом конце света, или послушаться и, возможно, попасть в тюрьму, маловероятно, что одна только угроза является причиной того, почему так много людей «регистрируются» в военкомате и идут на «службу», когда их вызывают. Короче говоря, уровень явки на «призывах», по крайней мере в прошлом, достаточно ясно показывает, что большинство людей скорее совершат убийство или умрут, чем послушаются «власти». Вряд ли найдется лучший показатель того, насколько мощным является суеверие «власти»: тысячи и тысячи в остальном цивилизованных, мирных людей готовы покинуть дом, иногда даже путешествуя по всему миру, чтобы убить или умереть просто потому, что им так сказали их правящие классы.

Каждый солдат является одновременно и силовиком, и жертвой суеверия «власти», независимо от того, вызвался ли он добровольцем или был призван в армию. Сражение в защиту невинных против агрессоров — благородное дело, и часто это как раз намерение тех, кто присоединяется к вооруженным силам. Но в иерархическом военном режиме солдат становится орудием машины, а не ответственным лицом. Вместо того, чтобы руководствоваться собственной совестью, он полностью контролируется приказами, которые он получает через командную цепочку. И каждый раз его послушание заставляет его делать что-то аморальное (что бывает довольно часто), т. е. не только вредит своим жертвам, но и самому себе. Например, после войны во Вьетнаме многие американские солдаты возвращались домой с неповрежденными телами, но с глубокими психологическими проблемами. Трудно сказать, какая часть психического ущерба была результатом наблюдения за бойней, а какая — в результате *личного проведения этой кровавой бойни*. Продолжительный страх неминуемой смерти может, конечно, вызвать серьезные психологические проблемы, но причинение смерти другим тоже.

Жестокие столкновения могут быть довольно стрессовыми, даже когда человек чувствует себя полностью правым, например, когда он защищает свою семью от нападающего. Но участие в смертельном бою, в котором никто, включая комбатантов, похоже, не имеет четкого представления о цели или оправдании конфликта, как это произошло во Вьетнаме, похоже, добавляет дополнительную степень психологической травмы. Как засвидетельствовали многие боевые солдаты, оказавшись в аду войны, любая туманная, но благородная причина или оправдание битвы обычно забывается, и все, что остается, — это желание остаться в живых и помочь своим друзьям остаться в живых — и то, и другое гораздо лучше реализуется возвращением домой или вообще отказом от службы в армии. И все же количество людей, которые просто уходят, довольно мало по одной простой причине: потому что это было бы актом неповиновения предполагаемому

«авторитету». И простому солдату, даже при наличии храбрости и силы, достаточной, чтобы броситься в смертельную схватку, не хватает мужества и силы, чтобы не подчиняться предполагаемой «власти».

Как и во многих случаях правительственного принуждения, жертв призыва в армию почти всегда намного больше, чем тех, кто пытается от него «откосить». Даже когда людям «по закону» приказывают жертвовать своим разумом и телом ради войны между тиранами, простое пассивное неповиновение любой значительной части «призывников» может заставить военную машину остановиться. Какое наказание может быть хуже, чем результат подчинения? Обычные результаты боевых действий на войне — продолжительный террор, физическая и психическая боль и страдания, увечье или смерть. Тем не менее, даже увидев ужасы войны из первых рук, очень немногие люди могут заставить себя послушаться «власть», снять форму и уйти.

Свидетельством силы веры во «власть» является хорошо задокументированный (однако редко обсуждаемый) факт, что зверства, совершенные против немецких евреев нацистами, часто совершались при сотрудничестве и помощи еврейской полиции, как, например, было в Варшавском гетто. В их культуре, как и почти в любой другой культуре, люди были настолько глубоко убеждены, что послушание — это добродетель, что даже если кто-то новый становился «ответственным», они все равно чувствовали себя обязанными делать то, что им говорили, даже если это означало жестокое угнетение собственных сородичей. Но что может быть еще более тревожным (но неоспоримым), чем то, что многие миллионы людей в истории участвовали в своем собственном истреблении, потому что «власть» сказала им это сделать. Например, во время Холокоста многие сотни тысяч евреев добровольно сели в вагоны для перевозки скота тех самых поездов, которые увозили их на смерть, не пытаясь спрятаться, убежать или сопротивляться. Почему? Потому что им так велели те, кто притворился «правительством». Хотя действительно не все они точно знали, что их ждет на другом конце пути, они все же передали себя под опеку машины, которая, очевидно, нанесла им вред.

Есть определенное чувство комфорта и безопасности, которое возникает, если подчиняться и делать как вам говорят. Вера в то, что дела находятся в чужих руках, и вера в то, что кто-то другой все исправит, — это способ избежать ответственности. Правительственная идеологическая обработка подчеркивает идею о том, что, что бы ни случилось, если вы просто будете делать то, что вам говорят, и делать то, что делают все остальные, все будет в порядке, и те, кто отвечает за это, вознаградят и защитят вас. Подсчет жертв одного злодеяния «правительства» за другим показывает, насколько ошибочна такая вера. Если бы жертвы «законного» притеснения и убийства просто отказались от своей помощи, даже если бы они и пальцем не пошевелили, чтобы оказать сопротивление, мир сегодня был бы совсем другим. Если бы нацистам пришлось физически переносить каждого еврея, живого или мертвого, в газовые камеры или крематории, уровень убийств был бы значительно ниже. Если бы каждый раб, проданный в рабство, отказался работать, работорговли бы не было. Если бы налоговой пришлось рассчитывать причитающийся налог, а затем напрямую брать его с каждого «налогоплательщика», федерального «налогообложения» больше не было бы. Короче говоря, если жертвы авторитарного вымогательства, преследований, слежки, нападений, похищений и убийств просто перестанут содействовать собственному угнетению, тирания рухнет. А если люди пойдут еще дальше и окажут сопротивление, тирания рухнет еще быстрее. Но сопротивление, будь то пассивное или насильственное, требует от людей неповиновения предполагаемой «власти», а это то, на что большинство людей психологически неспособны. В конечном итоге именно вера во «власть» среди жертв угнетения, даже

в большей степени, чем вера правящего класса и его сторонников, позволяет тирании и бесчеловечности человека по отношению к человеку продолжаться в таких больших масштабах.

Воздействие на настоящих преступников

По иронии судьбы, в ситуациях, когда послушание действительно улучшает человеческое поведение, «власть» не действует. Те люди, например, чья собственная совесть не мешает им грабить или нападать на своих соседей, потому что они игнорируют обычные понятия правильного и неправильного, также игнорируют то, что «власть» говорит им делать. Только те, кто пытается быть хорошим, когда-либо чувствуют себя вынужденными подчиняться «власти». Вера во «власть» как в мораль — это идея, что послушание морально хорошо. На тех, кого не волнует, что считается «хорошим», — тех самых людей, чья совесть недостаточно, чтобы заставить вести себя цивилизованно, — миф о «власти» не действует. Другими словами, только те, кого не нужно контролировать, то есть те, кто уже пытается вести нравственную жизнь, чувствуют себя обязанными подчиняться правителям. Между тем, те, кто представляет реальную угрозу мирному обществу, не чувствуют морального обязательства подчиняться каким-либо «авторитетам». Вообще говоря, все команды «правительства», включая по своей сути оправданные команды, такие как «не кради» и «не убивай», всегда либо не нужны (когда направлены на хороших людей), либо неэффективны (когда направлены на плохих людей). Трудно представить себе любую ситуацию, в которой человек иначе не стеснялся бы совершения кражи, нападения или убийства, но чувствовал бы себя виноватым за нарушение «законов», запрещающих такие действия.

Здесь следует различать моральные обязательства и страх возмездия. Вор, который не чувствует морального обязательства воздерживаться от воровства, также не будет чувствовать морального обязательства подчиняться «законам» против воровства. Однако, если он почувствует угрозу своей безопасности, будь то со стороны «полиции» или кого-либо еще, то может воздержаться от кражи. Но этот сдерживающий эффект исходит исключительно от угрозы насилия, а не от заявленной «власти», лежащей в основе угрозы. Это означает, что предполагаемая «власть» никогда не останавливает совершение реальных преступлений, и что эффективная система сдерживания вообще не требует «власти». Это обсуждается более подробно ниже.

Часть III(г)

Влияние мифа на наблюдателей

Грех пассивного подчинения

Очевидно, что вера во «власть» влияет на восприятие и действия «правоохранительных органов», а также влияет на восприятие и действия тех, против кого применяются «законы». Но даже восприятие и действия сторонних наблюдателей, не участвующих напрямую, также играют огромную роль в определении состояния человеческого общества. В частности, бездействие зрителей, незаметно допускающих «законное» принуждение к другим, имеет огромное влияние. История полна примеров, доказывающих, что Эдмунд Берк был прав, когда сказал, что *все, что необходимо для торжества зла, — это чтобы хорошие люди ничего не делали.*

Массовые убийства, совершенные режимами Сталина, Мао, Гитлера и многих других, стали возможны не только из-за готовности «силовиков» выполнять свои приказы, но и из-за воображаемого обязательства их жертв подчиняться «власти» и убеждением почти всех сторонних наблюдателей в том, что они не должны вмешиваться в исполнение «закона». Число виновных в массовой несправедливости, включая массовые убийства, всегда значительно превосходит число их жертв, и если добавить количество наблюдателей — всех тех людей, которые могли вмешаться, — становится очевидным, насколько значительны могут быть действия (или бездействие) простого «зрителя».

Конечно, некоторые люди не смогут вмешаться в ситуацию просто из-за базового страха. Свидетель ограбления, который не осмеливается вмешаться, не оправдывает ограбление своим бездействием. Он просто больше ценит пользу бездействия для собственной безопасности, чем любую пользу, которую, по его мнению, он может принести жертве, вмешавшись. Но во многих случаях вера во «власть» заставляет людей не решаться вмешиваться в конфликт не только из-за страха, но и из-за глубокого психологического отвращения к выступлениям против «власти». Есть два способа заставить зрителей бездействовать, пока «законная» несправедливость причиняется кому-то еще: 1) зритель может поверить в то, что несправедливость на самом деле хорошая вещь, потому что это «закон», или 2) зритель может не одобрять происходящее, но его готовность действовать против «правоохранительных органов» или даже выступать против «власти» подавляется его выученным подчинением. В любом случае результат один: зритель ничего не делает, чтобы остановить несправедливость. Но эти два явления будут рассмотрены отдельно.

Представляя «законное» зло добром

Есть буквально миллионы примеров, которые можно использовать, чтобы продемонстрировать, как сильно на восприятие широкой публикой влияет вера во «власть». Просто подумайте, как средний человек оценивает и судит о поступке, когда его совершает кто-то, называющий себя «правительством», в отличие от того, как он оценивает и судит то же самое действие, когда его совершает кто-то другой. Вот

несколько примеров:

1) Сценарий А: американский солдат в чужой стране ходит от дома к дому, выбивает двери, нося автомат и направляя его на совершенно незнакомых людей, командует им и допрашивает их, ища «повстанцев». Сценарий Б: Обычный гражданин в своей стране ходит от дома к дому, выбивает двери, нося автомат и направляя его на совершенно незнакомых людей, командует ими и допрашивает их, ища людей, которые ему не нравятся.

Первый рассматривается большинством людей как храбрый и благородный солдат, «служащий своей стране», в то время как последний рассматривается как ужасно опасный, вероятно, психически неуравновешенный человек, которого следует разоружить и подчинить любой ценой.

2) Сценарий А: «Служитель закона» обслуживает «контрольно-пропускной пункт трезвости» или пограничный контрольно-пропускной пункт, останавливая всех, чтобы спросить, находятся ли они в стране «легально» или употребляли алкоголь, или иным образом проверить на наличие каких-либо признаков или доказательств «преступной» деятельности. Сценарий Б: Человек без значка останавливает каждую машину, проезжающую по его улице, спрашивает прописку каждого водителя, спрашивает, пил ли он, и осматривает машину на предмет всего, что кажется подозрительным.

Полицейский, который участвует в таких навязчивых, отвратительных преследованиях, задержаниях, допросах и обысках, рассматривается многими как храбрый «силовик», выполняющий свою работу, в то время как любой другой, ведущий подобное поведение, будет рассматриваться как псих и опасный разбойник.

3) Сценарий А: Сотрудник службы защиты детей получает материалы дела и, основываясь на анонимной подсказке, появляется в доме, чтобы опросить домовладельцев и решить, подходят ли они в качестве родителей или государство должно насильно забрать у них детей. Сценарий Б: Обычный человек, основываясь на слухах, которые он услышал от прохожего, появляется в доме незнакомых ему людей, задает им вопросы и угрожает забрать их детей, если он останется не удовлетворен ответами.

Опять же, «правительственный» работник воображается просто «выполняющим свою работу», в то время как средний человек, который делает то же самое, рассматривается как опасный, возможно, психически неуравновешенный человек. Это не означает, что в принципе не может быть ситуации, в которой ребенка следует забирать у родителей для его собственной защиты, но к таким вопросам будет относиться чрезвычайно серьезно любой человек, который должен взять на себя личную ответственность за свои действия. Бюрократ, который просто действует как винтик в машине «правительства», с другой стороны, будет делать такие вещи с гораздо меньшими колебаниями и меньшим оправданием, потому что он воображает, что нечто, называемое «законом», несет единоличную ответственность за все, что он делает.

4) Сценарий А: Пилот ВВС США, получив приказ сделать это, летит к нужным координатам и доставляет свой груз к намеченной цели. В результате погибает несколько наемников другого «правительства» и несколько мирных жителей, оказавшихся в этом районе. Сценарий Б: Американский гражданин, действуя самостоятельно, загружает самолет самодельной взрывчаткой, пролетает над

зданием в городе, где, как известно, проживает злобная уличная банда, и сбрасывает боеприпасы. В результате погибают несколько членов банды и десятков невинных прохожих, случайно проходивших по улице.

Средний американец считает жертвы среди гражданского населения при первом сценарии неудачными, но приписывает их издержкам войны. Военный летчик считается героем за то, что он послужил своей стране, и награждается медалью. В последнем случае, однако, обычный гражданин рассматривает пилота как сумасшедшего, террориста и убийцу и требует, чтобы его посадили в тюрьму на всю оставшуюся жизнь.

Было ли действие официально объявлено политиками «законным» и было ли оно совершено по указанию «властей», имеет огромное влияние на воспринимаемую мораль и легитимность этого акта. В самом прямом смысле те, кто выполняет приказ «правительства», даже не рассматриваются как люди, поскольку их поведение и действия оцениваются по стандартам, разительно отличающимся от стандартов обычных людей. В качестве другого примера, многие люди будут встревожены новостями о «человеке с пистолетом» в их районе, если только не услышат, что у этого человека также был значок.

Люди судят о поведении, основываясь в основном на том, было ли такое поведение разрешено или запрещено «властью», а не на том, было ли поведение законным по своей сути. Например, когда граждане вызываются в «правительственный» суд в качестве присяжных заседателей в «уголовном» процессе, «судья» обычно говорит присяжным, что они не должны беспокоиться о том, сделал ли обвиняемый что-либо неправильно; они должны только решить, соответствовали ли его действия тому, что «судья» считает «законом». Следует отметить, что те, кто наделены властью, с годами сознательно и методично отошли от старой традиции, известной как «вето присяжных», согласно которой присяжные могли, по сути, отменить то, что они считали плохим «законом», вернув оправдательный приговор, даже если они считали, что обвиняемые действительно нарушили «закон». У каждого присяжного есть такая власть, но государственные судьи делают все возможное, чтобы присяжные не осознали это.

Даже когда они не входят в состав присяжных, большинство людей по-прежнему судят других через правительственные очки, судя о доброте другого, во многом основываясь на том, подчиняется ли он приказам политиков, то есть является ли он «законопослушным налогоплательщиком». Сравните, как среднестатистический гражданин будет рассматривать двух людей, описанных ниже.

У человека А нет водительских прав, он работает «нелегалом», чтобы не платить «налоги», никогда не появлялся в военкомате, владеет незарегистрированным, нелицензированным огнестрельным оружием, иногда курит травку, иногда играет в азартные игры («незаконно») и живет в хижине, которой он владеет, но для которой у него нет «разрешения на проживание», и в которой есть пристройка на задней стороне, которую он построил без предварительного получения разрешения на строительство.

У человека Б есть водительские права, он платит налоги с того, что зарабатывает, зарегистрирован в качестве призывника запаса, владеет зарегистрированным огнестрельным оружием, иногда пьет пиво, иногда играет в государственную лотерею и живет в контролируемом и одобренном правительством доме с проверенной и одобренной «правительством» пристройкой.

В остальном эти двое живут похожей жизнью, оба продуктивны и не грабят и не нападают на кого-либо. Их поведение, выбор и образ жизни очень похожи почти во всех отношениях, за исключением того, что существуют «законы» против действий индивидуума А, но не против действий индивидуума Б. Одно это, без каких-либо других существенных различий в том, что они делают или как они относятся к другим людям, заставило бы многих людей смотреть на человека А с некоторой долей презрения, а на человека Б — с уважением и одобрением. Фактически, если к человеку А вломилась домой, задержали и даже подвергли физическому насилию (например, ударили электрошокером, избили и надели наручники) «правоохранительные органы», даже если бы он никогда никому не угрожал и не причинял вреда, многие сторонники «правительства» сочли бы, что он «сам нарывался», что он заслуживал нападения и заключения в клетку за неповиновение командам политиков.

Эта склонность зрителей обвинять жертв государственного насилия невероятно сильна. Тот, кто принимает суеверие «власти» — идею о том, что одни люди имеют право насильственно доминировать над другими и что эти другие обязаны подчиняться, — будет считать, что если «власть» применяет насилие против человека, это должно быть оправдано, и, следовательно, жертва такого насилия должна была сделать что-то не так. Этот паттерн проявляется в разных ситуациях. Когда, например, американские войска убивают мирных жителей в какой-то далекой стране, многие американцы отчаянно пытаются поверить и поэтому автоматически предполагают, без малейших доказательств, что человеческие жертвы должны были быть «повстанцами», или пособниками, или, по крайней мере, сочувствующими «врагу». В качестве другого примера, когда члены ветви Давидианцев около Вако, штат Техас, подверглись военному нападению, за которым последовали длительные физические и психологические пытки, а затем массовое истребление, многие американцы поспешили предположить, что «правительство» сделало это, потому что те люди заслужили это. Американские тираны способствовали такому отношению, сфабриковав различные слухи и обвинения, чтобы демонизировать жертв этого жестокого фашистского нападения на мирных людей. Фактически, инцидент стал результатом рекламной кампании «антитеррористических спецслужб», основанной на слухах о том, что некоторые члены группы владели «незаконными» деталями оружия.

Многие люди предполагают, что если кто-то подвергся нападению, преследованию или заключению в тюрьму со стороны агентов «власти», то этот человек должен был сделать что-то «неправильно» и, должно быть, заслужил то, что с ним сделали. Это предположение может исходить из отказа человека учитывать возможность того, что «правительство», на которое он полагаются для защиты, на самом деле является агрессором, или из того, что этот человек не хочет осознавать возможность того, что кто угодно, включая его самого, может стать следующей беспомощной жертвой государственного насилия, даже если он не сделал ничего плохого. Независимо от причины, конечным результатом является то, что, когда зло совершается во имя «закона», многие зрители сразу же ненавидят жертв и радуются их боли и страданиям.

Обязательство ошибаться

В то время как все знают, что существуют «законы» против грабежа и убийства (кроме случаев, когда они совершаются от имени «правительства»), обычный человек

совершенно не осведомлен о десятках тысяч страниц других «правительственных» законодательных актов, правил и положений — федеральных, областных и местных. Но даже когда у людей очень мало представления о том, что «закон» позволяет, а что нет, большинство по-прежнему придерживается общей веры в то, что «подчиняться закону» — это хорошо, а «нарушать закон» — это плохо. Фактически, даже когда человек категорически против того или иного «закона», считая его несправедливым, он все же может придерживаться общего противоречивого убеждения, что «законы» должны соблюдаться и что наказание тех, кто не подчиняется, оправдано. Этот психологический парадокс является довольно распространенным явлением, когда многие люди яростно лоббируют изменение того, что они считают плохими «законами», поддерживая при этом идею о том, что пока это закон, люди должны его подчиняться.

Подобные мыслительные противоречия обычны в контексте веры во «власть», но редко встречаются вне его. Например, никто не станет спорить с тем, что пытаться украсть кошелек у бабушки — это морально неправильно, но также неправильно с моральной точки зрения и то, что бабушка цепляется за свою сумочку. Но концепция «плохого закона» в сознании того, кто верит во «власть», сводится к аналогичному парадоксу: плохой команде, которой также плохо не подчиниться. Наблюдатель, который верит во «власть», может рассматривать конкретную команду, принятую хозяевами и выполняемую силовиками, как неважную, ненужную, контрпродуктивную или даже глупую или несправедливую, в то же время полагая, что у людей все еще есть моральное обязательство подчиняться этой команде просто потому, что это «закон». Примеров воздействия такой точки зрения предостаточно, от обыденных до ужасающих. Вот лишь несколько.

1) В 2 часа ночи на широкой, прямой, пустой дороге, проходящей через безлюдное поле, водитель замедляет скорость, но не останавливается, у знака остановки на перекрестке. Мотоциклист в униформе, спрятавшийся в сотне метров за кустами, включает фары. Учитывая эти факты, почти все согласятся, что водитель не причинял вреда и не подвергал опасности кого-либо или чье-либо имущество, и все же большинство людей согласились бы с тем, что полицейский имеет право требовать оплаты от водителя посредством штрафной «квитанции». Другими словами, даже если они признают, что единственное «плохое» в том, что сделал водитель, это то, что это было технически «незаконно», они считают, что одно это оправдывает насильственное ограбление водителя. Можно пойти еще дальше: если водитель попытается покинуть место происшествия, вместо того, чтобы принять «квитанцию», большинство наблюдателей согласятся, что полицейский будет прав, догнав, схватив и заключив в тюрьму водителя.

2) «Государственный» инспектор из государственного «Министерства здравоохранения» проводит инспекцию ресторана. Ресторан идеально чист и организован, и инспектор не обнаруживает никаких признаков того, что что-либо в нем представляет опасность для здоровья. Однако он, тем не менее, находит несколько технических нарушений местного «кодекса» для ресторанов. В результате этих нарушений — не потому, что они создают опасность для кого-либо, а потому, что они «противоречат правилам» — владелец ресторана оштрафован на сотни долларов. Опять же, даже несмотря на то, что владелец ресторана не причинял вреда и не подвергал опасности кого-либо или чью-либо собственность, большинство людей сочли бы законным ограбление владельца теми, кто действует от имени «правительства». И если бы владелец попытался противостоять такому ограблению — будь то попытка скрыть технические «нарушения» или подкуп «инспектора», или отказ уплатить штраф, — большинство людей сочло бы его аморальным, а

«правоохранители» рассматривались бы как имеющие право использовать любые средства, необходимые для соблюдения «закона».

3) Мужчина отвозит друга домой с вечеринки. Зная, что ему придется водить машину, он не пил, хотя его друг пил. Он высаживает своего друга и направляется домой. Он замечает, что полиция на контрольно-пропускном пункте трезвости останавливается перед ним, и вспоминает, что его друг оставил наполовину выпитую бутылку пива в машине. Зная, что держать в машине открытую тару с алкоголем «незаконно», он прячет ее. Он никому не причинил вреда и не подвергал опасности, и на самом деле действовал довольно ответственно, выступая в качестве трезвого водителя, чтобы убедиться, что его друг благополучно вернется домой. Однако он все же «нарушил закон» (хотя и случайно), управляя автомобилем с открытой бутылкой пива, а затем попытался скрыть доказательства этого факта. Если его поймут и арестуют, мало кто сочтет полицейского плохим в этой ситуации.

4) Мужчина продает ружье со стволом на один сантиметр короче, чем разрешено законом. Оружие не более смертоносно, чем дробовик на один сантиметр длиннее, в конце концов, никто из причастных к нему не угрожал или не применял насилие против кого-либо. Но мужчина, пойманный с «незаконным» предметом, подвергается военизированному рейду на его собственность, за которым следует перестрелка, в результате которого несколько человек были убиты. К сожалению, этот пример не является гипотетическим. Это случилось с Рэнди Уивером во время инцидента в Руби-Ридж в 1992 году. И его не просто «поймали» на продаже «нелегального» дробовика; на это его уговорили «силовики» под прикрытием. В результате вооруженного вторжения в собственность Уивера и последовавшей за этим перестрелки и продолжительной осады жена и сын г-на Уивера были убиты, а он и его друг были ранены. Хотя было бы абсурдно утверждать, что существует моральная разница между обладанием дробовиком с 45-сантиметровым стволом и ружьем с 44-сантиметровым стволом, и даже несмотря на то, что это утверждение было полным «законным» оправданием для вооруженного нападения и конфронтации, многие зрители все еще винят Рэнди Уивера, считая его плохим парнем, который позволил уговорить себя нарушить произвольный, совершенно иррациональный (если не сказать антиконституционный) «закон». В этом сила веры во «власть»: она может побудить многих людей рассматривать банду садистских и кровожадных головорезов как хороших людей, а своих жертв — как плохих.

Для большинства людей «нарушение закона» без указания «закона» имеет автоматически негативный оттенок. Они считают неповиновение «власти» не просто опасным, но и аморальным. Но для верующего в «правительство» нечто даже худшее, чем совершение незначительного «преступления» без потерпевших, — это открытое неповиновение агенту «власти». Среднестатистический зритель, наблюдая за взаимодействием между «авторитетной» фигурой и кем-либо еще, часто с пренебрежением смотрит на любого, кто не сразу и беспрекословно отвечает на любые вопросы и не выполняет любые просьбы человека со значком. Даже если человек подчиняется, но демонстрирует неправильное «отношение» к «авторитетной» фигуре — любое отношение, кроме раболепного подчинения, — многие зрители быстро осудят того, кто не в состоянии унижаться. А тот, кто убегает от полиции, даже если он изначально не сделал ничего плохого, вызывает у большинства презрение. И когда того, кто убегает, скрывается или отказывается сотрудничать, избивают, пытаются или даже убивают «сотрудники правоохранительных органов», многие наблюдатели полагают, что жертва просто должна была сделать то, что ей велела полиция. А когда кто-то активно сопротивляется «правительственному» лицу, мало кто решается встать на сторону

этого человека при любых обстоятельствах, даже на словах. Подобно тому, как хорошо натренированная собака не кусает своего хозяина, даже если с ней плохо обращаются, так и те, кого приучили поклоняться «власти», обычно психологически неспособны заставить себя пошевелить пальцем, чтобы защитить себя и тем более кого-то еще от любой агрессии, совершаемой во имя «закона», «правительства» и «власти». Действительно, из-за своей государственной идеологической обработки большинство людей с большей готовностью осуждали бы своих товарищей-жертв, чем объединялись бы вместе со своими товарищами-жертвами, чтобы фактически противостоять тирании.

Конечно, есть разница между утверждением, что что-то делать неразумно, и тем, что делать что-то аморально. Одно дело сказать, что «заткнуть рот» менту — это глупо, а другое — сказать, что это действительно аморально, и поэтому тот, кто так поступает, заслуживает любого оскорбления или наказания, которое он получает. Сторонники «власти» часто высказывают последнее мнение обо всех, кто «бросает вызов полиции», независимо от причины.

Мысль о том, что обычные люди навязывают правосудие своенравным «правоохранителям», экзистенциально пугает государственников, даже когда «силовики» совершают нечто серьезное, например, убийство. В глазах хорошо образованных людей единственный «цивилизованный» образ действий в такой ситуации — это умолять какую-то другую «власть» исправить положение, но никогда не «брать закон в свои руки». Люди могут жаловаться и осуждать «легальную» несправедливость, но немногие даже способны рассмотреть возможность участия в преднамеренном «незаконном» сопротивлении, даже когда агенты «правительства» применяют садистскую жестокость к невооруженным, мирным целям. И если в результате длительного «промывания мозгов» люди могут оказаться психологически неспособными противостоять притеснениям, совершаемым во имя «власти», тогда не имеет значения, есть ли у этих людей физические средства для сопротивления. Современные тираны и их наставники всегда уступают своим жертвам численностью (а зачастую и вооружением) в сотни или тысячи раз. Тем не менее тираны по-прежнему сохраняют власть не потому, что людям не хватает физической способности сопротивляться, а потому, что в результате их глубоко укоренившейся веры во «власть» им не хватает умственной способности сопротивляться. Как выразился Стивен Бико: *«Самое мощное оружие в руках угнетателя — это ум угнетенных».*

Двойные стандарты насилия

Двойные стандарты в умах тех, кого обучили в государственной школе, когда дело доходит до применения физической силы, огромны. Когда, например, «силовик» заснят на камеру жестоко нападающим на невооруженного, невиновного человека, обычно речь идет о том, следует ли делать выговор офицеру, или, возможно, даже уволить с работы. Если же, с другой стороны, какой-то гражданин нападет на «полицейского», почти каждый с энтузиазмом потребует — часто даже не задаваясь вопросом и не спрашивая, почему человек это сделал, — чтобы этого человека поместили в клетку на долгие годы. И если человек прибегает к смертоносной силе против предполагаемого агента «власти», вряд ли кто-то даже удосужится спросить, зачем он это сделал. По их мнению, что бы ни делал агент «власти», никогда не следует убивать представителя бога, называемого «правительством». Для верующих во «власть» нет ничего хуже «убийцы полицейских», независимо от того, почему он это сделал.

В действительности, применение смертоносной силы против того, кто притворяется, что действует от имени «власти», морально идентично применению смертоносной силы против кого-либо еще. Акт агрессии не становится более законным или праведным просто потому, что он «легализован» и совершается теми, кто утверждает, что действует от имени «власти». Использование любой силы, необходимой для прекращения или предотвращения акта агрессии, независимо от того, является ли агрессия «законной» или нет, и является ли агрессор «силовиком» или нет, оправдано. (Конечно, риски, связанные с сопротивлением «законной» агрессии, часто намного выше, но это не делает ее менее моральной или оправданной). Многие из причин, которые сейчас используются «правоохранительными органами» для принудительного захвата людей в плен, — например, участие в мирных публичных демонстрациях без «разрешения», фотографирование «сотрудников правоохранительных органов» или «правительственных» зданий или отказ от случайных остановок и допросов со стороны «сотрудников правоохранительных органов» — не имеют ни малейшего оправдания, если рассматривать их в отрыве от мифа о «власти». Таким образом, сопротивление такому фашистскому бандитизму, даже если для этого потребуется смертоносная сила, морально оправдано, хотя и чрезвычайно опасно. Но большинство людей буквально неспособны даже задуматься над такой идеей. Даже когда они признают несправедливое притеснение, они воображают, что «цивилизованный» ответ — позволить несправедливости случиться, а затем просить какую-то другую «власть» исправить положение.

При столкновении с «законной» агрессией и притеснением есть только два варианта: либо люди обязаны позволить «правоохранительным органам» причинять им всевозможные несправедливости и притеснения (а затем жаловаться), либо люди имеют право использовать любой уровень силы, необходимый для предотвращения такой несправедливости и притеснения. Сказать, например, что кто-то имеет «право» быть свободным от необоснованных обысков и арестов со стороны «государственных» агентов (как гласит Четвертая поправка к конституции), не имело бы смысла, если бы жертва такой тирании была обязана допустить, чтобы это сначала произошло, а потом жаловаться на это. «Право» быть свободным от такого притеснения логически подразумевает право использовать любую силу, которая необходима, чтобы предотвратить такое притеснение в первую очередь, даже если это требует убийства сотрудников полиции. Но сама мысль ужасает тех, кто приучен всегда кланяться «власти». Большинство из тех, кто говорит о «неотъемлемых» правах, все еще сопротивляются мысли о насильственной защите этих прав от «государственного» нападения.

Сказать, что кто-то имеет «право» что-то делать, и в то же время сказать, что он не будет оправдан в принудительной защите такого права от «правительственных» вторжений, — это противоречие. По правде говоря, то, что большинство людей называют «правами», они на самом деле воспринимают как предоставленные «правительством» привилегии, которые, как они надеются, им позволят их хозяева, но которые у них нет намерения насильно защищать, если такие «права» будут «объявлены вне закона» «правительством». Например, иметь неотъемлемое право высказывать свое мнение (право на свободу слова) означает, что человек также имеет право использовать любой уровень насилия, который требуется, вплоть до летальной силы, для защиты от «правительственных» агентов, которые пытаются заставить его замолчать. Хотя эта точка зрения очень неудобна для верных сторонников «власти», само понятие человека, имеющего неотъемлемое право что-то делать, также подразумевает право убить любых «сотрудников правоохранительных органов», которые попытаются помешать ему это сделать. Но на самом деле «правительство» почти ничего не может сделать, будь то цензура, нападение, похищение, пытки или

даже убийство, что заставило бы типичного эстиста выступать за насильственное, «незаконное» сопротивление. (Читателю предлагается проверить всю глубину своей верности мифу о «власти», рассмотрев вопрос о том, что должно произойти, прежде чем он сам почувствовал бы себя оправданным в убийстве «силовика».)

«Сотрудники правоохранительных органов» постоянно нагнетают конфликт до уровня насилия каждый раз, когда они пытаются кого-то арестовать, или ворваться в чей-то дом, или насильно отобрать чье-то имущество. И «правительственные» силовики будут продолжать увеличивать уровень насилия, которое они применяют, пока не добьются своего. В результате люди, если они не хотят участвовать в открытой революции против всей системы, рано или поздно подчинятся воле правящего класса или будут убиты. И хотя наемники государства всегда используют силу или угрозу силой, чтобы подчинить и поработить обычных людей, в тот момент, когда их предполагаемые жертвы реагируют на насилие насилием, большинство зрителей мгновенно идентифицируют жертву агрессии — того, кто вынужден только защищаться от нападения — как «плохого человека». Этот вопиющий двойной стандарт — идея о том, что для «власти» нормально совершать насильственные акты агрессии на регулярной основе, но простым людям ужасно плохо отвечать на это защитным насилием, — показывает, насколько сильно вера во «власть» искажает восприятие реальности людьми.

По иронии судьбы, рассматривая другие места и другое время, почти все принимают и даже хвалят использование «незаконного» насилия, включая летальное насилие, против агентов «правительства». Мало кто все еще будет настаивать на том, что евреи, жившие в Германии 1940 года, должны были продолжать попытки «работать в рамках системы», голосуя и подавая петиции Третьему Рейху о восстановлении справедливости. Напротив, те, кто «незаконно» скрывались, сбегали или даже оказывали сопротивление (как это произошло в Варшавском гетто), теперь рассматриваются почти всеми как оправданные, даже если они технически были «преступниками», «нарушителями закона» и даже «убийцами полицейских». Но тоталитарные режимы в свое время и в своей стране не только продолжают осуждать любого, кто «незаконно» пытается избежать угнетения или сопротивляться ему, но и весело злорадствуют над страданиями таких людей, когда их наказывает «правительство». Наслаждаться наказанием «налогового мошенника», например, как это делают многие американцы, сродни тому, что раб получает удовольствие от порки товарища-раба, который пытался сбежать.

В этом может быть аспект простой зависти: ощущение, что, если один субъект стал жертвой, «несправедливо», что другой избежал таких страданий. Это способствует тому, что «налогоплательщики» — то есть те, кого правящий класс насильно грабит, — часто выражают негодование по отношению к любому, кто избежал подобного вымогательства. Как ни странно, жертвы «легального» ограбления часто воображают себя добродетельными из-за того, что их ограбили, и смотрят свысока на тех, кого по какой-то причине не ограбили.

Опасность бездействия

Тот, кто считает «нарушение закона» плохим по своей сути, независимо от того, что такое «закон», может быстро сообщить «властям» о любых «незаконных» действиях, о которых ему известно, даже если эти действия не связаны с потерпевшими и не представляют собой ни применение силы, ни обман. Точно так же те, кто заседает в составе присяжных в «правительственных» залах судебных заседаний, если они

считают неповиновение «властям» («нарушение закона») по своей сути аморальным, скорее всего, обвинят и накажут кого-то, иногда довольно сурово, за совершение преступления, которое никому не причинило вреда и не являлось мошенничеством или насилием. Однако в случае со «стукачом» и свидетелем такие действия лишают человека роли простого наблюдателя и переводят его в роль пособника угнетения.

Ущерб, наносимый верой во «власть» среди наблюдателей угнетения, чаще происходит от их бездействия, чем от их действий. Раз за разом притеснения — большие и маленькие — совершались прямо под носом у в основном хороших людей, которые ничего не делали с этим. В определенной степени это результат инстинкта самосохранения: человек может избегать участия просто потому, что опасается за свою безопасность. Но эксперименты Милгрэма довольно ясно показали, что даже без какой-либо угрозы для себя большинство людей чувствуют себя непреодолимо вынужденными подчиняться «авторитету», даже если они знают, что то, что им говорят делать, неправильно и вредно для других. И если им трудно не подчиняться предполагаемому «авторитету», им будет еще труднее, если вообще возможно, заставить себя вмешаться, когда «авторитет» навязывает свою волю кому-то другому. Результат того, что зрителей приучили быть пассивными, послушными и неконфликтными, можно увидеть во многих случаях по всему миру и на протяжении всей истории, когда десятки, сотни или даже тысячи зрителей стояли вокруг, как зомби, наблюдая за происходящим, в то время как агенты «правительства» нападали или убивали невинных людей. Даже в Соединенных Штатах, которые считаются «страной свободных и домом для храбрых», продолжают появляться видеоролики, изображающие жестокость полиции, происходящую прямо на глазах у толпы зевак, которые просто стоят и смотрят, не поднимая пальца, чтобы защитить своего ближнего от зла, совершаемого во имя «власти».

Часть III (д) Влияние мифа на защитников

«Легализованная» агрессия

Хотя большинство людей, вероятно, воображают себя «зрителями», когда дело доходит до государственного угнетения и несправедливости, на самом деле почти каждый по факту является сторонником «правительственного» насилия в той или иной форме. Любой, кто голосует, независимо от кандидата, или даже на словах поддерживает некую «политику» или «программу» «правительства», потворствует насилию над своими соседями, даже если он не признает этого в качестве такового. Это потому, что «закон» — это не дружеские предложения или вежливые просьбы. Каждый так называемый «закон», принятый политиками, — это приказ, подкрепленный угрозой насилия в отношении тех, кто не подчиняется. (Как сказал Джордж Вашингтон: *«Правительство — это не разум и не красноречие, это сила.»*)

Большинство людей в своей повседневной жизни очень неохотно используют угрозы или физическую силу против своих собратьев. Лишь небольшая часть множества личных разногласий приводит к насильственным конфликтам. Однако из-за своей веры в «правительство» почти все выступают за широко распространенное насилие, даже не осознавая этого. И они не чувствуют вины за это, потому что считают угрозы и принуждение законными по своей сути, когда их называют «правоохранительными».

Все знают, что произойдет, если кого-то поймут на «нарушении закона». Это может быть только «штраф» (требование выплаты под угрозой применения силы), или «арест» (насильственный захват кого-либо в плен), или это может даже привести к тому, что «правоохранительные органы» убьют того, кто продолжит сопротивляться. Но каждый «закон» — это угроза, подкрепленная способностью и готовностью применить смертоносную силу против тех, кто не подчиняется, и любой, кто честно рассматривает эту идею, признает этот факт.

Однако вера во «власть» приводит к странному противоречию в том, как люди видят мир. Почти каждый выступает за то, чтобы «закон» использовался для принуждения других к определенным действиям или для финансирования определенных действий. Однако, пропагандируя такое насилие, хорошо зная последствия для любого, кто будет уличен в неповиновении, те же самые защитники не осознают, что то, что они защищают, является насилием. Например, миллионы людей считают себя мирными, цивилизованными людьми — некоторые даже гордо носят ярлык «пацифистов», выступая за вооруженное ограбление против всех, кого они знают, а также против миллионов незнакомцев. Они не видят противоречия, потому что грабежу присвоен эвфемизм «налогообложение», и его совершают люди, которые, как считается, имеют право на грабеж во имя «правительства».

Уровень отрицания, который порождает вера в «правительство», очень глубок. Пропагандируя «политическое» насилие, люди не несут ответственности за результаты. Те, кто обращаются за «государственными льготами», например, просят получить добычу, насильно украденную у их соседей посредством «налогообложения». Точно так же подача заявления о приеме на «государственную» работу равносильно тому, чтобы просить, чтобы соседи были вынуждены платить вам

зарплату. Независимо от того, получает ли человек прямую оплату или какую-либо услугу, программу или другую выгоду, он обычно принимает украденное имущество без малейшего намека на стыд или чувство вины. В противном случае он мог бы быть совершенно добрососедским с людьми, ограбить которых он попросил государство. Ни в одной другой ситуации не происходит такого странного ментального разъединения не только для того, кто защищает акт агрессии, но и для его жертвы. Если, например, один человек заплатил вооруженному вору, чтобы тот ворвался в дом своего соседа и украл некоторые из его ценностей, и сосед знал, что он это сделал, такие соседи, вероятно, не были бы в дружеских отношениях (мягко говоря). Тем не менее, когда то же самое делается с использованием «власти», путем выборов с последующим «законодательным» воровством, ни вор, ни жертва обычно не видят в этом ничего плохого.

(Личное примечание автора: я потерял счет тому, сколько не-анархистов выразили сочувствие мне и моей жене из-за того, что мы были заключены в тюрьму за то, что не поклонились налоговой — тем самым людям, за которых они голосовали, но командам которых они говорили не повиноваться. Насколько мне известно, ни один из известных нам этактистов даже не заметил шизофрени и лицемерия, активно поддерживая массовое вымогательство («налогообложение»), а затем выражая искренние соболезнования жертвам того же вымогательства.)

Сверхъестественную сущность «власти» можно увидеть в том факте, что среди людей, которые охотно проголосуют за «законное» вымогательство и ограбление своих соседей, немногие будут просить или платить простым смертным за то же самое. Мало кто сочтет оправданным нанять уличную банду для ограбления своих соседей, чтобы заплатить за обучение своего ребенка, но многие миллионы людей выступают за то же самое, когда они потворствуют «налогам на собственность» для финансирования «государственных» школ. Почему эти две категории чувствуют себя такими разными в моральном отношении? Потому что те, кто верит в «правительство», считают, что оно состоит из чего-то большего, чем просто люди. Считается, что у него есть права, которых нет у простого смертного. С точки зрения этактиста, просьба к «правительству» сделать что-то имеет гораздо больше общего с молитвой к богам, чем с просьбой сделать что-то людям. Этактист, требующий определенного «законодательства», оскорбился и ужаснулся бы, если бы какая-то группа обычных людей предложила предоставить аналогичные услуги. Представьте, что уличная банда сделала местному жителю такое предложение:

«Мы проведем обыск ваших соседей и потратим полученные деньги на то, что вы хотите, чтобы ваш ребенок ходил в школу, на ремонт дорог и тому подобное. Конечно, мы возьмем за это свою долю. Расскажите нам, как вы хотите, чтобы ваши соседи вели себя, и мы позаботимся о том, чтобы они так себя вели. Если они не сделают того, что мы им скажем, мы заберем их вещи или посадим в клетку».

Если бы обычные люди сделали такое предложение, они были бы осуждены за попытку бандитизма. Но когда то же самое предлагается в предвыборной речи кем-то, кто баллотируется на должность в «правительстве», и когда такие вещи делаются во имя неопределенных политических абстракций, таких как «общее благо» или «воля народа», они рассматриваются не только как допустимые, но и как благородные и добродетельные. Когда политик говорит: «Нам нужно обеспечить адекватное финансирование образования наших детей, и мы должны инвестировать в нашу инфраструктуру», он буквально говорит о насильственном отнимании денег у людей (через «налоги») и их трате на свое усмотрение. Такая агрессия считается оправданной, если совершается во имя «власти», но признается аморальной, если

совершается простыми смертными. Это показывает, что в понимании этакриста «правительство» — это нечто большее, чем собрание людей. Как это ни парадоксально, этакрист будет настаивать на том, что все, что «правительство» может делать, и все, что оно есть суть, исходит от «народа». Всякая вера в «правительство» требует абсурдной сектантской веры в то, что с помощью псевдорелигиозных политических документов и ритуалов (конституций, выборов, назначений, законодательства и т. д.) кучка простых смертных может создать сущность, которая обладает сверхчеловеческими правами — правами, которыми не обладает ни один из людей, которые его создали. И как только у людей возникнут галлюцинации о существовании такой вещи, они будут нетерпеливо умолять эту штуку силой контролировать и грабить своих соседей. Люди признают, что простые смертные не имеют права делать такие вещи, но искренне верят, что божество по имени «правительство» имеет на это полное право.

Оправдания агрессии

Хотя «демократию» часто хвалят как вершину цивилизации, сотрудничества и «лада», это полная противоположность этим понятиям. Голосование — это акт агрессии, а любовь к «демократии» равносильна любви к широко распространенному насилию и постоянным конфликтам. Политические выборы — это не единство, сплоченность или терпимость; это лишь спор о том, как всех нужно заставить вести себя и что каждый должен быть вынужден финансово поддерживать с помощью контрольной машины, называемой «правительством». Обилие агитационных вывесок на заборах перед каждым выборами не является признаком просвещенного, свободного общества; они являются признаком умственно и физически порабощенного общества, спорящего из-за того, какой рабовладелец должен держать кнут. Каждый голосующий человек (демократ, республиканец или еще кто-то) пытается привести к власти людей, которые будут проводить крупномасштабное вымогательство («налогообложение») для финансирования различных «государственных» программ. Любой кандидат, предложивший полностью покончить со всем подобным грабежом (отменить все «налоги») был бы высмеян как чокнутый экстремист. Все избиратели пытаются усилить банду, которая, как они знают, совершит массовые грабежи, но ни один из этих избирателей не несет за это никакой ответственности. Они знают, что будут делать их кандидаты, если их приведут к власти, они знают, какими будут последствия для любого, кто затем не подчинится командам этих политиков, но вера во «власть» делает избирателей психологически неспособными признать, что то, что они делают, является защитой широко распространенного насилия.

Фактически, несмотря на традиционную мифологию и риторику, никто из тех, кто верит в «правительство», на самом деле не хочет, чтобы им управляли с так называемого «согласия управляемых». Если бы это было действительно сделано с искреннего согласия, это означало бы, что политические предпочтения каждого человека будут навязываться только ему самому, если только другие не будут отстаивать ту же самую программу. Очевидно, что цель избирателя не в том, чтобы заставить себя финансово поддерживать то, что ему нравится, и не в том, чтобы контролировать свой собственный выбор и поведение. Цель каждого избирателя — всегда использовать механизм «правительства» для принуждения других людей сделать определенный выбор, финансировать определенные вещи и вести себя определенным образом. Действительно, отдельный этакрист иногда имеет довольно слабое представление о своей обязанности подчиняться мириадам политических приказов («законов»), чувствуя, что он компетентен полагаться на свой собственный

здравый смысл и суждения независимо от «закона», и в то же время считает, что все остальные нуждаются в контроле и микроуправлении «властью». Он считает, что сам заслуживает доверия и морален, и может принимать собственные решения, и что цель «закона» — держать всех в узде.

Степень, в которой разные избиратели хотят, чтобы «власть» контролировала других, значительно различается. Конституционалист хочет, чтобы федеральное «правительство» заставляло других финансировать только те вещи, которые конкретно обозначены в Конституции США. «Прогрессист», с другой стороны, хочет, чтобы «правительство» заставляло других финансировать самые разные вещи, от искусства до обороны, заботы о бедных, образования, пенсионных программ и так далее до бесконечности. И хотя два типа избирателей могут различаться по степени и типам агрессии, которую они поддерживают, они не различаются в принципе: они оба приняли предпосылку о том, что «власть» имеет право насильственно вымогать деньги за выполнение «государственных» функций, считающихся необходимыми; они различаются только тем, что именно считают «необходимым».

Мышление почти каждого эгатиста парадоксально. С одной стороны, эгатисты знают, что каждый «закон», который они оправдывают, — это приказ, подкрепленный угрозой насилия. Они полностью осведомлены о том, что делают с любым пойманным «нарушителем закона», но усредненный эгатист, если его спросить, категорически отрицает, что он согласен с насилием над своими соседями. На практическом уровне эгатист знает, что любая «политическая» программа, которую он поддерживает, в случае ее реализации будет осуществляться людскими методами: запугивание или грубая сила необходимы для получения согласия со стороны людей. Тем не менее, эгатист, полностью осознавая это, также будет демонстрировать огромное логическое несоответствие, отказываясь признать, что он открыто и прямо защищает насильственное вымогательство и принудительный контроль над миллионами невинных людей. Причина этого в том, что эгатист считает, что субъект, называемый «властью», имеет право править, и в результате, когда он совершает насилие, это не считается насилием.

Пока насилие совершается теми, кто претендует на звание «власти», которые воображаются свободными от обычных правил морали (не воровать, не нападать, не убивать и т. д.), даже те, кто являются наиболее яркими сторонниками различных «налогов» и других «законов», могут продолжать представлять себя мирными, сострадательными и ненасильственными людьми. Некоторые даже воображают себя пацифистами. *(Поскольку все, что делает «правительство», делается с помощью силы или угрозы силой, такого явления как пацифист-эгатист не существует и не может быть. Очевидно, что не все анархисты пацифисты, но все истинные пацифисты являются анархистами).* Есть много способов, некоторые из которых рассматриваются ниже, с помощью которых порядочные, добродетельные люди потворствуют агрессии и нападениям, запугиванию и грабежу, поскольку они считают, что сверхчеловеческое мифическое божество, известное как «правительство», вполне имеет право на такие действия, и поэтому считают, что для них совершенно морально и добродетельно просить «правительство» совершить такие действия.

Благотворительность с помощью насилия

Типичный эгатист — глубокий шизофреник, полностью осознающий и совершенно не осознающий, что он лично защищает широкое применение насилия против

других. Ярким примером этого могут быть те, кто считает себя любящими и сострадательными в поддержке «государственных» программ помощи бедным. То, что они буквально защищают, поддерживая программы «благополучия», является массовым вымогательством, в котором многие миллионы людей лишены миллиардов долларов из-за угрозы оказаться в клетке. Сторонники такой «благотворительности с помощью насилия» воображают себя добродетельными и заботливыми из-за того, что нуждающиеся могут получить, при этом полностью дистанцируясь от угроз, запугивания, преследований, насильственных арестов и тюремного заключения, которые, как они знают, имеют место и которые, как они знают, необходимы для любой программы «социальной помощи». Из-за этого причудливого выборочного отрицания те, кто верит в «правительство», могут полностью осознавать грубую силу, с помощью которой применяются такие «законы», при этом, по-видимому, не подозревая, что они сами потворствуют такой грубой силе, когда требуют таких «законов».

Вера во «власть» — вот что допускает это странное психологическое противоречие, поскольку оно убеждает сторонников схем перераспределения богатства в том, что жертвы «законного» вымогательства обязаны сотрудничать и что применение насилия против тех, кто не платит «их налоги», оправдано. В результате основная мера морали и добродетели полностью перевернута с ног на голову: защитники «соцпомощи» считают себя сострадательными за пропаганду насильственного воровства, в то время как презренными преступниками считают любого, кто пытается избежать этого насилия или сопротивляться ему.

Точно так же сторонники «пенсионной программы», схемы перераспределения богатства в стиле финансовых пирамид, воображают себя заботливыми и сострадательными. Ослепленные своей верой в «правительство», они не осознают, что не только принуждают людей к тому, что (ложно) представляется как «правительственная» пенсионная программа, но также добавляют к этому оскорбление, намекая, что люди не могут и не должны сами планировать собственное будущее. Требуется серьезный отрыв от реальности, чтобы так яростно поддерживать принуждение людей к участию в «инвестиционной» программе, которая ничего не инвестирует и не имеет активов, и которая имеет доходность намного хуже, чем большинство реальных инвестиций (и фактически не гарантирует никакой отдачи вообще), а затем чувствовать себя благородным и милосердным за то, что принуждал людей к такой схеме. (Мало того, что не существует «счета» социального обеспечения — индивидуального или коллективного — на котором «собирается» этот капитал, так еще и Верховный суд США⁹ ясно дал понять, что никто не имеет никаких договорных прав по любым «пособиям» социального и пенсионного обеспечения, независимо от того, сколько они «заплатили» в систему, и что Конгресс может отключить любые или все «пособия» в любое время, если захочет).

Защитники жестокости

Довольно часто на протяжении всей истории чудовищное угнетение поддерживалось людьми отчасти потому, что они не могли признать зло как зло, когда оно совершалось во имя «закона» и «власти». Если люди действительно верят, что «правительство» имеет право на власть, как сейчас думают почти все, то большинство людей поддержит или, по крайней мере, пассивно примут всевозможные тоталитарные «решения». Например, многие немцы в 1940-х годах, которые сами

⁹ В деле *Flemming v. Nestor*, 363 US 603

никогда не совершали и не мирились с частным запугиванием или нападением, не говоря уже об убийстве, тем не менее с энтузиазмом поддерживали идею «законодательного», «одобренного правительством» и «управляемого правительством» «решения» по так называемому «еврейскому вопросу» (как назвал его Гитлер). Это было официально санкционировано и осуществлено посредством «закона», поэтому люди считали себя невиновными в случившемся, даже если яростно защищали это.

Американцы сегодня, страдая от избирательного отрицания, быстро осуждают то, что сделали другие жестокие, деспотические режимы, но медленно осознают, что в результате своей собственной веры во «власть» они тоже попустительствуют широко распространенной чудовищной жестокости во имя «закона». Даже когда угнетение выходит за рамки простых угроз и запугивания и приводит к постоянному, широко распространенному, открытому насилию и жестокости, большинство людей из-за своей веры в «правительство» все еще неспособны признать это злом.

Очевидный пример — война. Национализм, который так силен в тоталитарных режимах, не позволяет им увидеть абсолютное зло, которое они оправдывают и поддерживают во имя «национальной обороны». Во многих случаях эта слепота является преднамеренной. Как политики, так и консервативные избиратели жалуются, когда американскому народу показывают грубые реалии войны. Они хотят размахивать флагом и болеть за свою команду, с энтузиазмом участвуя в стадном менталитете, но не хотят видеть реальные результаты того, что они поддерживают. Их можно убедить с гордостью «поддержать войска» и верить в якобы справедливую войну абстрактно, пока они защищены от необходимости видеть бойню — кровь, кишки и части тел, которые вызывает их «патриотизм».

Хотя любовь к своей «стране» по-прежнему изображается как великая добродетель, правда в том, что убийцы по обе стороны каждой войны, включая тех, кто сражался за самые жестокие и безжалостные режимы в истории, руководствовались чувством праведности. Из-за того националистического менталитета стаи войны бы не было, если солдаты не поставили бы свою преданность и верность своей банде, племени или «стране» выше того, что в их понимании было бы правильно. *«Патриотизм» и вера во «власть» — два ключевых ингредиента войны.* Самый простой способ заставить хороших людей совершить зло — это представить акты агрессии и завоеваний как «борьбу за свою страну».

Хотя правители уже давно практикуют контроль над разумом своих подчиненных, во многих случаях контроль над разумом тех, кто верит во «власть», осуществляется ими самими. Они хотят верить в «свою страну» и в какой-то праведный, абстрактный принцип, какой-то идеал, какое-то благородное дело (например, «распространение демократии»), не думая о том, что происходит в простых, буквальных понятиях. Легче поддерживать массовые убийства, когда их называют «войной», и тем более, когда их называют «национальной обороной». Когда нечто замаскировано правительственной терминологией, основанной на стадном менталитете, оно позволяет своим сторонникам — и тем, кто на самом деле это делает — воображать, что они поддерживают что-то храброе и праведное. Хотя отдельные солдаты могут искренне полагать, что они сражаются за благородное дело, невозможно быть «хорошим парнем» и воевать со всей страной, как обсуждалось ранее. То, как «правительства» ведут войну, никогда не может быть оправдано и всегда аморально, поскольку это всегда предполагает широко распространенное насилие над невинными. Однако это факт, который этактисты, как левые, так и правые, не хотят замечать.

Другой пример современной драконовской жестокости, «законно» совершаемой в «свободном мире», — это кампания насилия, известная как «борьба с наркотиками». Во имя попытки искоренить привычку — не насилие, воровство или мошенничество, а *простую привычку* — миллионы ненасильственных, мирных, продуктивных людей подверглись нападениям, террору и заключению в клетки. Обеспечение соблюдения «законов о наркотиках» происходит особенно жестоко и грязно, ведь вторжения военизированных формирований в частные дома являются обычным явлением, а многолетние тюремные заключения за «преступления» без потерпевших встречаются в изобилии. И сторонники «войны с наркотиками» хорошо осведомлены не только об откровенно насильственных действиях принуждения, но и о том, что единственными измеримыми последствиями стали лишь более высокие цены на определенные психоактивные вещества, больше преступлений ради того, чтобы заплатить за такие вещества, жестокие конфликты между конкурирующими продавцами веществ, и больше средств, оружия, власти и «законодательных» полномочий для тех, кто носит ярлык «правительства», дабы преследовать и нападать на невиновных. Даже если бы это действительно работало и исключило или значительно сократило бы употребление определенных наркотиков, такая жестокость была бы абсолютно неоправданной и аморальной. Но даже несмотря на то, что «власти» совершенно не удалось приблизиться ни на шаг к заявленной цели, многие «консерваторы» с энтузиазмом приветствуют новые притеснения, терроризм и насилие. (Чтобы добавить этому фашизму лицемерия, стоит упомянуть, что большинство этих «консерваторов» употребляют алкоголь: поступок, морально идентичный поведению, которое они хотят, чтобы «власть» жестоко искоренила).

И хотя миллионы жизней продолжают разрушаться в результате этого жестокого тоталитарного крестового похода, многие этактисты нетерпеливо обвиняют жертв, заявляя, что они «нарушили закон» и поэтому заслуживают того, что с ними делают. Итак, для якобы морального и ответственного «консерватора», даже если человек никому не причинил вреда и не совершил ни насилия, ни мошенничества, если он просто ослушался произвольных указов своих хозяев, он заслуживает нападения, заключения в клетку или убийства. И, конечно же, такие «консерваторы» считают непозволительным, если одна из целей фашистского бандитизма решит дать отпор. С извращенной, бредовой точки зрения набожного националистического государственного политика, со стороны государственных наемников благородно и добродетельно совершать насильственные нападения и попытки похитить и заключить в клетку продуктивного, миролюбивого курильщика конопли, но для этого курильщика является сущим злом использовать насилие для защиты от такой агрессии. Таково безумие, вызванное суеверием «власти».

Принудительные выгоды

Этактисты часто защищают «налогообложение», утверждая, что принудительная конфискация богатства «правительством» становится оправданной задним числом, когда часть конфискованных денег расходуется таким образом, что приносит пользу тому, у кого деньги были изъяты, или, по крайней мере, приносит пользу обществу в целом. Например, этактист может утверждать, что если кто-то едет по дороге, которая частично финансировалась за счет денег, взятых у этого человека, или косвенно извлекает выгоду из того, что другие могут пользоваться такой дорогой, то этому человеку не следует жаловаться на то, что он «облагается налогом». чтобы профинансировать это. Игнорируя истинную природу ситуации, этактисты неверно трактуют это как простую оплату услуг. Никто не стал бы приводить подобных аргументов, если бы не «власть». Предположим, например, что ресторан доставил еду

тому, кто ее не заказывал, а затем послал вооруженных головорезов, чтобы они забрали у этого человека сотню долларов. Если человек, подвергшийся таким вымогательствам, решит поехать, ни один разумный человек не станет утверждать, что это сделало бы действия ресторана приемлемыми с моральной точки зрения. Однако это в точности аналогично обычному мнению этактистов: если кто-то получает выгоду от «государственных» услуг, он не должен жаловаться на «налоги». Негласная предпосылка состоит в том, что «легальное» ограбление совершенно законно, если впоследствии «правительство» приносит некоторую выгоду тому, кого ограбили. И, похоже, для этактистов не имеет большого значения, является ли такая «выгода» только косвенной, или ужасно дорогой, или же сочетается со всеми видами других вещей, которые вообще не приносят пользы человеку или против которых он морально настроен (например, финансирование войны или аборт, или некоторые религиозные или антирелигиозные программы). Это потому, что государственники считают, что в конечном итоге это прерогатива тех, кто находится у «власти», а не тех, кто заработал деньги, решать, как следует тратить богатство, и что до тех пор, пока правящий класс утверждает, что грабит и контролирует людей для их же блага, крестьяне не имеют права сопротивляться любому принуждению и насилию, которое хозяева сочтут необходимым.

Жестокость ради защиты

Еще одним вариантом представления о том, что «правительство», предоставляющее «льготы», задним числом оправдывает всевозможные кражи и вымогательства, является явно смехотворный аргумент о том, что необходимо насильственно контролировать и грабить людей, чтобы «правительство» могло защитить их от плохих поступков других людей, которые иначе могли бы насильно контролировать и грабить их. Эта абсурдная, искаженная рационализация довольно часто встречается при обсуждении правительственных военных или внутренних «правоохранительных органов». Этактисты полагаются на разжигание страха, поддерживая такое безумие и делая мрачные прогнозы обо всех неприятных вещах, которые, как они думают, произошли бы, если бы людей с помощью массивного правительственного вымогательства не ограбили насильно.

Опять же, такие глупые аргументы никогда не приводятся в ситуациях, когда в этом не задействована «власть». Никто не примет утверждение, что для ресторана нормально заставлять кого-то платить за еду, которую он не заказывал, на том основании, что в противном случае человек может умереть от голода. Никто не согласится с утверждением, что строитель может принуждать кого-то платить за здание, которое он не планировал приобретать, на том основании, что в противном случае этот человек может оказаться бездомным. Но еще более нелепо было бы утверждать, что одной уличной банде приемлемо заниматься рэкетом ради «защиты», чтобы иметь возможности и ресурсы не подпускать все другие опасные уличные банды к их городу. Тем не менее, именно так выглядит попытка оправдания для всего «правительства»: что ему нужно позволить совершить агрессию против всех для того, чтобы оно могло защитить их от других, кто может совершить агрессию против них. Сторонники сильных полицейских или мощных вооруженных сил — оба лагеря которых финансируются за счет принудительной конфискации богатства — приняли предпосылку, что не только нормально, но и необходимо, чтобы люди подвергались угнетению, контролю и вымогательству со стороны «правительства» до тех пор, пока это делается для их же блага. Тот факт, что государственные «защитники» не в состоянии предотвратить преступность или войну, а вместо этого резко увеличивают их количество за счет нагнетания военной истерии и создания

«нелегальных» рынков, похоже, остается незамеченным теми, кто защищает такое «крышевание» «правительства». Опять же, только потому, что «власть» воображается как сторона, имеющая право на агрессию, любой может привести глупый аргумент о том, что следует прибегать к насилию против людей, чтобы «защитить» их.

Если сомневаетесь, защищайте насилие

Большую часть времени люди даже будут защищать насильственно навязанный правительственный план просто потому, что они не уверены, что произошло бы, если бы они этого не сделали, или они не уверены, как именно что-то было бы достигнуто, если бы люди остались свободными. Например, если человеку сложно представить, как будет функционировать полностью частная дорожная система, он обычно будет отстаивать «правительственный» план, финансируемый за счет принуждения. Если человек не уверен, насколько хорошо свободные люди могут защитить себя без регулярной армии, он, вероятно, будет защищать авторитарное военное решение, финансируемое за счет принудительного «налогообложения». Те, кто верит во «власть», по умолчанию выступают за насилие. Все, что нужно, чтобы заставить обычного человека отстаивать принудительный «правительственный» план практически во всем — это немного неуверенности и невежества.

В повседневной жизни люди ведут себя совершенно иначе. Обычный человек не прибегает к насилию против всех, кого встречает, просто потому что он не уверен, что все, кого он встречает, будут без этого вести себя должным образом и принимать правильные решения. Но именно это и делают большинство этактистов посредством «правительства»: они выступают за широко распространенный насильственный контроль над миллионами людей просто потому, что они не совсем уверены, что люди, если их оставить на свободе, будут тратить свои деньги так, как им надо, и относиться к другим так, как они должны, находить мирные, эффективные решения проблем и т. д. Посредством суеверия «власти» государственники могут спокойно защищать насильственное подчинение своих соседей просто потому, что они не совсем уверены, как их соседи в противном случае будут себя вести.

И те, кто жаждет власти, используют этот факт в своих интересах. Все, что нужно сделать политику, чтобы заручиться поддержкой и захватить власть, — это сказать публике, что что-то может не сработать, если он оставит людей на свободе. Ему даже не нужно ждать, пока кто-то действительно сделает что-то нечестное, злонамеренное, халатное или деструктивное. Все, что ему нужно сделать, это *предположить возможность* того, что, если люди останутся на свободе, может случиться что-то плохое. Поскольку сторонники «государственного» насилия не признают «закон» насилием, порог, при котором они поддержат правительственное принудительное «решение», очень низок. Те, кто жаждет власти, могут просто предположить, что какой-то «план» может кому-то где-то помочь, и многие люди будут мириться с «законным» насилием, основываясь только на этой предпосылке.

Во многих случаях насилие со стороны «правительства» основано на предположениях о том, что может произойти в результате действий людей. Например, большая часть государственного принуждения, осуществляемого во имя «защиты окружающей среды», основана на идее о том, что государство должно насильственно контролировать выбор каждого, потому что в противном случае люди могут сделать выбор, который будет способствовать глобальному потеплению, исчезновению тропических лесов, вымиранию животных и т. д. Немногие люди, действуя

самостоятельно, будут совершать агрессию, основываясь на предположении о возможных косвенных последствиях мирных и ненасильственных действий других. Но это обычное дело в «государственной» политике.

В качестве еще одного примера пропаганды негласного насилия со стороны «правительства» рассмотрим практику принудительного предотвращения проникновения иностранцев в любую точку целой «страны» без письменного разрешения правящего класса этой «страны». Такие иммиграционные «законы» создают нечто вроде военного менталитета, когда вся демографическая категория людей криминализируется и демонизируется и подвергается актам агрессии, основываясь на опасениях по поводу того, что некоторые из этих людей могут сделать. Люди полагают, что многие «нелегалы» «являются преступниками или приезжают в страну только для того, чтобы получить пособие». Независимо от того, насколько часто такие утверждения верны, в результате все «нелегалы» — все, кто находится в стране без разрешения политиков — подвергаются принудительному контролю. Это результат стадного менталитета по определению. Само собой разумеется, что применение насилия в отношении одного человека из-за того, что он принадлежит к той же расе, или из той же страны, или каким-либо иным образом похож на кого-то другого, который на самом деле причинил вред, совершенно неоправданно. Следует отметить, что попытки «правительства» подавить «нелегальную иммиграцию» также приводят к агрессии против многих «законных» жителей (а также «нелегалов») на контрольно-пропускных пунктах «пограничного патруля», многие из которых даже не находятся на контрольно-пропускных пунктах границы. Остановить и допросить всех, кто едет по дороге, потому что кто-то может оказаться там «незаконно», — это как раз тот вид неоправданной агрессии, который постоянно совершается «правительственными» агентами и редко — кем-либо еще.

Это *насилие по умолчанию* также можно увидеть в навязчивых обысках и допросах любого, кто пытается лететь на самолете в «стране свободных». У владельца самолета условия для любого, кто хочет лететь на его транспорте (и это также относится к поезду, машине или чему-либо еще), сильно отличаются от условий, когда третья сторона насильно запрещает кому-либо пользоваться любым самолетом где-либо в стране, пока потенциальные пассажиры не подвергнутся сначала допросу, досмотру багажа и даже персональному обыску агентами третьей стороны. Люди никогда не потерпят такого поведения со стороны частных лиц (под предлогом «на всякий случай лучше навязать свою волю всем остальным»), но для агентов «власти» такая тактика является обычным делом. И люди воображают, что это законно. Фактически, они часто требуют, чтобы «правительство» делало такие вещи.

В повседневной жизни ненасилие является стандартным поведением для большинства людей. Хотя иногда случаются физические конфликты, большинство людей идут на все, чтобы их избежать, не только стараясь не начинать драку, но и пытаясь разрядить напряженные ситуации. Даже когда происходит потасовка, обе стороны обычно расходятся. Каждый день миллиарды людей находят способы мирно сосуществовать, даже если у них существенно разные точки зрения, убеждения и отношения. Но это в их личной жизни. Когда дело доходит до «политики», насилие присутствует по умолчанию. Каждый избиратель в той или иной степени стремится к тому, чтобы его собственные взгляды и идеи насильно навязывались всем остальным через механизм «правительства». По умолчанию не разрешается другим «заниматься своим делом» или пытаться мирно уживаться; по умолчанию — пропаганда агрессии против абсолютно всех посредством правительственного принуждения, называемого «законом». Существует ошеломляющая разница между тем, что средний человек считает «цивилизованным поведением» на индивидуальной основе, и тем, что он

считает законным и цивилизованным, когда речь идет о действиях «власти». Трудно представить, чтобы в личной жизни кто-то вел себя так же, как избиратели, когда речь идет о «политике». Такой человек будет постоянно грабить других друзей и незнакомцев на огромные суммы денег для финансирования вещей, которые он считает важными, а также использовать угрозы, физическую силу и даже похищения, чтобы принуждать других принимать любые решения, которые, по его мнению, были бы лучшими для его жертв или для общества в целом. Короче говоря, любой, кто вел себя в своей частной жизни так, как все эгатисты действуют на «политической» арене, был бы немедленно признан бандитом, вором и сумасшедшим. Но делать то же самое через «правительство», пропагандируя массовое вымогательство и бандитизм, большинство воспринимает как нормальное занятие нормальных цивилизованных люди. Они иногда даже называют голосование своим долгом, как будто человеку на самом деле аморально не пропагандировать принудительный контроль над своими соседями. Удивительно и по иронии судьбы, единственные люди, которые не выступают за постоянное широко распространенное насилие и принуждение через «правительство» — анархисты и волюнтаристы — обычно рассматриваются большинством как странные, нецивилизованные и опасные.

Как миф побеждает добродетель

Почти все родители обычно дают своим детям две совершенно противоположные установки:

1) воровать, бить, запугивать и т. д. в целом неправильно, и 2) подчиняться «властям» — это хорошо. Практически все, что делает «власть», представляет собой запугивание: использование насилия или угрозы насилия для контроля поведения других и присвоения их собственности. Каждый «правительственный» деятель, от школьного учителя до диктатора страны, не только принудительно контролирует своих подчиненных на регулярной основе, но также говорит и действует так, как если бы он имел на это абсолютное и неоспоримое право. Таким образом, учитель всегда насильно навязывает свою волю ученикам, в то же время говоря им, что «с их стороны неправильно навязывать свою волю другим». Это лучший пример лицемерной установки: *«Делай, как я говорю, а не так, как я поступаю»*.

Если бы детей воспитывали с мыслью о том, что воровать, бить, запугивать и т. д. по своей природе неправильно, то почему в обществе возникает необходимость в том, чтобы их также учили «уважению к власти»? Это только приучает их к тому, чтобы ими было легче управлять, что приносит пользу тем, кто стремится к власти над ними (будь то родители, учителя или политики), но не учит их быть более цивилизованными, сострадательными или гуманными. Как показали эксперименты Милгрэма, все происходит с точностью до наоборот. Короче говоря, детей учат, как быть цивилизованными людьми, а затем учат безумному суеверию, которое отменяет и делает недействительным все, чему их учили о цивилизованности. Этот странный парадокс можно увидеть повсюду в современном обществе.

Среднестатистический человек почувствовал бы стыд и вину, если бы украл сотню долларов у своего соседа, но не сомневается в том, что путем голосования выступает за то, чтобы «правительство» забирало многие тысячи долларов у того же соседа. Среднестатистический человек будет держать свою дверь открытой для незнакомца, но в то же время будет настаивать на том, чтобы тот же незнакомец большую часть

своей жизни насильственно контролировался с помощью «закона». Поверхностная вежливость и внимательность, которые проявляет большинство людей, становятся бессмысленными и бесполезными из-за огромного уровня государственного принуждения и агрессии, за которые они выступают. Даже у нацистов были надлежащие манеры за столом, они говорили «пожалуйста» и «спасибо» (по-немецки), демонстрировали надлежащий этикет и в целом были вежливы в перерывах между совершением массовых убийств.

Существует резкий контраст между тем, как почти все этактисты относятся к другим в своей личной жизни, и тем, как они выступают за то, чтобы «правительство» относилось к другим через призму «закона». Миллионы людей, которые не хотели бы нанести физический ущерб другому человеку, тем не менее гордо потворствуют насильственному подчинению или прямому убийству тысяч людей. Они называют это «поддержкой армии и флота». Некоторые государственники даже говорят, что они против войны, но поддерживают армию и флот. Это сравнимо с утверждением, что кто-то выступает против изнасилования, но поддерживает насильников. Поскольку «правительственные» войска всегда применяют принуждение и насилие против невинных, в дополнение к любой используемой оборонительной силе, «поддержка войск» обязательно означает поддержку угнетения. Но из-за стадного менталитета и эмоциональной привязанности к своим соотечественникам многие люди пытаются отделить свои «войска» от того, что в принципе делают все «войска».

В качестве еще одного примера того, как вера в «правительство» искажает восприятие, многие получатели «социальной помощи» открыто признают, что, имея выбор между принятием добровольно пожертвованных подарков от людей, которых они знают, и получением чего-то, что «правительство» насильно отняло у совершенно незнакомого человека, они предпочитают последнее, потому что, по их мнению, это менее постыдный из двух вариантов. Тот факт, что кто-либо когда-либо предпочел бы принять украденную собственность, нежели проявить сострадание и щедрость, показывает, насколько глубоко вера во «власть» искажает человеческое чувство морали.

Короче говоря, каждый этактист — каждый, кто верит в «правительство» — обманывает себя, полагая, что он хороший человек, который поддерживает добрые дела и выступает против несправедливости, воображая себе уважение к ближнему, и в то же время отстаивая то, что его ближнего человека насильно контролируют, грабят, заключают в тюрьму или даже убивают. Суеверие «власти» настолько глубоко укоренилось в умах масс, что они могут пропагандировать зло на массовом, почти непостижимом уровне, при этом все еще воспринимая себя милосердными и сострадательными. Они требуют, чтобы «правительство» делало то, о чем они никогда не мечтали бы сделать в одиночку. Они воображают себя ненасильственными, цивилизованными, просвещенными существами, при этом постоянно выступая за то, чтобы всех их соседей грабили и принудительно контролировали, а в случае сопротивления посадили в клетки или убили. По правде говоря, поверхностное милосердие, сострадание и вежливость человечества — сущий пустяк, если сравнить его с тем, что сделает почти каждый или что он попросит сделать других во имя «правительства».

Многие родители и учителя регулярно повторяют, пожалуй, самое основное правило человечества, иногда называемое «Золотым правилом морали»: *относитесь к другим так, как вы хотите, чтобы относились к вам*. Однако ни один из учителей и почти никто из родителей, которые проповедуют это, на самом деле не живут по этому правилу, потому что посредством «правительства» они выступают за то, чтобы

вымогательство и принуждение применялись ко всем, кого они знают. «Золотое правило» — это, по сути, формула анархии: если кто-то не любит, когда над ним доминируют и насильственно контролируют другие, он не должен выступать за то, чтобы другие находились под доминированием и принудительным контролем. Если кто-то хочет, чтобы его оставили в покое, он должен оставить в покое других. Если кто-то желает свободы управлять своей жизнью, он должен позволить другим делать то же самое. Грубо говоря, пропаганда агрессии против других, в том числе через любую форму «правительства», совершенно несовместима с тем, чтобы быть милосердным, внимательным, сострадательным, добрым, порядочным, любящим человеком. И единственная причина, по которой так много в остальном хороших людей продолжают защищать широко распространенную постоянную агрессию через «правительство», заключается в том, что их обманули, заставив принять ложь о существовании существа, называемого «правительством», которое не связано моральными стандартами, применимыми к людским существам.

«Либеральная» трусость

Откровенно говоря, люди хотят существования «власти», потому что сами они незрелые трусы. Они хотят, чтобы всемогущая сущность навязывала свою волю другим. Это принимает разные формы в разных вариантах политической защиты, но основная мотивация всегда одна и та же. Например, «либерал» возмущается действительностью. Он не хочет мира, в котором возможны страдания и несправедливость. Но вместо того, чтобы делать то, что он может как человек, он хочет, чтобы «правительство» сделало это за него. Он хочет, чтобы какая-то магическая сущность обеспечила процветание всем, включая его самого, накормила, разместила и позаботилась о них, независимо от того, насколько они ленивы или безответственны. Вместо того, чтобы доверять людям заботу друг о друге, он хочет, чтобы сверхчеловеческое «правительство» гарантировало всем жилье, еду, медицинское обслуживание и все остальное. Он так сильно этого хочет, что отказывается принять очевидную истину о том, что такая гарантия невозможна и что если простые смертные не позаботятся о себе и друг о друге, ничто другое о них не позаботится.

Либералы рассматривают мир как продолжение классной комнаты, где всегда есть «авторитет», ответственный и контролирующий, который позаботится о том, чтобы хорошие дети были вознаграждены и защищены от плохих. Каждому ребенку говорят, что ему делать, о нем заботятся и все, что от него просят, — это чтобы он делал, как ему говорят. Ожидается, что он сам не несет никакой ответственности за свое собственное благополучие, кроме как через свое послушание «авторитету». Он не обеспечивает себе пищу, укрытие, защиту или что-то еще. Он просто верит, что «авторитеты» (например, учителя и родители) обеспечат его. Он вырос в обстановке, не имеющей ничего общего с реальностью, и его учат обращаться к «авторитету» во всех своих нуждах.

И либерал продолжает это делать еще долго после того, как бросит учебу. Он говорит о том, что каждый человек имеет «право» на жилище, еду, медицинское обслуживание и другие вещи, как будто какая-то гигантская волшебная фея обязана магическим образом сотворить такие вещи для всех. Природа реальности, хотя она смотрит ему в лицо каждый день, слишком тревожит его, чтобы признать это, потому что она так отличается от мира, в котором он вырос, где «авторитет» был ответственен за все. «Правительственные» программы, поддерживаемые «либералами», являются проявлением их собственного бредового ужаса реальности и отказа видеть мир таким,

какой он есть. Они настолько боятся неопределенности, что пытаются вызвать галлюцинацию сверхчеловеческой сущности («правительства»), которая может каким-то образом преодолеть все неопределенности реальности и создать постоянно безопасный, постоянно предсказуемый мир. И когда мифологический спаситель не только не может исправить мир, но и делает все намного хуже (как это случилось с коллективистскими режимами Советского Союза, Кубы, Китая и многих других), «либерал» все еще отказывается отпустить свою слепую веру во всеведущего, всемогущего бога, называемого «правительством».

Простая аналогия рушит всю «либеральную» политическую теорию. Если бы на острове потерпели кораблекрушение сотня человек, что бы это вообще значило, — что каждый человек имеет «право» на питание, или что каждый имеет «право» на медицинское обслуживание, или «право» на работу, или «право» на «прожиточный минимум»? Если, например, кто-то имеет «право» на жилище, а жилье получается только благодаря знаниям, навыкам и усилиям других людей, это означает, что один человек имеет право заставить другого человека построить ему дом? Ведь именно это и происходит в более широком контексте, когда «либералы» выступают за насильственное ограбление одних людей с помощью «налогообложения», чтобы обеспечить «льготы» другим. Представление о том, что люди в силу самого своего существования имеют право на все виды вещей, которые возникают только в результате человеческих знаний и усилий, является бредом. Логическим результатом этой предположительно любящей и сострадательной точки зрения является насилие и рабство, потому что, если чья-то «потребность» дает ему право на что-то, это означает, что это должно быть принудительно отобрано у кого-либо еще, кто имеет это или может произвести, если он не будет предоставлять это добровольно.

Тот факт, что такое недалёковидное, животное отношение («коллективизм») изображается как «прогрессивная» философия сострадания, не отменяет того факта, что на самом деле она неотличима от «философии» крыс и тараканов: независимо от того, кто что произвел, если кто-то еще этого хочет (или утверждает, что «нуждается» в этом), он должен это взять принудительно. (В «Коммунистическом манифесте» это выражается так: *«от каждого по способностям, каждому по потребностям»*.) Конечно, есть фундаментальное различие между предложением о том, что люди, у которых есть лишнее богатство, должны добровольно помогать менее удачливым, выступая за то, чтобы насилие было «справедливым». «Правительственные» программы никогда не просят людей помогать друг другу; они всегда используют угрозы и агрессию, чтобы заставить людей делать определенные вещи и вести себя определенным образом. Миф о «власти» позволяет «либералам» пропагандировать широко распространенное, постоянное насилие и запугивание, все еще воображая себя заботливыми и сострадательными. По сути, политические «левые» хотят иметь всезнающую, всемогущую «мамочку», которая заставит людей делиться и играть по правилам, и они игнорируют тот факт, что такой вещи не существует, и что воображение такой вещи только прибавляет в обществе насилие, страдания и несчастья.

«Консервативная» трусость

Как политические «либералы» хотят, чтобы гигантское государство-мама защищало и заботилось обо всех, так и политические «консерваторы» хотят, чтобы гигантское государство-папа делало то же самое. Результаты немного отличаются, но основное заблуждение остается тем же: желание всемогущего «правительства» для защиты человечества от реальности. Заблуждение «правых» меньше фокусируется на

материнском баловстве и держании за руку, а больше сосредотачивается на отцовской защите и дисциплине. «Консерваторы» хотят, чтобы «правительство» использовалось для создания большой и мощной защитной машины и для твердого навязывания населению морали, которая, по их мнению, необходима для выживания человечества. Их отрицание реальности так же сильно, как и у левых. Опять же, аналогия с островом хорошо демонстрирует эту точку зрения. Если бы на острове потерпели кораблекрушение сотня человек, кто бы мог подумать, что принуждение большинства из них служить и подчиняться «защитнику» будет необходимым или полезным? И кто бы мог подумать, что позволение одному или двум из них насильно навязывать свою мораль остальным сделает такую группу более добродетельной?

Консервативная «папина» форма «правительства» эквивалентна дисциплинарному отцу, который действует как защитник семьи от внешних сил (эквивалент «правительственной» армии) и защитник каждого члена семьи от других внутри семьи (эквивалент внутренних «правоохранительных органов»), и тот, кто держит «нежелательных» подальше от семьи (эквивалент иммиграционных «законов»), а также поборник морали, который наказывает членов семьи, когда те не подчиняются правилам. Этот последний пункт приравнивается к «законам» против порнографии, проституции, азартных игр, употребления наркотиков и других привычек и поведения, которые, хотя они и не являются проявлением силы или мошенничества в отношении тех, кто, как полагают многие, разрушает — физически, морально и духовно — тех, кто этим занимается.

Но попытки насильственно навязать мораль более разрушительны, чем агрессивное поведение. Помимо того факта, что никто не имеет права насильственно контролировать ненасильственный выбор другого, также ужасно опасно создавать прецедент, согласно которому применение насилия для искоренения неблаговидного или неприятного поведения — это нормально. Как только такая предпосылка будет принята в принципе, человеческое общество будет вести постоянную *войну всех против всех*. Никогда не будет времени, когда все будут разделять одни и те же ценности и точки зрения. Мир и свобода не могут существовать, если каждое различие во мнениях и в образе жизни или поведении приводит к насильственному конфликту из-за «государственного» принуждения. Цивилизация, состояние мирного сосуществования, является не результатом веры всех в одно и то же, а результатом человеческого соглашения воздерживаться от насилия, даже против людей, которые не верят в то же самое. «Консервативный» этатизм, так же как и «либеральная» версия, гарантирует постоянные раздоры и конфликты, потому что он стремится заменить свободу воли и индивидуальное суждение на так называемую мораль правящего класса, первым принципом которой является принудительное соответствие и одинаковость. Конечно, насилие не может создать добродетель, даже если оно иногда порождает послушание, поэтому все попытки «правительства» заставить людей стать нравственными и добродетельными обречены на провал и в конечном итоге не дают ничего, кроме как повышают уровень насилия и конфликтов в обществе.

Настоящая терпимость

Вера во «власть» настолько сильна, что многие люди автоматически связывают неодобрение чего-либо с желанием, чтобы «правительство» сделало это «незаконным». В своей личной жизни большинство людей и не мечтают прибегнуть к насилию против каждого человека, с которым они сталкиваются, который имеет привычку или образ жизни, которые им неприятны. Почти каждый на регулярной

основе терпит выбор и поведение других, которые он не одобряет. Конечно, «терпеть» что-либо означает просто позволить этому существовать (то есть воздерживаться от попыток насильственно искоренить это); это не значит потворствовать или одобрять это. Истинная толерантность — это то, что позволяет мирно сосуществовать людям с разными точками зрения и системами убеждений.

По иронии судьбы, «толерантность» часто используется этакими как предлог для проявления нетерпимости. Например, если работодатель решает не вести дела с кем-то из-за расы, религии, сексуальной ориентации или какой-либо другой общей характеристики этого человека, некоторые называют это «нетерпимостью» (а это не так), а затем натравливают свое «правительство», использующее силу «закона», чтобы заставить работодателя нанять того, кого «правительство» считает нужным. Вот что такое нетерпимость, и она равносильна отказу человека делать свой собственный выбор о том, с кем сотрудничать и с кем торговать.

Это только один из многих примеров того, как вера во «власть» усугубляет разногласия и порождает насилие там, где в противном случае оно не произошло бы. Есть несколько ненасильственных способов, с помощью которых люди могут препятствовать поведению, которое они не одобряют. Рассмотрим пример владельца бизнеса, который отказывается нанимать чернокожих (что, как бы отвратительно это ни было, не является актом агрессии). Те, кто считает такую политику оскорбительной, могут бойкотировать бизнес человека или выступать против его обычаев или убеждений. Вместо этого обычным ответом на такую ситуацию для государственных чиновников является обращение к тем, кто облечен «властью», чтобы заставить каждого сделать якобы справедливый и осознанный выбор.

То же самое можно сказать и о многих других социальных проблемах. Борьба за то, должны ли однополые браки быть «юридически» признаны или «запрещены» — не что иное, как соревнование в нетерпимости с обеих сторон. Неоправданно ни принуждать двух мужчин заявить, что они женаты, ни заставлять кого-либо признавать такие отношения «браком». Представление о том, что все должны иметь одинаковое представление о том, что составляет брак (или что-то другое) является симптомом конформизма-фашизма. Точно так же законы о «непристойности» направлены на принудительное ограничение того, что люди могут читать или просматривать, «законы о наркотиках», а также многое из того, что делает FDA¹⁰, представляют собой попытки насильственного ограничения того, какие вещества люди могут принимать внутрь. «Законы о минимальной заработной плате» пытаются принудительно контролировать то, о чем могут договариваться два человека. «Антидискриминационные» законы пытаются заставить людей заключать сделки и создавать ассоциации, которых они не хотят. «Законы», такие как «Закон об американцах с ограниченными возможностями», представляют собой попытки применить силу во имя «справедливости», чтобы контролировать, какие услуги люди могут предложить на рынке, например, закрытие бизнеса, если владелец не может позволить себе установить съезд для инвалидных колясок.

Все такие «законы», все подобные действия «власти» и «правительства» являются актами агрессии, полной противоположностью терпимости. Абсурдно пытаться заставить людей быть милыми, справедливыми или сострадательными не только потому, что агрессия по своей сути неправильна, но также потому, что никогда не будет только одного представления о том, что хорошо, справедливо и сострадательно.

10 Food and Drug Administration, «Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов» - прим. перев.

То, что миллионы людей постоянно борются за меч «власти», каждый из которых надеется насильственно навязать свое представление о «добре» всем остальным, было прямой причиной большей части насилия и угнетения в истории. Хотя это может показаться нелогичным, этот факт исторически неоспорим: большая часть зла, совершаемого на протяжении всей истории, была результатом попыток использовать «власть» для совершения добрых дел.

Конституция Советского Союза, например, описывала «власть», которая должна была относиться ко всем одинаково, независимо от расы или религии, профессии или пола, и защищать индивидуальные права всех граждан в их экономической, политической и социальной жизни. «Права», перечисленные в советской конституции, включали свободу слова и свободу религии, право на труд, право на отдых и досуг, право на жилище, право на образование, право на медицинское обслуживание и, помимо всего остального, право граждан на заботу в старости. Реальным результатом этого благородного эксперимента, однако, были постоянные жестокие репрессии, преследования, а также запугивание, экономическое порабощение, насильственное подавление мыслей и мнений, повсеместная бедность и убийство десятков миллионов людей, многие из которых были вызваны умышленно организованной голодной смертью («Голодомор»). Конституция Китайской Народной Республики очень похожа на Конституцию Советского Союза, и результаты также были аналогичными: повсеместные жестокие репрессии и тирания, а также массовые убийства. (Попытка китайских «властей» использовать насилие со стороны государства для сокращения прироста населения привела к особенно ужасающим и плачевным результатам).

Тираны всегда заявляли, что руководствовались в своих действиях самыми благородными намерениями. Но даже добрые намерения в сочетании с верой во «власть» всегда приводят к безнравственному насилию, иногда в почти непостижимой степени. Даже без всех исторических примеров должно быть очевидно, что попытки достичь сострадания и справедливости, любви и добродетели, сотрудничества и братства посредством государственной агрессии и насилия — это безумие, и что «правительство», по самой своей природе являясь инструментом насильственного контроля, никогда не может и никогда не приведет к справедливости, миру и гармонии.

Также стоит отметить, что политические левые и правые очарованы концепцией «равенства», при этом политические правые выступают за «равенство перед законом», а левые — за равенство результатов. Но на самом деле ни один из них не хочет истинного равенства, потому что они оба освобождают правящий класс от такого «равенства». Истинное равенство исключает всякое «правительство», потому что правитель и подданный, очевидно, никогда не смогут быть равными. На самом деле этактисты хотят равенства рабов между собой, но огромного неравенства между рабами и хозяевами. Это еще раз показывает, что они считают «правительство» сверхчеловеческим явлением, потому что им никогда не приходит в голову, что когда они продвигают «равенство для всех», в их равенство также должны входить политики и полиция.

Большое или маленькое, левое или правое, государство — зло

Каждый человек, который защищает «правительство» в любой форме — будь то либеральное, консервативное, умеренное, независимое, коммунистическое, фашистское, конституционалистское или любое другое — считает, что представители «власти» должны в широком масштабе совершать действия, которые, если бы это

сделал кто-то другой, были бы широко признаны несправедливыми и аморальными. Все этакисты верят, что люди, составляющие «правительство», освобождены от основных принципов человеческой морали и не только могут делать то, что другие не имеют права делать, но и обязаны делать такие вещи для (предполагаемого) блага общества. Тип и степень агрессии различаются, но все этакисты выступают за агрессию.

В государственной мифологии политическое «левое крыло» и политическое «правое крыло» — противоположности. На самом деле это две стороны одной медали. Разница лишь в том, что разные избиратели надеются, что власть имущие сделают с этой властью. На практике «левые» и «правые» политики все вовлечены в перераспределение богатства, разжигание войны, централизованный контроль над торговлей и многочисленные принудительные ограничения поведения своих подданных. По мере того как «правые» и «левые» партии приближаются к полной власти, они становятся совершенно неотличимы друг от друга. Якобы «крайне правый» режим Гитлера и якобы «крайне левый» режим Сталина были практически идентичны. Какой бы ни была изначальная заявленная цель того или другого, конечным результатом была полная власть и контроль для политиков и полная беспомощность и порабощение всех остальных. Возможность выбора между политическими «левыми» и «правыми» дает людям ровно столько власти и свободы, сколько позволяет им выбирать между смертью через повешение и смертью через расстрел. А добавление независимой третьей стороны только добавляет возможность смерти от электрического тока. Пока люди спорят только о том, какая банда должна поработить всех (явление, известное как «демократия»), люди останутся поработченными.

По иронии судьбы, этакисты всех политических взглядов сетуют на влияние, которое «лоббисты» и «особые интересы» оказывают на политиков, игнорируя тот факт, что каждый избиратель представляет особый интерес, а каждый участник кампании является лоббистом. Как только люди принимают предпосылку о том, что «правительство» имеет право насильственно управлять обществом на микроуровне, постоянная конкуренция между группами, каждая из которых жертвует деньги и услуги политикам, чтобы добиться своего, становится неизбежной. Глупо защищать тоталитарный контроль («правительство») только для того, чтобы затем жаловаться на неизбежный эффект этого контроля: люди пытаются купить влияние. *Политиков можно купить только потому, что они обладают властью продавать, а у них есть власть продавать только потому, что люди верят в «правительство».* Государственная власть всегда будет использоваться для обслуживания интересов одного человека за счет другого (как еще можно использовать принуждение?), что делает понятие «коррупции в правительстве» излишним. Каждый государственный хочет, чтобы «правительство» насильно навязывало свою волю другим, но называет «коррупцией», когда побеждает чья-то другая программа. Это лицемерие поражает.

Точно так же консервативные ученые мужи на радиопередачах и в других местах ханжески наказывают либералов за то, что они выступают за принудительное перераспределение богатства, в то время как сами ученые мужи делают то же самое с немного другими целями. Критиковать социальные программы, поддерживая корпоративные субсидии, или критиковать попытки законодательно закрепить «справедливость», поддерживая «войну с наркотиками», или критиковать либеральные планы национализации промышленности при одновременной поддержке гигантских, принудительно финансируемых «государственных» вооруженных сил (что равносильно рационализации военной индустрии) показывает полное отсутствие философских принципов. В то же время для либералов одинаково

лицемерно справедливо осуждать разжигание войны «правых», поддерживая гигантский, назойливый, злобный вымогательский рэкет («налогообложение»), или жаловаться на «нетерпимость» «правых», защищая при этом всевозможные государственные методы контроля за поведением. По правде говоря, не существует особой разницы между философскими принципами разных лагерей этатистов, потому что все они принимают предпосылку о том, что правящий класс с правом контролировать и грабить население является необходимым и законным. Единственный аргумент в таком случае — не вдаваться в обсуждение принципов, а просто спорить о том, как следует распределять добычу и какой выбор следует навязать крестьянам. Не бывает терпимого либерала или терпимого консерватора, потому что ни один из них не терпит, чтобы люди сами тратили свои собственные деньги и контролировали свою жизнь.

Верно, что степень зла и типы пропагандируемой аморальной агрессии различаются в зависимости от разных стилей этатизма. Конституционалисты, например, выступают за относительно низкий уровень грабежа и вымогательства («налогообложение») и выступают за то, чтобы только определенные, ограниченные действия и поведение должно контролироваться с помощью угроз и принуждения («регулирование»). Но всякая власть, которую любая конституция предлагает передать законодательному органу, — это власть, которой не обладают простые смертные. Кто возьмется записать в конституцию строку, претендующую на делегирование определенным людям права, которым уже обладают все остальные? Все такие «наделения властью» и любой документ, претендующий на создание «правительства» или уполномочивающий любой «законодательный орган» на что-либо, являются попытками выдать лицензию на совершение зла. Однако, как должно быть уже самоочевидно, ни один человек или группа людей — независимо от того, какие документы они создают или какие ритуалы проводят, — не может дать кому-либо моральное разрешение на совершение зла. И наложение предполагаемых «ограничений» на такое разрешение не делает его более разумным или законным. Короче говоря, защищать «правительство» — это всегда защищать зло.

И либералы, и консерваторы настаивают на том, что кто-то должен быть «ответственным», потому что это реальность, в которой они выросли: единственное, что от них требовалось, — это оставаться послушными «властям». В результате этого обучения они почти не знают, что делать, если их предоставят самим себе, если никто не говорит им, что делать. Поэтому они отказываются взрослеть и пытаются выдумать сверхчеловеческое «правительство». Как это ни парадоксально, даже несмотря на то, что в мире нет биологических видов развитее людей, они стремятся сфабриковать это сверхчеловеческое существо из самих людей, а затем пытаются наделить его сверхчеловеческими качествами, правами и добродетелями.

Вся эта концепция — бред, но ее разделяет подавляющее большинство людей во всем мире, которые отказываются признать тот факт, что нет быстрого пути к определению правильного и неправильного, что нет волшебного фокуса, который автоматически воздвигнет на пьедестал истину и справедливость, что не существует «системы», которая могла бы гарантировать безопасность или справедливость, и что обычные смертные люди со всеми их недостатками и слабостями являются лучшей и единственной надеждой для цивилизации. Нет ни волшебной феи, ни Санта-Клауса, ни мифического существа под названием «правительство», которое могло бы заставить аморальный вид вести себя нравственно или заставить группу несовершенных людей функционировать идеально. И вера в такую сущность, вместо того, чтобы быть просто бессмысленной и неэффективной, резко увеличивает общую глупость, конфликты, несправедливость, нетерпимость, насилие, угнетение и

убийства в человеческом обществе. Тем не менее, большинство из тех, кому внушили поклонение «правительству», скорее будут цепляться за свои знакомые, ужасно разрушительные, отвратительно злые, глубоко античеловеческие суеверия, чем повзрослеют и примут тот факт, что над ними нет никого, никаких мамы или папы, чтобы продлить тот момент, когда они находятся на вершине, и что каждый из них лично ответственен за то, чтобы решить, что он должен делать, а затем делать это. К сожалению, они предпочли бы страдать в аду вечной войны и полного порабощения, чем столкнуться с неопределенностью и ответственностью, которые приходят со свободой.

Вера во «власть» отрицает и отменяет почти все положительные эффекты религиозных и моральных убеждений. То, что большинство людей называют своей «религией», — это пустая витрина, и то, что большинство людей рекламирует как свою моральную добродетель, не имеет значения, пока они верят в миф о «власти». Христиан, например, учат таким вещам, как *«Если кто-то ударит вас, подставьте другую щеку»*, *«Любите ближнего своего»* (и даже *«Любите врага своего»*) и *«Поступайте с другими так, как вы хотели бы, чтобы они поступали с вами»*. Тем не менее, каждый так называемый христианин, который верит в «правительство», постоянно отказывается от этих принципов, пропагандируя постоянную агрессию против всех — друга и врага, соседа и незнакомца — посредством культа «правительства». Разыграть демонстрацию благочестия, религиозности, сострадания, любви и добродетели, «голосуя» за банду, обещающую применять насилие, чтобы контролировать действия всех, кого вы знаете, — это верх лицемерия. Воздерживаться от личного ограбления соседа и одновременно подталкивать к этому кого-то другого — одновременно и трусливо, и лицемерно. Тем не менее, почти каждый христианин (и каждый представитель любой другой религии) делает такие вещи на регулярной основе посредством защиты идеи «правительства».

Как упоминалось ранее, вера в «правительство» — это чисто религиозное убеждение. Таким образом, подавляющее большинство тех, кто носит ярлык «атеист», на самом деле не атеисты, потому что они верят в бога по имени «правительство». Они, конечно, не признают это религиозным верованием, но их вера в этого нереального, сверхчеловеческого спасителя человечества («правительства») столь же глубока и основана только на вере, как и любая другая религиозная вера. По иронии судьбы атеисты часто быстро указывают на разрушения, которые на протяжении всей истории совершались во имя религии, но не замечают ужасных результатов бога, которому они поклоняются прямо сейчас: «правительства». Атеисты абсолютно правы, указывая на то, что, когда церкви были признанной «властью» — организации, которые считались имеющими право насильственно контролировать других, — многие из них совершали крупномасштабные чудовищные террористические акты, пытки и убийства. Но чего большинство современных атеистов не осознают, несмотря на очевидные доказательства, смотрящие им в глаза, так это того, что они являются членами самой разрушительной церкви в истории, церкви «правительства», которая сумела сеять хаос, смерть и разрушения на уровне, намного превосходящем то, что делали даже самые порочные церкви прошлого. Например, в течение двухсот лет в религиозных войнах, известных как «крестовые походы», погибло около одного или двух миллионов человек. Для сравнения, в двадцатом веке за половину этого периода времени, погибло более чем в сто раз больше людей. Они были убиты «прогрессивной политикой» коллективистских «правительств». Достижения в области технологий, несомненно, сыграли большую роль в увеличении числа смертей, но суть в том, что независимо от того, носит ли маску «власти» церковь или государство, суеверие ужасно опасно, а результаты ужасно разрушительны. Тот факт, что так много атеистов страстно осуждают одну форму суеверия, в то же время яростно защищая ее в другой

форме, демонстрирует поразительную степень избирательной слепоты. Часто те, кто наиболее критически относится к угнетению, проводимому «религией», оказываются одними из самых набожных «истинно верующих» в бога, называемого «правительством».

Опять же, в глазах тех, кто верит в «правительство», существует огромная разница между приемлемым индивидуальным поведением и приемлемым поведением «правительства». Когда человек крадет 100 долларов, это считается безнравственным преступлением; когда представители «правительства» крадут триллионы долларов каждый год, это считается приемлемым. Если средний человек печатает свою 100-долларовую банкноту, выходит и тратит ее, это рассматривается как мошенничество и фальшивомонетчество — аморальный поступок, похожий на воровство. Когда «правительство» дает «законное» разрешение Федеральной резервной системе делать то же самое, но с триллионами бумажных, «пустых» «долларов», это считается приемлемым, даже полезным и необходимым. В то время как различные «правительства» заявляют, что обычному человеку «не разрешается» владеть огнестрельным оружием, наемникам «правительства» разрешается иметь при себе артиллерийские бомбы, истребители, танки, ракеты и даже ядерные боеголовки.

Иронично, что такое оружие — за исключением ядерного — обычно попадает в руки тех же самых людей, которым до того, как они стали наемниками государства, было запрещено владеть огнестрельным оружием. Другими словами, когда эти люди используют свои собственные суждения, некоторые политики объявляют их слабыми, ненадежными и слишком опасными для общества, чтобы им можно было доверять пистолет. Но когда те же самые люди слепо следуют приказам, подчиняясь порядку командования, те же самые политики заявляют, что им можно доверять штурмовые винтовки, снайперские винтовки, гранаты, пулеметы, танки, истребители, бомбардировщики, тяжелую артиллерию и бесчисленное множество других средств крупномасштабного разрушения.

Помимо огромной пропасти между тем, что массы считают приемлемым индивидуальным поведением и приемлемым поведением «правительства», общественное мнение о том, что «правительство» зашло «слишком далеко», кажется почти случайным. Стандарты, по которым судят об обычных людях, просты и неизменны: если они воруют, обманывают, нападают или убивают, это плохо. Но мера правильного и неправильного для «правительства» кажется в значительной степени произвольной. Например, сейчас широко признано, что «запрещение» алкоголя было бы неоправданным, но «запрещение» конопли — и использование повсеместного постоянного насилия для обеспечения соблюдения этого запрета — законно. Еще более странным противоречием является то, что большинство людей будет справедливо оскорблено, если «правительство» попытается заставить всех собирать мусор в своем районе, но большинство принимает это как законное, когда «правительство» через военный «призыв» забирает людей в поездку в другую страну, чтобы убивать там людей или умереть самим. Как ни странно, этот самый отвратительный пример принудительного труда — принуждение людей отправляться за тридевять земель для убийства совершенно незнакомых людей — был даже совершен «правительством», чьи собственные правила (например, Тринадцатая поправка Конституции США) запрещают «принудительное рабство».

Ясно, что пределы того, что «правительству» позволено делать с точки зрения широкой общественности, не основаны на каких бы то ни было принципах. Одна из причин, по которой люди во всем мире и на протяжении всей истории так медленно сопротивлялись тирании, заключается в том, что, пока рост тирании идет медленно и

неуклонно, тираны никогда не рассматриваются как «перешедшие черту». Это потому, что без каких-либо основополагающих принципов, с помощью которых можно было бы определить, что правильно, а что нет, не может быть границы, которую можно пересечь. Вера во «власть» полностью несовместима с какими-либо моральными принципами именно потому, что суть веры заключается в том, что те, кто «наделен властью», не связаны теми же правилами поведения, что и их подданные. С логической точки зрения, как испытуемые могут чувствовать себя вправе диктовать своим хозяевам стандарты поведения? И если «налогообложение» (принудительная конфискация богатства) увеличится с 62% до 63%, как может какой-либо политик в принципе заявить, что какая-то черта была пересечена, или что «правительство» вышло за ее пределы? Не может быть принципиального возражения против ограбления, если оно не является возражением против любого уровня ограбления, даже если оно «законное». Если введение 1% принудительной конфискации богатства «правительством» в принципе законно, то и 99% законны. Либо правители владеют людьми и имеют право забирать столько, сколько им заблагорассудится, либо народ владеет собой сам, а правители не имеют права насильно отбирать у них что-либо вообще. Где-то посередине не может быть никакого принципа. Как такое может быть? Какая возможная рациональная основа может существовать для убеждения, что 46% рабства — это хорошо, а 47% — плохо? Как может быть какая-то принципиальная граница между 0% и 100%?

Когда насилие «правительства» становится слишком широко распространенным, слишком произвольным и слишком жестоким, эстеты очень медленно начинают сомневаться в этом. Но нет никаких реальных принципов, определяющих, как они судят о праведности действий правящего класса. Как только признается, что одна группа людей имеет неотъемлемое право совершать акты агрессии против других, с этого момента больше не существует объективных стандартов для ограничения таких действий. Если «правительство» может требовать, чтобы у людей была «лицензия» на проезд в ближайший магазин, почему оно не может требовать, чтобы у людей была «лицензия» на прогулку по улице? Если «законодатели» имеют законное право требовать регистрации и регулирования частного огнестрельного оружия, почему они также не могут требовать регистрации и регулирования всех форм выражения и слова? Если для политиков нормально создавать принудительную «государственную» монополию на доставку писем (как это сделала Почтовая служба США), почему для них не нормально создавать принудительную «государственную» монополию на телефонные услуги?

Причина, по которой «правительство» — это всегда скользкая дорожка, постоянно отталкивающая от свободы к тоталитаризму, заключается в том, что, как только кто-то принимает предпосылку правящего класса, уже не остается никакой объективной основы для применения каких-либо ограничений к полномочиям этого правящего класса. Не может быть рационального морального стандарта для утверждения, что определенное лицо имеет право совершать акты агрессии — воровство, запугивание, нападение и принуждение, — но что он может совершать такие действия только до определенной степени или только в случае «необходимости». Для рабов признание того, что они являются законной собственностью кого-то другого, только затем, чтобы заявить, что существуют ограничения на то, что их владельцы могут делать с ними, является логическим противоречием. Если субъект принимает любого хозяина (в том числе и так называемое «правительство»), а затем воображает, что он, субъект, будет определять степень его полномочий, это бросает вызов логике и реальности. Тем не менее, это то, к чему стремятся все сторонники «государственного правительства».

Короче говоря, те, кто верит во «власть», на самом фундаментальном уровне

признают, что они принадлежат кому-то другому — людям, претендующим на «власть». Приняв эту идею, они затем начинают умолять своих хозяев об одолжении. Тем не менее, поступая таким образом, люди постоянно укрепляют идею о том, что, в конечном счете, хозяева сами решают, что делать с подчиненными. Вечный посыл, который отзывается эхом на протяжении всего «политического процесса», звучит так: *«Вот дела, которые мы, люди, просим, чтобы вы, правители, разрешили нам делать»*. Неявный посыл, лежащий в основе всех политических действий, состоит в том, что единственная власть, которой обладают люди, — это способность ныть и умолять, и что, в конечном счете, хозяева всегда сами решают, что произойдет. Настаивать на любых изменениях в «законе» означает признать, что «закон» легитимен.

Напротив, если на вооруженного водителя нападет угонщик с ножом, водитель не почувствует необходимости лоббировать агрессора, умолять его дать разрешение на то, чтобы водитель оставил свою машину. Если бы у водителя были средства для отражения нападавшего с применением силы, он имел бы на это полное право. Просить о чем-то — значит признать, что решение принимает другой человек. Просить у кого-то в «правительстве» дать немного больше свободы, значит признать, что это они решают, будут ли люди свободны или нет. Другими словами, просить свободы — значит не быть свободным, а принимать подчинение кому-то другому. Подумайте, что это за оксюморон, когда человек заявляет о «неотъемлемом праве» что-то делать, а затем просит у политиков законодательного разрешения на это. Вера во «власть» в конечном итоге приводит к тому, что даже те, кто воображает себя ярыми защитниками свободы, попустительствуют собственному порабощению. Независимо от того, насколько громко они «требуют», чтобы политики изменили какой-то «закон», те, кто заявляют, что любят свободу, все еще страдая от суеверий «власти», просто укрепляют легитимность контроля правящего класса над ними, неявно соглашаясь с тем, что народу нужно «законодательное» разрешение правящего класса, чтобы иметь право что-либо делать.

Влияние мифа на поборников свободы

Само по себе «правительство» не причиняет вреда, потому что это вымышленная сущность. Но вера в «правительство» — представление о том, что одни люди на самом деле имеют моральное право управлять другими — вызывает неизмеримую боль и страдания, несправедливость и угнетение, порабощение и смерть. Фундаментальная проблема заключается не в каком-либо наборе зданий, или какой-либо группе политиков, или какой-либо банде солдат или силовиков. Фундаментальная проблема лежит не в организации, за которую можно проголосовать, или свергнуть, или «реформировать». Фундаментальной проблемой является сама вера — заблуждение, суеверие и миф о «власти» — которая живет в умах нескольких миллиардов людей, включая тех, кто больше всего пострадал из-за этой веры. Как ни странно, вера во «власть» резко влияет на восприятие и действия даже тех, кто активно борется против того или иного режима. Суеверие коренным образом изменяет и ограничивает способы, которыми инакомыслящие «борются» с угнетением, и делает почти все их усилия бессильными. Более того, в тех редких случаях, когда свержен конкретный тиран, одна форма угнетения почти всегда заменяется другой, часто даже хуже, чем предыдущая.

Вместо борьбы с несуществующим зверем «борцам за свободу» нужно признать, что «правительство» нереально, что оно не существует, что оно не может существовать, и затем действовать соответственно. Конечно, если только несколько человек

преодолеют суеверие, они, вероятно, будут высмеяны, осуждены, атакованы, заключены в тюрьму или убиты теми, кто все еще твердо верит в миф, но когда даже значительное меньшинство людей перерастет суеверие и соответственно изменит свое поведение, мир кардинально преобразится. *Когда люди действительно захотят настоящей свободы, они добьются ее без каких-либо выборов или революции.*

Проблема в том, что на самом деле почти никто не хочет, чтобы человечество было свободным, и почти никто не выступает против угнетения в принципе. То есть, последствия мифа о «власти» остаются нетронутыми даже в умах большинства людей, считающих себя мятежниками, нонконформистами и вольнодумцами. В подростковом возрасте многие люди проходят период явного бунта, который состоит в основном из того, что им запрещают делать «авторитеты»: курения, сексуальной распущенности, употребления наркотиков, ношения другой одежды или причесок, нанесения татуировок или пирсинга на тело и т. д. Таким образом, их действия все еще контролируются, хотя и в обратном направлении, мифом о «власти». Вместо того, чтобы подчиняться ради подчинения, они не подчиняются ради непослушания, но при этом не проявляют никаких признаков того, что могут думать самостоятельно. Они ведут себя как злые, самодовольные дети, но все же не ведут себя как взрослые. И в большинстве случаев их естественное желание разорвать оковы «авторитета» длится недолго, они «перерастают» свои антигосударственные тенденции и постепенно превращаются обратно в «образцовых граждан», то есть послушных подданных.

Например, якобы радикальные, антиавторитарные хиппи 1960-х более или менее стали новым «правительством» в Соединенных Штатах во время президентства Билла Клинтона. Даже «пацифисты», мантра которых была «живи и дай жить другим», когда им была предоставлена возможность стать новым «правительством», предпочли насильственно вмешиваться в жизнь других, как и их предшественники, или даже больше, в том числе посредством военных завоеваний. Точно так же представители «поколения X», толпы «MTV» и так далее всегда сосредотачивали свои усилия на том, чтобы привести к власти людей, которые согласны с ними, вместо того, чтобы работать над фактическим достижением свободы. Существует фундаментальная разница между жалобами на конкретный правящий класс и признанием и противодействием безумию «власти» в принципе. Короче говоря, во всех различных социальных проявлениях так называемого бунтарства и несоответствия практически ни один из них не избежал мифа о «власти». Вместо этого они просто попытались создать новую «власть», новый правящий класс, новое «правительство», новую централизованную машину принуждения, с помощью которой они могли бы насильственно подчинять и контролировать своих соседей. Иными словами, почти все так называемые «бунтари» — обманщики, которые притворяются, что сопротивляются «дракону», но на самом деле просто хотят быть «драконом».

И этого следовало ожидать. Если исходить из предположения, чем могла бы и должна быть «власть», и что «правительство», осуществляющее контроль над населением, является законной сущностью, почему бы кому-то не захотеть взять на себя контроль за всем этим? Каждый человек по определению хочет, чтобы мир был таким, каким, по его мнению, он должен быть, и что может быть лучше для любого человека, чем стать королем? Если кто-то принимает идею о том, что государственная власть имеет силу, почему бы ему не использовать ее, чтобы попытаться создать мир таким, каким он хочет? Вот почему единственные люди, которые действительно отстаивают свободу в принципе, — это анархисты и волюнтаристы, люди, которые понимают, что

насильственное доминирование над другими незаконно, даже когда это называется «законом», и даже когда это делается во имя «народа» или «общего блага». Есть большая разница между стремлением к новому, более мудрому и благородному хозяину и стремлением к миру равных, где нет ни хозяев, ни рабов. Точно так же есть большая разница между рабом, который верит в принцип свободы, и рабом, конечная цель которого — стать новым хозяином. Принцип работает, даже если этот раб действительно намеревается быть добрым и щедрым хозяином. Даже те, кто выступает за относительно ограниченный, мягкий тип «правительства», выступают против свободы. Пока люди верят в миф о «власти», каждое падение одного тирана будет сопровождаться созданием и ростом нового. История изобилует примерами, такими как Фидель Кастро и Эрнесто Гевара, которые изображали себя «борцами за свободу» достаточно долго, чтобы стать новыми угнетателями. Без сомнения, они были весьма искренними в своем яростном противодействии угнетению, от которого страдали они и их друзья, но они не были против государственного угнетения в принципе, что ясно продемонстрировало их поведение после того, как они сами получили власть. Эта закономерность повторялась снова и снова на протяжении всей истории, когда недовольство одним тираническим режимом становилось семенем следующего тиранического режима. Даже приход Гитлера к власти в значительной степени был вызван гневом по поводу предполагаемой несправедливости и угнетения, которым подверглась Германия посредством Версальского мирного договора. Конечно, пока бунтари страдают от суеверий «власти», их первоочередной задачей после свержения старого «правительства» будет создание нового. Таким образом, даже акты великой храбрости и героизма среди тех, кто все еще верит в «правительство», приводят лишь к замене одного тирана другим. Многие смогли признать и противостоять конкретным актам тирании со стороны определенных режимов, но очень немногие осознали, что *основная проблема не в том, кто сидит на троне; проблема в том, что есть трон, на котором можно сесть.*

Такая же неспособность признать реальную проблему встречается и в более приземленных, относительно мирных «реформах». В США, например, большая часть населения прекрасно видит несправедливость, возникшую в результате «борьбы с наркотиками», глобального разжигания войны и других нарушений гражданских прав, совершаемых республиканскими тиранами. Однако, не признавая веру во «власть» как настоящую проблему, решение, предлагаемое теми, кто признает такую несправедливость, состоит в том, чтобы вместо этого передать бразды правления «правительством» тиранам-демократам. Между тем, другая значительная часть населения прекрасно видит несправедливость, возникающую в результате жесткого «налогообложения», «государственного» микроменеджмента в промышленности, схем перераспределения богатства, разоружения граждан («контроль над оружием») и т. д. Но, не признавая веру во «власть» как реальную проблему, решение, предлагаемое теми, кто признает такую несправедливость, состоит в том, чтобы вернуть бразды правления «правительством» тиранам-республиканцам. Итак, десятилетие за десятилетием машина угнетения переходит из рук в руки, в то время как личная свобода во всех аспектах жизни продолжает истощаться. И тем не менее все, что большинство американцев в состоянии даже рассматривать в качестве решения, — это еще одни выборы, или другая политическая партия, или еще одно лоббистское усилие в надежде умолять правящий класс быть более мудрым или доброжелательным.

Некоторые люди, видя катастрофу, вызванную двухпартийной системой, винят «экстремизм» в негативных последствиях «правительства». Они предполагают, что, если бы люди поддержали только форму принудительного контроля где-то между «крайне левыми» и «крайне правыми», положение бы улучшилось. Такие люди

утверждают, что они независимые, непредубежденные и умеренные, но на самом деле они просто общие сторонники угнетения вообще, а не какого-то определенного оттенка угнетения. «Левая» и «правая» — это всего лишь две маски, которые носит один правящий класс, и создание новой маски, являющейся компромиссом между двумя другими, не окажет никакого влияния на природу чудовища или разрушения, которые оно причиняет. Позиция посередине между «левой» тиранией и «правой» тиранией не приводит к свободе; она приводит к двухпартийной тирании.

Среди тех, кто голосует за демократов или республиканцев — или за любую другую партию — никто не осознает основную проблему, и в результате никто никогда не приближается к решению. Они остаются рабами, потому что их мысли и дискуссии ограничиваются бессмысленным вопросом о том, кто должен быть их хозяином. Они никогда не рассматривают — и не осмеливаются позволить себе рассматривать — возможность того, что у них вообще не должно быть хозяина. В результате они полностью сосредотачиваются на политических действиях того или иного рода. Но в основе всех политических действий лежит вера во «власть», что и является самой проблемой. Так что усилия этактистов обречены и всегда будут обречены на провал.

К сожалению, это также верно в отношении менее распространенных, якобы более выступающих за свободу «политических движений», включая конституционалистов, Либертарианскую партию и другие. Пока они думают и действуют в рамках «правительственной» игры, их усилия не только полностью неспособны решить проблему, но фактически усугубляют ее, непреднамеренно узаконивая систему господства и подчинения, которая носит ярлык «правительства».

Правила игры

Даже большинство людей, которые заявляют, что любят свободу и верят в «неотъемлемые» права, позволяют суевериям «власти» резко ограничивать их эффективность. Большая часть того, что делают такие люди, так или иначе, состоит в том, чтобы просить тиранов изменить их «законы». Независимо от того, проводят ли активисты кампанию за или против конкретного кандидата или лоббируют за или против определенного «закона», они просто усиливают предположение о том, что подчинение властям является моральным императивом.

Когда активисты пытаются убедить политиков снизить «налоги» или отменить какой-то «закон», эти активисты неявно признают, что им нужно разрешение от своих хозяев, чтобы быть свободными, а человек, который «баллотировался на пост», обещает бороться за народ. Это также означает, что те, кто находится в «правительстве», должны решать, что крестьянам будет позволено делать. Как выразился Дэниел Вебстер: *«Есть люди всех возрастов, которые хотят править хорошо, однако они хотят править; они обещают быть хорошими хозяевами, однако они хотят быть хозяевами»*. Активисты тратят огромное количество времени, денег и усилий, умоляя своих хозяев изменить свои команды. Многие даже изо всех сил подчеркивают тот факт, что они «работают в рамках системы» и что они не делают ничего «незаконного». Это показывает, что, несмотря на их недовольство властью, они по-прежнему верят в миф о «власти» и будут сотрудничать с «правовой» несправедливостью до тех пор, пока им не удастся убедить хозяев изменить правила — «узаконить» правосудие. Хотя предполагаемый посыл несогласных может заключаться в том, что они не одобряют то, что делают хозяева, фактическое сообщение, которое все политические действия посылают власть имущим, звучит так: *«Мы хотим, чтобы вы изменили свои приказы, но мы будем продолжать»*

подчиняться, независимо от того, сделаете вы это или нет». По правде говоря, тот, кто стремится достичь свободы, обращаясь к властям с просьбой дать ее ему, уже потерпел неудачу, независимо от ответа. Просить благословения «правительства» — значит признать, что выбор принадлежит только хозяину, а это означает, что человек уже по определению является рабом.

Тот, кто просит более низкие «налоги», неявно соглашается с тем, что именно от политиков зависит, сколько человек может оставить себе из того, что он заработал. Тот, кто умоляет политиков не разоружать его (посредством «оружейных законов»), тем самым признает, что хозяин должен позволить ему вооружиться или нет. Фактически, те, кто лоббирует политику уважения каких-либо «неотъемлемых прав» людей, вообще не верят в неотъемлемые права. Права, требующие одобрения «правительства», не являются неотчуждаемыми и даже не являются правами. Это привилегии, предоставленные или удерживаемые по прихоти хозяина. И те, кто занимают руководящие должности, знают, что им нечего бояться людей, которые ничего не делают, кроме жалких просьб о свободе и справедливости. Как бы громко несогласные ни говорили о «требовании» своих прав, на самом деле они говорят: *«господин, решать вам, что мы можем, а что не можем».*

Этот основной посыл можно увидеть во всех видах деятельности, ошибочно принимаемых за формы сопротивления. Например, люди часто участвуют в акциях протеста перед «правительственными» зданиями, несут знаки, скандируют лозунги, а иногда даже прибегают к насилию, чтобы выразить свое недовольство тем, что делают хозяева. Однако даже такие «протесты» по большей части лишь усиливают режим. Марши, сидячие забастовки, протесты и так далее предназначены для того, чтобы послать сообщение хозяевам, их цель — убедить хозяев изменить свои злые пути. Но это послание по-прежнему подразумевает, что то, что люди могут делать, зависит от хозяев, что становится самосбывающимся пророчеством: когда люди чувствуют себя обязанными «власти», они обязаны «власти». Те, кто находится в «правительстве», черпают всю свою силу из того факта, что их подданные верят в их власть.

Узаконивание угнетения

Чем упорнее люди пытаются работать в рамках любой политической системы для достижения свободы, тем больше они будут укреплять в своем собственном сознании и умах всех, кто за этим наблюдает, что «система» легитимна. Обращение к политикам с просьбой изменить их «законы» подразумевает, что эти «законы» имеют значение и должны соблюдаться. Ничто не показывает силу веры во «власть» лучше, чем зрелище сотни миллионов человек, умоляющих несколько сотен политиков о более низких «налогах». Если бы люди действительно понимали, что плоды человеческого труда принадлежат только им самим, они бы никогда не впали в такое безумие; они просто перестали бы отдавать свою собственность политическим паразитам. Их натренированное желание получить одобрение «власти» создает в них образ мышления, мало чем отличающийся от мышления раба: они буквально плохо себя чувствуют из-за того, что хранят свои собственные деньги и делают свой собственный выбор, не получив предварительно на это разрешения хозяина. Даже когда свобода уже принадлежит им, этактисты продолжают пресмыкаться у ног страдающих манией величия, умоляя о свободе, тем самым гарантируя, что они никогда не станут свободными.

Истина в том, что нельзя верить во «власть» и быть свободным, потому что принятие

мифа о «правительстве» означает принятие собственного обязательства подчиняться хозяину, что означает принятие собственного порабощения. К сожалению, многие люди считают, что умолять хозяина посредством «политического действия» — это все, что они могут сделать. Поэтому они всегда участвуют в ритуалах, которые только узаконивают отношения рабовладельцев, вместо того, чтобы просто не подчиняться тиранам. Идея неповиновения «властям», «нарушение закона» и «преступление» беспокоит их больше, чем идея быть рабом.

Тех, кто хочет значительно более низкого уровня государственного контроля и принуждения, иногда обвиняют в том, что они «враги государства», и это утверждение наиболее категорически отрицают, заявляя, что они не против «правительства» как такового, а хотят только лучшего «правительства». Получается, своими собственными словами они признают, что не верят в истинную свободу, и все же верят в Божественное право политиков и идею о том, что правящий класс может быть хорошей и законной вещью. Только тот, кто по-прежнему чувствует постоянную обязанность подчиняться приказам политиков, не хочет, чтобы его называли «врагом государства». Поскольку «правительство» всегда состоит из агрессии и господства, нельзя по-настоящему выступать за свободу, не выступая против «правительства». Тот факт, что так много активистов отвергают этот ярлык («враг государства»), показывает, насколько глубоко укоренилось суеверие «власти», даже в умах тех, кто воображает себя рыми защитниками личной свободы.

(Здесь стоит упомянуть одно особенно интересное явление. Возмущенные несправедливостью властей, но все еще не желающие отказываться от суеверий «власти» сами по себе, многие участники растущих политических движений за свободу/вооружение/«патриотизм» продолжают искать или заявляют, что нашли какое-то «правовое» средство, которое убедит тиранов оставить их в покое. На протяжении многих лет появлялись одна теория за другой, утверждающие существование какой-то секретной «правительственной» формы, некой «юридической» уловки или какой-то официальной процедуры, которая была бы способна освободить человека от контроля «правительства». К сожалению, это демонстрирует только то, что такие люди все еще не делают ничего, кроме как ищут способ получить разрешение на свободу. Но путь к истинной свободе никогда не был и никогда не будет новым политическим ритуалом, новым «юридическим» документом или аргументом, или любой другой формой «политического» действия. Единственный путь к истинной свободе для человека — это отпустить свою привязанность к суевериям «власти».

Либертарианское противоречие

Возможно, лучшей иллюстрацией того, как вера во «власть» искажает мышление и мешает достижению свободы, является тот факт, что существует «либертарианская» политическая партия. Сердцем и душой либертарианства является принцип ненападения: идея о том, что применение силы или мошенничества против другого всегда неверно, и что сила оправдана только в том случае, если она используется для защиты от агрессии. Принцип совершенно здравый, но попытка воплотить его в жизнь с помощью любого политического процесса полностью противоречит самим себе, потому что «правительство» и ненападение совершенно несовместимы. Если организация под названием «правительство» перестанет использовать какие-либо угрозы или насилие, кроме защиты от агрессоров, она перестанет быть «правительством». У него не было бы права управлять, права «издавать законы», никакой монополии на защиту и никакого права делать что-либо, что не имеет права

делать любой другой человек.

Одним из оправданий либертарианского политического активизма является утверждение, что общество может превратиться из своего нынешнего тоталитарного загона в действительно свободное общество, только если оно будет делать это медленно и постепенно. Однако этого никогда не было и никогда не произойдет по очень простой причине: либо есть такое понятие, как «власть», либо его нет. Либо существует законный правящий класс с правом управлять каждым, либо каждый человек владеет собой и подчиняется только своей совести. Это две взаимоисключающие парадигмы. Невозможно быть где-то между ними, потому что всякий раз, когда возникает конфликт между тем, что приказывает «правительство», и тем, что диктует чье-то личное суждение, просто невозможно подчиняться обоим. Один должен превосходить другого. Если «власть» превосходит совесть, тогда простой народ является законной собственностью правящего класса, и в этом случае свобода не может и не должна существовать. Если же, с другой стороны, совесть превосходит «власть», тогда каждый человек владеет собой, и каждый всегда должен следовать своему собственному суждению о добре и зле, независимо от того, что может приказать любое самопровозглашенное «правительство» или «закон». Между ними не может быть «постепенного перехода» или какого-то компромисса.

Попытка превратить либертарианство в политическое движение требует искаженного, извращенного гибрида двух противоположностей: идеи о том, что система господства («правительство») может использоваться для достижения индивидуальной свободы. Каждый раз, когда «либертарианец» лоббирует закон или баллотируется на посты, он своими собственными действиями признает, что «власть» и созданный руками человека «закон» легитимны. Но если бы кто-то действительно верил в принцип ненападения, он бы понял, что приказы политиков («законы») не могут превзойти этот принцип, и любой «закон», противоречащий этому принципу, незаконен. Это также относится к идее «неотъемлемых прав». Если человек имеет неотъемлемое право что-то делать, то, по определению, ему не нужно на это разрешение тиранов. Ему не нужно лоббировать изменение «законодательства», и ему не нужно пытаться избрать какого-то хозяина, который будет уважать его права.

Любой, кто действительно верит в принцип ненападения — основную предпосылку либертарианства — должен быть анархистом, поскольку логически невозможно противостоять насилию, поддерживая любую форму «правления», которая есть не что иное, как насилие. И либертарианцы не могут быть конституционалистами, поскольку Конституция (в статье I, раздел 8) прямо заявляет, что наделяет некоторых людей правом инициировать насилие, в том числе посредством «налогообложения» и «регулирувания». Принцип либертарианства логически исключает всякое «правительство», даже конституционную республику. (Любой, кто пытается описать «правительство», которое не совершает актов агрессии, в лучшем случае описывает частную охранную компанию). Тем не менее, так много людей были настолько тщательно обучены государственному мышлению, что даже когда они могут видеть очевидное моральное превосходство жизни по принципу ненападения (основа либертарианства), они по-прежнему не могут отказаться от абсурдного представления о том, что право на власть («правительство») может использоваться как инструмент свободы и справедливости.

Существует фундаментальная разница между спором о том, что должен делать хозяин (в чем состоит вся «политика»), и заявлением о том, что хозяин вообще не имеет права управлять. Быть кандидатом-либертарианцем — значит пытаться делать обе эти противоречивые вещи. Очевидно, что это узаконивает должность, которую кандидат

стремится занять, даже если кандидат утверждает, что верит в принципы ненападения и самостоятельности, которые полностью исключают возможность любой законной «государственной должности». Короче говоря, если целью является личная свобода, «политическое действие» не только бесполезно, но и крайне контрпродуктивно, потому что главное, чего оно добивается, — это узаконить власть правящего класса. Единственный способ достичь свободы — это сначала достичь ментальной свободы, осознав, что никто не имеет права управлять другим, что означает, что «правительство» никогда не бывает легитимным, оно никогда не бывает моральным, оно никогда не бывает даже реальным. Те, кто этого еще не осознал и продолжают пытаться просить «систему» освободить их, играют прямо на руку тиранам. Даже подавая петиции о более низком уровне «налогообложения» или «государственных» расходов, или прося «легализовать» или «дерегулировать» что-либо, или умоляя о сокращении «государственного» контроля над людьми, по-прежнему ничего не делают для решения реальной проблемы и фактически усугубляя реальную проблему, невольно повторяя и укрепляя идею о том, что, если люди хотят свободы, они должны ее «легализовать». Политические действия по самой своей природе всегда наделяют правящий класс властью и лишают власти людей.

Если достаточное количество людей признают миф о «власти» и отпустят его, отпадет необходимость в каких-либо выборах, политических действиях или революциях. Если бы люди не считали себя обязанными подчиняться политикам, они были бы буквально проигнорированы как неуместные. Фактически, вера в «демократию» резко снижает способность людей противостоять тирании, ограничивая способы, которыми они противостоят ей. Например, если 49% населения хотели бы более низких уровней «налогообложения», но сохраняли свою веру во «власть», они не смогли бы добиться с помощью «демократии» ровным счетом ничего. С другой стороны, если бы даже 10% населения вообще не хотели «налогообложения» и выбросили на помойку миф о «власти» (включая его «демократический» подвид), они могли бы легко достичь своей цели простым неподчинением. Возьмем США в качестве примера: если двадцать миллионов человек — менее 10% американских «налогоплательщиков» — открыто откажутся сотрудничать с попытками налоговиков грабить их, правящий класс будет бессилён что-либо с этим поделать, и печально известная Налоговая служба, наряду с огромной машиной вымогательства, которой она управляет, прекратила бы свою деятельность. Для 100 000 сотрудников налоговой было бы совершенно невозможно постоянно грабить миллионы американцев, которые не чувствовали бы себя обязанными платить. Фактически, ни одно агентство было бы неспособно обеспечить соблюдение какого-либо «закона», который даже небольшая часть населения могла бы нарушить без чувства стыда или вины. Сама по себе грубая сила не может добиться согласия.

Любое большое количество людей, которые не считали бы подчинение само по себе добродетелью и не чувствовали неотъемлемой обязанности подчиняться приказам тех, кто претендовал бы на право на власть, было бы совершенно невозможно подавить. Войны возникают только потому, что люди чувствуют себя обязанными вступить в битву, когда им велит «власть». (Как говорится: «*Что, если бы была война, и никто бы не пришел?*»). Пока люди будут одурачены, постоянно умоляя о «легализации» свободы, их будет легко подчинить и контролировать. До тех пор, пока воспринимаемая человеком обязанность подчиняться «авторитету» превосходит его собственные личные убеждения и индивидуальные суждения, его убеждения и мнения с практической точки зрения не имеют значения. До тех пор, пока защитник свободы не захочет послушаться хозяина — «нарушить закон» — его предполагаемая любовь к свободе является ложью и ничего не добьется.

Такой же, как и старый начальник

Многие утверждали, что общество без правителей невозможно, потому что в тот момент, когда одно «правительство» рухнет или будет свергнуто, сразу же возникнет новое «правительство». В каком-то смысле это правда. Если люди будут продолжать придерживаться мифа о «власти», после любого переворота определенного режима они просто создадут новую группу хозяев взамен старой. Но причина этого не в необходимости «правительства» и не в самой природе человека. Почти все «борцы за свободу» не понимают, выступая против тирании и угнетения, что основная проблема никогда не заключается в конкретных людях у власти. Основная проблема находится в умах угнетенных людей, в том числе в умах большинства «борцов за свободу». Пока люди принимают миф о «власти», даже открытая революция в конечном итоге ничего не сделает для уменьшения угнетения. Когда одна группа контролеров и эксплуататоров падает, люди просто подставляют другую. (Хотя немногие из тех, кто размахивает флагами в «День независимости», могут осознавать это, уровень угнетения при короле Георге III, непосредственно перед американской революцией, был незначительным по сравнению с нынешними уровнями «налогообложения», «регулирования» и другими формами государственного вмешательства, принуждения и преследования, которые обычно происходят сегодня в США).

Людям легко увидеть конкретную несправедливость, совершаемую во имя определенного режима, но тем же людям гораздо труднее признать, что коренная причина такой несправедливости — это система убеждений широкой публики. Учебники истории полны примеров долгого кровавого правления тиранов, за которым, наконец, последовала кровавая революция, за которой последовало возведение на престол нового тирана. Тип тирана может измениться — монарх заменяется коммунистическим режимом, тиран «правого крыла» заменяется тираном «левого крыла», деспотическая теократия заменяется деспотическим «популистским» режимом и т. д. Однако до тех пор, пока вера во «власть» не исчезнет, останется и угнетение.

Даже самые отвратительные примеры бесчеловечности человека по отношению к человеку, совершенные во имя «власти», редко убеждают кого-либо подвергнуть сомнению идею «власти» как таковую. Вместо этого они приводят людей только к тому, чтобы противостоять определенному набору тиранов. В качестве обескураживающего примера можно отметить, что наиболее яростное сопротивление нацистам исходило от коммунистов, которые сами выступали за такую же жестокую и разрушительную форму угнетения, как режим Гитлера. Из-за своего вышколенного элитистского мышления у немцев не было шансов достичь мира или справедливости, поскольку все их национальные дебаты касались только того, какой вид всемогущих правителей должен быть у власти, без даже намека на возможность того, что вообще никто не должен иметь такую силу. Публичный дискурс был похож во всем мире на протяжении большей части времени, сосредотачиваясь на том, кто должен править, вместо того, чтобы сомневаться в том, должны ли правители вообще существовать.

Смесь мудрости и безумия

В конце восемнадцатого века произошло нечто очень необычное, что, казалось, могло разрушить вечный цикл серийных тиранов. Этим событием стало подписание

Декларации независимости. Необычным было не то, что люди восстали против тирана — что случалось бесчисленное количество раз раньше, — а в том, что повстанцы выражали некоторые основные философские принципы, отвергая не только определенный режим, но и в принципе отвергая угнетение. Почти.

Декларация независимости и Конституция, принятая несколько лет спустя, представляли собой сочетание глубокого понимания и вопиющих противоречий. С другой стороны, дискуссия того времени была не только о том, кто будет ответственным, но и в значительной степени сосредоточена на концепции индивидуальных прав и ограничении власти «правительства». В то же время в Декларации независимости ошибочно утверждалось, что «Правительство» может играть легитимную роль в обществе: защищать права людей. Однако на практике это никогда не было правдой, и даже не может быть правдой в теории. Как объяснялось выше, организация, которая не делала ничего, кроме защиты прав личности, не была бы «правительством» в любом смысле этого слова.

В Декларации также говорится об неотъемлемых правах и утверждается, что «все люди созданы равными» (в том, что касается их прав). Но авторы не смогли понять, что такие концепции полностью исключают любую возможность легитимного правящего класса, даже очень ограниченного. Сами принципы, которые они выражали, были немедленно опровергнуты их усилиями по созданию покровительственного «правительства». Однажды они заявили, что «все люди созданы равными» (Декларация независимости), а на следующий день они заявили, что некоторые люди, называющие себя «Конгрессом», имеют право грабить («платить налоги») всех остальных (Конституция США, статья I, раздел 8, пункт 1). Американская революция явилась результатом мешанины противоречивых идей: одни поддерживали индивидуальный суверенитет, другие поддерживали правящий класс. В Декларации утверждается, что когда любое «правительство» становится разрушительным для прав личности — как это всегда бывает с каждым «правительством», в момент его возникновения — люди обязаны изменить или отменить его. Тем не менее, Конституция утверждает, что дает Конгрессу право «подавлять восстания» (Конституция США, статья 1, раздел 8, пункт 15). Это подразумевает, что люди имеют право сопротивляться «правительственному» угнетению, но это «правительство» имеет право насильственно подавлять их при этом. Короче говоря, произведения «отцов-основателей» представляют собой сочетание глубокой мудрости и абсолютного безумия. В некоторых местах они довольно хорошо описали концепцию самообладания; в других они стремились создать правящий класс. Похоже, они не заметили, что эти две программы совершенно несовместимы друг с другом.

Результатом их усилий в определенном смысле стал гигантский провал. Созданный ими режим вышел далеко за рамки того, чего хотели федералисты и антифедералисты. Декларация и Конституция совершенно не ограничивали власть «правительства». Обещание «правительства», которое будет слугой людей, защищая их права, но в остальном оставляя их в покое, превратилось в самую крупную и могущественную авторитарную империю, которую когда-либо знал мир, включая самую большую и самую навязчивую машину вымогательства в истории, самую большую и мощную военную машину в истории и самую назойливую и агрессивную бюрократию в истории.

По правде говоря, идея была обречена с самого начала. Возможно, самое ценное, что совершил «Великий американский эксперимент», — это продемонстрировать, что «ограниченное правительство» невозможно. Не может быть хозяина, который

подчиняется своим рабам. Не может быть короля, который служит своим подданным. Не может быть правителя, который одновременно стоит над людьми и подчиняется им. К сожалению, многие все еще отказываются усвоить этот урок, настаивая на том, что Конституция не провалилась, что люди потерпели неудачу из-за неправильного выполнения, из-за недостаточной бдительности или из-за какой-то другой халатности или коррупции. Как ни странно, это же оправдание дают коммунисты, когда говорят о том, почему их ошибочная философия, применяясь на практике в реальном мире, всегда превращается в жестокое угнетение. Истина в том, что любая форма тоталитарного контроля — любой тип «правительства», будь то конституционное, демократическое, социалистическое, фашистское или какое-нибудь еще — приведет к тому, что группа хозяев насильственно подавит группу рабов. Вот что такое «правительство» — все, чем оно когда-либо было, и все, чем когда-либо могло быть, независимо от того, сколько слоев эвфемизмов и приятной риторики используется в попытке скрыть этот факт.

Миф о договоре

Мифология, окружающая Конституцию, утверждает, что та служила своего рода договором между людьми в целом и их новыми «слугами» в Конгрессе. Но в этом нет ни капли правды. Невозможно, подписав контракт, привязать кого-то к «соглашению». Идея о том, что несколько десятков белых, богатых землевладельцев мужского пола могут заключить соглашение от имени более двух миллионов других людей, абсурдна, но абсурд на этом не заканчивается. Никакой договор не может создать права, не принадлежащие никому из участников, на что претендуют все «правительственные» конституции. Форма документа дает понять, что это был не настоящий контракт, а попытка сфабриковать на пустом месте право правления, каким бы «ограниченным» оно ни было.

Фактическое соглашение по контракту принципиально отличается от любого документа, претендующего на создание «правительства». Например, если бы тысяча американских колонистов подписала соглашение, в котором говорилось: «Мы соглашаемся отдавать десятую часть всего, что мы производим, в обмен на услуги защиты компании Джорджа Вашингтона», они могли бы быть морально связаны таким соглашением. (Заключение соглашения и его нарушение являются формой кражи, сродни походу в магазин и взятию чего-либо без оплаты). Но они не могли связать кого-либо другим соглашением, и они не могли использовать такое соглашение для предоставления «оборонной компании Джорджа Вашингтона» право начать грабить или иным образом контролировать людей, не имеющих отношения к контракту. Кроме того, хотя Конституция претендует на полномочия «Конгресса» на выполнение различных действий, на самом деле она не требует от Конгресса каких-либо действий. Кто в здравом уме подпишет контракт, который не обязывает другую сторону что-либо делать? *(В деле ДеШейни против Виннебаго, 489 US 189 даже Верховный суд США официально заявил, что «правительство» не несет реальной обязанности защищать общественность).* В результате Конституция, вместо того, чтобы быть блестящим, полезным и действующим договором, была просто безумной попыткой горстки людей в одностороннем порядке подчинить миллионы других людей контролю машины агрессии без каких-либо гарантий. Тот факт, что миллионы конституционалистов отчаянно пытаются вернуться к этому, в надежде, что это сможет спасти их «страну», если попытаться сделать это снова (после полного провала первой попытки), является свидетельством силы и безумия суеверия «власти».

Часть IV

Жизнь без суеверия

Решение

Почти каждый может увидеть по крайней мере некоторые проблемы с «правительством», при котором он живет, будь то коррупция, разжигание войны, социалистическое перераспределение, вторжение полицейского государства или другие притеснения. И многие отчаянно пытаются найти решение таких проблем. С этой мыслью они голосуют за того или иного кандидата, поддерживают то или иное политическое движение или партию, лоббируют или выступают против того или иного закона и почти всегда разочаровываются в результатах. Они могут легко выявлять различные проблемы и жаловаться на них, но реальное решение всегда от них ускользает.

Причина, по которой они всегда разочарованы, заключается в том, что проблема не в людях, называемых «правительством», а в сознании их жертв. Попытки возиться с «правительством» не могут решить проблему, исходящую не от «правительства». Недовольный избиратель не понимает, что именно его собственное видение реальности, его собственная вера во «власть» является основной причиной большинства проблем общества. Он считает, что правящий класс — естественная, необходимая и полезная часть человеческого общества, и поэтому все его усилия сосредоточены на споре о том, кто должен быть ответственным и для чего следует использовать власть «правительства». Когда он думает о «решениях», он думает в рамках этатизма. В результате он с самого начала бессилен. Умолять хозяев быть хорошими или просить поставить над ними нового хозяина никогда не приводит к свободе. Напротив, такое поведение является ярким индикатором того, что человек не свободен даже внутри своего собственного разума. И человек, чей ум несвободен, никогда не будет свободен телом.

Люди настолько привыкли участвовать в сектантских ритуалах, которые в совокупности именуется «политикой» (голосование, лоббирование, подача петиций, агитация и т. д.), что любое предложение не участвовать в таких бессмысленных и бессильных усилиях в их глазах приравнивается к предположению, что они «ничего не делают». Поскольку они рассматривают голосование, нытье и попрошайничество как весь спектр возможностей, открывающихся перед ними, когда дело доходит до «правительства», они неспособны даже понять что-либо, что на самом деле могло бы привести к свободе. Итак, когда волонтерист или анархист объясняет как проблему, так и выход из нее, но не представляя нового кандидата для голосования, новую политическую партию, которую нужно поддерживать, или какое-то новое движение или кампанию — другими словами, не предлагая все, что совпадает с суевериями «правительства» и «власти» — типичный этатист будет жаловаться на то, что не было предложено никаких решений. С их точки зрения, любой, кто не играет в «политику» в рамках правил, установленных правящим классом, «ничего не делает». Они с энтузиазмом заявляют: «Вы должны участвовать!» Они не понимают, что участие в игре, созданной и контролируемой тиранами, как минимум, не дает никакой пользы.

По правде говоря, реальное решение — единственное решение проблем, связанных с «правительством», — это не какое-то событие, которое должно произойти, или какая-

то конкретная вещь, которую нужно сделать, — это то, что некоторые вещи не делаются, а некоторые вещи не происходят. В каком-то смысле у «правительства» нет позитивного активного решения. Окончательное решение отрицательное и пассивное:

Прекратите пропагандировать агрессию против ваших соседей. Прекратите участвовать в ритуалах, оправдывающих начало насилия и укрепляющих представление о том, что некоторые люди имеют право управлять. Перестаньте думать, говорить и действовать таким образом, чтобы укреплять миф о том, что нормальные люди чем-то обязаны и должны подчиняться какому-то хозяину, а не следовать своей совести.

Когда люди перестанут преклоняться перед алтарем «правительства», перестанут играть в игры тиранов, перестанут уважать произвольные правила, написанные людьми, страдающими манией величия, проблема исчезнет сама по себе. Будучи мифическим существом, «власть» не нуждается в свержении, голосовании или «реформировании». Людям нужно только перестать воображать то, чего нет и никогда не было. Если люди перестанут позволять иррациональным суевериям искажать их представления, их действия немедленно и резко улучшатся. Большая часть агрессии, которая сейчас совершается во имя «власти», прекратится. Никто не будет отдавать приказы, обеспечивать выполнение приказов или чувствовать себя обязанным подчиняться приказам, если сами приказы не рассматриваются как изначально оправданные в зависимости от ситуации, а не на основе того, кто отдает приказ, или его предполагаемой «власти». Одно это устранило бы подавляющее большинство случаев воровства, вымогательства, запугивания, преследований, принуждения, терроризма, нападений и убийств, которые сейчас совершаются людьми друг против друга. Когда люди не признают и не принимают хозяина, у них не будет хозяина. В конце концов, их рабство и способы избавиться от него существуют полностью в их собственном сознании.

Человеческое общество не нуждается в добавлении чего-либо для решения большинства своих проблем, равно как и в учреждении какой-либо новой «системы» или реализации какого-либо нового генерального плана. Вместо этого необходимо убрать из общества одну всеобъемлющую, чрезвычайно деструктивную вещь: веру во «власть» и «правительство». То, что «заставит все работать», — это не какой-либо централизованный план или правительственная повестка дня, а взаимно добровольное взаимодействие многих людей, каждый из которых служит своим ценностям и следует своей совести. Конечно, это совершенно не соответствует тому, как почти всех учили думать в школе: что обществу нужен генеральный план с «лидерами», которые его осуществят. По правде говоря, больше всего нужно обществу полное отсутствие генерального плана и полное отсутствие тоталитарного «лидера», которому люди должны подчиняться вопреки своей свободной воле и суждениям. Решение не в том, чтобы добавлять что-то новое в общество, а в том, чтобы просто понять и развеять самые опасные суеверия.

Реальность это анархия

Многие люди стали анархистами — сторонниками общества без какого-либо правящего класса — после того, как пришли к выводу, что общество будет более процветающим и более мирным и станет более справедливым и безопасным без какого-либо «правительства» вообще. Однако это в некоторой степени похоже на решение после тщательного анализа, что Рождество будет лучше без Санта-Клауса.

Но если Санта-Клаус не настоящий, бессмысленно спорить о том, «нужен ли он» для того, чтобы Рождество «было». Если Рождество вообще есть, оно есть и без Санты. То же самое и с обычными дебатами между «правительством» и «анархией». «Правительство» не существует. Этого никогда не было и не будет, что можно доказать с помощью логики, которая совершенно не зависит от моральных убеждений какого-либо человека.

Иначе говоря, люди не могут делегировать права, которых у них нет, что делает невозможным получение кем-либо права на управление («власть»). Люди не могут изменить мораль, что делает «законы» «правительства» лишёнными какого-либо присущего им «авторитета». Следовательно, «авторитет» — право на власть — не может существовать логически. Сама концепция противоречива, как и концепция «воинствующего пацифиста». Человек не может иметь сверхчеловеческих прав, и поэтому никто не может иметь неотъемлемое право на власть. Человека нельзя морально обязать игнорировать собственное моральное суждение; следовательно, ни у кого не может быть неотъемлемой обязанности подчиняться другому. И эти два компонента — право правителя командовать и обязанность подчиненного подчиняться — составляют сердце и душу концепции «власти», без которой она не может существовать.

А без «власти» нет и никакого «правительства». Если контроль, который банда, называемая «правительством», осуществляет над другими, не является легитимным, это не «правительство»; ее приказы не являются «законами»; ее исполнители не являются «правоохранительными органами». Опять же, без права на власть и одновременного морального обязательства подчиняться со стороны масс, организация, называемая «правительством», представляет собой не что иное, как банду головорезов, воров и убийц. «Правительство» невозможно; это просто не вариант, как и Санта-Клаус. И настаивание на том, что это «необходимо», когда его нет и даже не может существовать, или предсказание гибели и мрака, если у нас нет мифической сущности, не меняют этого факта. Утверждение, что у людей должен быть законный правитель, обладающий моральным правом насильственно контролировать всех остальных и которому все остальные обязаны подчиняться, не меняет того факта, что такого не существует и вообще не может быть.

Таким образом, цель этой заключительной главы — не просто доказать, что общество могло бы работать лучше без фикции под названием «правительство», но познакомить читателя с тем, как люди будут по-другому воспринимать реальность, иначе думать, иначе вести себя и взаимодействовать по-другому — совсем по-другому — как только они откажутся от самого опасного суеверия: веры во «власть». Реальность — это анархия, то есть отсутствие «правительства». Это то, что всегда было и всегда будет. Когда люди примут эту истину и перестанут галлюцинировать существо, называемое «правительством», они перестанут вести себя так иррационально и деструктивно, как сейчас.

Почти каждый, по крайней мере поначалу, испытывает трудности с четким осмыслением такой концепции. Потому что каждый политик и каждое «правительство» постоянно предлагает «решения», касающиеся того, как общество будет организовано, управляться и контролироваться через централизованную государственную «систему»; большинство людей даже не знают, как мысленно обработать идею полного отсутствия какой-либо насильственно навязываемой «системы». Они инстинктивно спрашивают, например: «А как будут работать дороги?» или «А как мы будем защищаться?» Правда в том, что никто не может знать,

как все будет работать или как все произойдет. Люди могут вносить предложения о том, как все должно работать, или предсказывать, как все может работать, но никто, вероятно, не может знать, как все *должно* работать наилучшим образом. Несмотря на огромную неопределенность, которую этот подход создает, исторически послужной список людей, живущих на свободе, намного лучше, чем когда-либо существовавшее централизованно управляемое «решение».

Однако этактистов приучили бояться этого бесконечно более сложного типа общества, в котором существует не один генеральный план, а миллиарды индивидуальных планов, взаимодействующих друг с другом бесчисленным множеством различных способов. Для них это означает хаос. В общем-то это хаос в том смысле, что нет единой руководящей идеи и единого контролирующего субъекта. Это не означает, что люди не смогут заключать соглашения, работать вместе или сотрудничать и находить компромиссы. Напротив, это означает, что каждый человек будет рассматривать жизнь как взрослый, вместо того, чтобы отбросить свою свободную волю и ответственность и слепо следовать чужой повестке дня.

Кстати, даже без суеверия «власти» все равно были бы лидеры и последователи. Но это будет реальное лидерство, когда один человек подает пример, демонстрируя уровень интеллекта, сострадания или смелости, который вдохновляет других вести себя аналогичным образом. Это явление сильно отличается от того, что сегодня обычно называют «лидерством». Когда люди говорят о «лидерах» стран, они говорят о людях, принудительно контролирующих миллионы других. Термин «лидер свободного мира», когда говорят о «правительственном» чиновнике, неточен и противоречив. Политики не подают примеров. Или по крайней мере они подают пример того, как быть нечестным, продажным, самовлюбленным и властолюбивым. Они говорят то, что люди хотят слышать, чтобы доминировать над ними и контролировать их. Называть таких людей «лидерами» так же нелепо, как называть воров «производителями» или называть убийц «лекарями». В отсутствие веры в «правительство» могут появиться настоящие лидеры: люди, не претендующие на право управлять, не претендующие на право принуждать кого-либо следовать за ними, но чьи добродетели и действия другие признают достойными подражания.

Никто не может предсказать и никто не будет контролировать, как все будет происходить в мире без мифа о «власти». Следовательно, нижеследующее не является исчерпывающим объяснением того, как каждая часть человеческого общества будет работать после того, как миф о «власти» исчезнет. Напротив, это введение в несколько способов, которыми люди могут перестать позволять иррациональным суевериям искажать их мышление и извращать свое поведение, и могут начать вести себя как рациональные, свободные существа, движимые собственной свободной волей и индивидуальным суждением, как и должно быть.

Страх свободы

Большинство людей живут в окружении авторитарной иерархии, от семьи до школы, бизнеса и до всех уровней «правительства». В результате большинству людей трудно даже представить себе цивилизацию «без лидера», общество равных, существование без правителей, мир без «законодателей» и их «законов». Сама мысль в сознании большинства людей вызывает в воображении образы хаоса и беспредела.

Людям больше нравится то, к чему они привыкли, и они боятся неизвестного. Люди настолько привязаны ко всему, что им знакомо, что даже те, кто живет в районах с

очень высоким уровнем преступности или в зонах боевых действий, редко покидают знакомый им мир в поисках чего-то лучшего. Аналогичным образом (и это хорошо задокументированный факт) некоторые заключенные, находящиеся в длительном заключении, испытывают страх быть освобожденными, и когда они досиживают свой срок, то совершают новые преступления с намерением быть отправленными обратно в тюрьму. Даже рабы могут бояться освобождения. Это потому, что жизнь заключенного или раба, хотя и слабо, но предсказуема, и воображая новую, радикально изменившуюся жизнь в незнакомом месте, среди незнакомцев, со всеми связанными с этим неопределенностями (*Что я буду есть? Где я буду жить? На что это будет похоже? Буду ли я в безопасности?*) пугает почти всех. Так бывает, когда большинство людей думают о человеческом обществе без правящего класса. Это понятие настолько чуждо всему, что они когда-либо знали и о чем думали, и всему, что, как их учили, необходимо и хорошо, что они даже не знают, как это представить. Даже наш язык иллюстрирует наш страх жить в обществе как свободные равные, потому что такое состояние определяется как «анархия» — термин, который также используется для описания хаоса и разрушения. Мы настолько привыкли к ментальной клетке, которую миф о «власти» сформировал вокруг каждого из нас, что большинство из нас боятся идеи жизни без этой клетки. Мы буквально боимся собственной свободы.

И некоторые люди упорно трудятся, чтобы усилить этот страх. Те, кто больше всего извлекает выгоду из мифа о «власти» — те, кто жаждет господства над другими, незаслуженного богатства и власти, которые он им дает, — постоянно пропагандируют идею о том, что жизнь без них будет означать постоянную боль и страдания для всех. Практически все, чего люди могут бояться — преступности, бедности, болезней, вторжений, экологических катастроф и т. д. — тираны используют для того, чтобы запугать людей и заставить их подчиняться. Детали различаются, но шаблон посылы тиранов всегда один и тот же: *«Если вы не дадите нам власть над собой, чтобы мы могли защитить вас, вы ужасно пострадаете»*. Этот посыл в сочетании с присущим человеку страхом перед неизвестным привел к непостижимому уровню притеснения, воровства и прямого убийства, продолжающегося поколение за поколением по всему миру. По иронии судьбы, это было пустое обещание защиты от страданий и несправедливости, которое обмануло огромную массу людей, заставив их принять то, что вызвало больше страданий и несправедливости, чем что-либо еще в истории: веру в «правительство».

Кажется странным, что любое мыслящее человеческое существо не будет по своей природе открытым и восприимчивым к идее, что оно владеет собой и должно отвечать за свою жизнь независимо от какого-либо человеческого «правительства». Однако обычный человек, который слышит такое сообщение, часто набрасывается на анархистов, настаивает на том, что настоящая свобода, мир без хозяев и подданных, будет означать хаос и разрушение, а затем яростно защищает продолжающееся порабощение всего человечества, включая его самого. Он делает это не на основании какой-либо рациональной мысли, каких-либо свидетельств или опыта, а на основе своего собственного глубоко укоренившегося экзистенциального страха перед неизвестным — неизвестное в данном случае является обществом равных, а не хозяев и рабов. Он никогда не видел анархию в действии в большом масштабе и никогда не думал об этом, не может вообразить этого и поэтому боится ее. И те, кто желает господства над другими, постоянно усиливают и поощряют этот страх в тех, кого они стремятся подчинить.

Созерцающая новый мир

Когда человек, которому внушили культ «власти», наконец, освобождается от суеверий, первое, что происходит, — это то, что он видит совершенно иную реальность. Когда он извне наблюдает за влиянием суеверия «власти», которое проникает почти во все аспекты жизни большинства людей, он видит вещи такими, какие они есть на самом деле, а не такими, какими он раньше их представлял. В большинстве случаев, когда он видит так называемые «правоохранительные органы» в действии, он воспринимает это как грубый, незаконный и безнравственный бандитизм, используемый для вымогательства и контроля над людьми и служащий воле политиков. (Исключение составляют случаи, когда полиция применяет силу, чтобы остановить других, кто на самом деле виновен в актах агрессии — по иронии судьбы именно те действия, которые полиция обычно совершает ради правящего класса). Когда выздоравливающий этатист наблюдает за различными политическими ритуалами, будь то президентские выборы, законодательные дебаты в Конгрессе или принятие местным советом некоего нового «постановления» — он видит в этом то, что есть: действия из иллюзий и галлюцинаций людьми, которых ввели в совершенно иррациональную секту. Любые дискуссии в СМИ о том, какой должна быть «государственная политика», или какие «представители» должны быть избраны, или какое «законодательство» следует принять, кажутся тому, кто освободился от суеверий, столь же полезным и рациональным, как если бы хорошо одетые, привлекательные, респектабельные люди серьезно обсуждали бы, как Санта Клаус должен справиться со следующим Рождеством.

Для того, кто освободился от мифа о «власти», повестка, на которой держится вся политическая дискуссия, распадается, и каждая часть риторики, проистекающей из суеверий, признается совершенно безумной. Неиндоктринированный человек рассматривает каждую речь политкампании, каждый политический аргумент, каждое обсуждение в новостях чего-либо политического, каждую трансляцию на главном канале очередных дебатов в Палате представителей по поводу какого-то нового «законодательства» как проявление симптомов глубокого заблуждения из-за слепого принятия совершенно глупых, сектантских догм. Все голосование, агитация, письма своему «депутату», подписание петиций внезапно оказываются не более рациональными или полезными, чем молитвы богу вулкана даровать свое благословение племени. Депрограммированный человек видит не только бесполезность всех «политических» действий, но и то, что такие действия, независимо от их намеченных целей, на самом деле усиливают суеверие. Подобно тому, как каждый в племени, молящийся богу вулкана, укреплял бы идею о существовании бога вулкана, так и просьба политиков об одолжении укрепляет идею о том, что существует законный правящий класс, что их приказы являются «законом» и что жить по таким «законам» — моральный долг.

Те, к кому сейчас большинство людей относятся с большим уважением и которых часто называют «благородными», признаются бредовыми, сумасшедшими психами с комплексом бога теми, кто освободился от мифа о «власти». Тот, кто не подвергнулся идеологической обработке, пожал бы руку «президенту» не больше, чем он пожал бы руку любому другому психотическому, нарциссическому массовому убийце. Мужчины, которые носят черные платья и вооружаются деревянными молотками и называют себя «судьями», считаются свободным человеком сумасшедшими, которыми они и являются. Те, кто носит значки и униформу и воображает кем-то большим, чем простыми людьми, рассматриваются депрограммированными не как благородные воины «закона и порядка», а как сбитые с толку души, страдающие от

глубокого психического расстройства.

Конечно, те, кто отказался от суеверия «власти», все еще могут опасаться ущерба, который могут нанести страдающие манией величия и их наемники — солдаты и полиция, но действия наемников больше не рассматриваются как сколько-нибудь законные, или рациональные, или моральные. Те, кто освободился от мифа, начинают понимать, что те, на действия которых влияет их «государственный» значок, так же опасны, как и люди под действием тяжелых психоактивных наркотиков, и по той же причине: они галлюцинируют реальность, которой нет, которой заставляет их действовать агрессивно, не сдерживаясь рациональным мыслительным процессом. Те, кто избежал суеверия «власти», столкнувшись с «полицейским», могут по-прежнему действовать так, как если бы столкнулись с бешеной собакой: говорить тихо, вести себя покорно и не делать резких движений. Но это не из уважения ни к «силовику», ни к бешеной собаке; это из-за страха перед опасностью, исходящей от мозга, который не работает из-за того, что он заражен деструктивной болезнью, будь то бешенство или вера во «власть».

Когда верующие во «власть» совершают акты агрессии, воображая такие действия праведными, потому что они называются «законом», у их жертв остается мало вариантов. Когда «сборщик налогов», или сотрудник полиции, или какой-либо другой исполнитель воли политиков пытается вымогать, преследовать, контролировать или нападать на тех, кто освободился от мифа о «власти»; могут либо согласиться с тем, что они считают несправедливостью, либо попытаться каким-то образом обойти или спрятаться от «законных» агрессоров, либо они могут оказать сопротивление агрессорам с применением силы. Очень жаль, что последний вариант вообще бывает необходим, потому что, хотя использование силы защиты морально оправдано (даже когда оно «незаконно»), печально, что хорошему человеку пришлось бы применить насилие против другого хорошего человека просто потому, что восприятие добра и зла последнего было искажено иррациональным суеверием. Даже кровожадные головорезы самых жестоких режимов в истории из-за своей веры в миф о «власти» думали, что они выполняют свой долг; на каком-то уровне они думали, что их действия были благородными и праведными, иначе они не совершили бы их. Такая бездумная преданность «власти» часто оставляет намеченным жертвам только два варианта: подчиниться тирании или убить обманутых «силовики». Было бы намного лучше для всех, если бы до того, как возникнет необходимость в насильственном сопротивлении, наемников государства можно было бы вылечить от их заблуждений, чтобы избежать необходимости пугать, причинять боль или даже убивать их, чтобы помешать им совершать зло.

(Личное примечание автора: самое приятное, что вы можете сделать для любого, кого обманом заставили действовать в качестве пешки в машине угнетения под названием «правительство», — это сделать все возможное, чтобы убедить его переосмыслить свою лояльность мифу о «власти». Если ничего не помогает, дайте ему почитать эту книгу. Каким бы неудобным это ни было, вы могли бы оказать многим его потенциальным будущим жертвам огромную услугу, да и самому силовику оказать огромное одолжение, отрицая необходимость того, чтобы одна из его будущих предполагаемых жертв искалечила или убила его).

Мир без правил

Депрограммированный смотрит на мир и вместо того, чтобы видеть иерархии различных правящих классов в разных юрисдикциях, видит мир равных — не в

талантах, способностях или богатстве, конечно, а в правах. Он видит мир, в котором каждый человек владеет собой, и приходит к осознанию того, что у него нет законного хозяина, что над ним нет никого, и что это верно и для всех остальных. Он не обязан ни «правительству», ни «стране», ни «закону». Он суверенное лицо. Он связан своей совестью и ничем иным.

Такое осознание невероятно освобождает, но также может сильно беспокоить тех, кто всю жизнь оценивал свое поведение по тому, насколько хорошо они подчинялись другим. Послушание не только легко, поскольку оно позволяет кому-то другому принимать все решения, но также позволяет тому, кто слепо подчиняется, вообразить, что последствия, какими бы они ни были, всегда лежат на чьей-то ответственности. Разбирать правильное и неправильное и знать, что только вы несете ответственность за свои решения и действия, может казаться огромным бременем. По сути, потеря веры во «власть» означает взросление, у которого есть свои преимущества и недостатки. Освобожденный человек больше не может смотреть на мир беззаботным и безответственным ребенком, но в то же время он будет обладать уровнем свободы и возможностей, о котором он раньше не мог даже мечтать.

Этатисты часто испытывают глубокий ужас перед миром, в котором каждый сам решает, что ему делать. К несчастью для них, так всегда было и всегда будет. Каждый уже сам решает, что ему делать.

Это называется «свободой воли». Многие полагают, что если человек не связан какими-либо «полномочиями» и придерживается позиции «я могу делать все, что хочу», он будет вести себя как эгоистичное животное. Некоторые даже воображают, что сами стали бы животными, если бы ими не управлял хозяин. Такая вера подразумевает, что люди чувствуют сильную моральную обязанность делать то, что им говорят, но в остальном у них вообще нет морального компаса. В то же время большинство людей соблюдают «закон», потому что считают, что это хорошо. Нет причин думать, что, не подчиняясь хозяину, те же самые люди больше не будут заботиться о том, чтобы быть хорошими. Тем не менее, многие до сих пор считают людей глупыми дикарями, которых контролируют только управляющие. Поэтому они ожидают, что, если их не сдерживать верой во «власть», большинство людей станут подобны отпущенным на волю животным.

Тем, кто отказался от заблуждения о «власти», виднее. Конечно, у действий есть последствия, с «властью» или без таковой. Помимо моральных проблем, большинство людей обычно предпочитают вести себя так, чтобы не навлечь на себя гнев окружающих. Даже если никто не верил бы в добро и зло, быть обычным вором или убийцей было бы опасно, а поиск способов мирного сосуществования принес бы пользу и отдельному человеку, и группе. Вообще, большинство людей стараются быть хорошими. Фактически, именно поэтому они подчиняются «закону»: потому что их учили, что это хорошо. Проблема не в том, что люди не хотят быть хорошими; дело в том, что их суждения о том, что хорошо, а что плохо, ужасно искажены верой во «власть». Их учат, что финансирование и подчинение банде головорезов — это добродетель, а сопротивление — грех. Их учат, что просить этих головорезов грабить и контролировать своих соседей (посредством «законодательства») совершенно морально и законно. Короче говоря, когда дело доходит до «власти», их учат, что добро — это зло, а зло — это добро. Инициирование насилия через «закон» рассматривается как хорошее, а сопротивление таким нападениям («нарушение закона») — как плохое.

Без мифа о «власти» у людей все еще были бы разногласия, а некоторые все еще были

бы злонамеренными или халатными, а также совершали бы глупые или враждебные поступки. Основное различие в том, как люди будут взаимодействовать без «правительственного» суеверия, довольно простое: *если кто-то не считает оправданным делать что-то сам, он не будет чувствовать себя оправданным, прося кого-то сделать это, и не будет чувствовать себя оправданным, делая это сам от чьего-то имени.* Идея настолько проста, что может показаться тривиальной, но она привела бы к огромным изменениям в человеческом поведении.

То есть, если бы кто-то не чувствовал себя оправданным в оплате обучения своих детей путем насильственного ограбления своих соседей, он также не чувствовал бы себя оправданным, «голосуя» за местное «правительство», чтобы ввести «налог на собственность» для оплаты «государственных» школ. И если кто-то не будет чувствовать себя оправданным в краже собственности своего соседа для финансирования школы, он все равно не будет чувствовать себя оправданным в этом, даже если ему выдадут значок и попросят сделать это во имя «закона». В качестве другого примера, если кто-то не будет чувствовать себя оправданным в том, чтобы выбить чью-то дверь, утащить его и посадить в клетку на долгие годы за то, что он обладал растением с изменяющими сознание свойствами, тогда он также не будет чувствовать себя оправданным в поддержке «анти-наркотических» «законов». Он также не почувствовал бы себя оправданным в таких нарушениях, нападении и похищении людей только потому, что какой-то «авторитет» дал ему значок и сказал ему сделать это во имя какого-то «закона». В качестве еще одного примера, если кто-то не будет чувствовать себя оправданным в применении насилия, чтобы не дать совершенно незнакомому человеку ступить ногой куда-либо во всей «стране», то он все равно не будет чувствовать себя оправданным, если кто-нибудь, например, даст ему значок, и он не будет чувствовать себя оправданным в поддержке «иммиграционных законов», которые предписывают другим делать это.

В обществе без мифа о «власти» по-прежнему будут воры, убийцы и другие агрессоры. Разница в том, что все люди, которые считают воровство и убийство аморальными, не будут покрывать и мириться с «законными» воровством и убийством, что сейчас делает каждый этактист. Опять же, защищать любой «закон» — значит защищать использование любого уровня государственной силы, вплоть до летального исхода, которая требуется для соблюдения «закона». И люди, считающие воровство и убийство аморальными, не совершали бы таких действий просто потому, что им велело какое-то «правительство» или «закон».

Сколько из того, что полиция делает ежедневно, они делали бы самостоятельно, без указания «закона» или «правительства»? Очень мало. Сколько из того, что обычно делают «солдаты», они сделали бы сами, без указания государственного военного лидера? Очень мало. Сколько из того, что сейчас делают «сборщики налогов», они сделали бы сами, без приказов какого-либо «правительства»? Нет таких. Все хорошее, что сейчас делают люди, которых называют «правоохранительными органами», (попытки помешать действительно враждебным, деструктивным людям причинять вред невинным людям), они могли бы делать и дальше без мифа о «власти». Они могли сделать это по доброте сердца или в качестве оплачиваемой карьеры, если, может быть, другие люди захотят добровольно заплатить им за это. В то же время все плохое, что сейчас делают «правоохранительные органы» и солдаты — например, террор или стрельба по людям, о которых они ничего не знают, агрессия против тех, кто совершает «преступления» без реального ущерба, задержание, допрос и нападение на совершенно незнакомых людей — большинство из них перестанет делать.

Сколько людей подверглись нападениям, пыткам и убийствам со стороны населения Германии, России или Китая в целом до появления соответствующих «правительств» этих стран при режимах Гитлера, Сталина и Мао, приняв «законы», претендующие на то, чтобы узаконить такие зверства? Почти нисколько. А сколько злодеяний было совершено после того, как «власть» отдала приказы людям их совершать? Цифры ошеломляют: десятки миллионов убиты, сотни миллионов подверглись нападениям, притеснениям или пыткам. Очевидно, что народы этих стран (и почти любой другой страны) были гораздо менее склонны к совершению актов агрессии в одиночку, чем к совершению актов агрессии, когда им приказывало сделать это воображаемое «правительство».

Иронично то, что, столкнувшись с концепцией чисто добровольного общества, в котором каждая услуга, даже защита и помощь финансируется за счет добровольных клиентов, а не за счет принудительного «налогообложения», многие этактисты предсказывают, что частные охранные фирмы превратятся в новые, злонамеренные, деспотические «правительства» или то, что конкурирующие охранные компании в конечном итоге будут вовлечены в постоянные насильственные конфликты друг с другом. Такие прогнозы не учитывают, что большинство людей не хотят нападать и грабить своих соседей, и сами не хотят, чтобы на них нападали и грабили. Только благодаря вере во «власть» большинство людей чувствует себя хорошо, пропагандируя грабеж в форме «налогообложения», или чувствует себя обязанным согласиться с нападением и ограблением себя, «подчиняясь закону». Без представления о том, что «правительство» имеет права, которых нет у отдельных лиц, ни одна злонамеренная, агрессивная частная охранный фирма никогда не получила бы народной поддержки. Если бы они рассматривались просто как частные служащие обычных людей, никто — ни клиенты, ни их наемные защитники — не вообразили бы, что у служащих есть какое-либо право воровать, преследовать, терроризировать или делать что-либо, что никто другой не имеет права делать.

Чтобы взглянуть на это с другой стороны и сделать пример более личным, представьте, что вы живете в мире, где ни один из ваших соседей не чувствовал себя оправданным, выступая за то, чтобы вы «облагались налогом» для финансирования вещей, против которых вы возражаете. Представьте себе, что каждую причину, каждый план, каждую программу, каждую идею, каждое предлагаемое решение всевозможных проблем вы могли бы добровольно поддержать (или нет). Представьте себе жизнь в мире, где никто из ваших соседей не считал бы, что имеет право насильственно навязывать вам свои идеи, выбор и образ жизни. Они будут чувствовать себя оправданными (как они уже делают) в использовании силы, чтобы остановить вас, если вы решите напасть на них или ограбить их, но очень немногие будут чувствовать себя хорошо, совершив какую-либо агрессию против вас.

Вопреки тому, что думает большинство людей, именно так будет выглядеть «мир без правил». Каждый человек будет руководствоваться собственной совестью, которую можно рассматривать как добровольные «правила» или «самоуправление», и даже если некоторые люди, действуя самостоятельно, все равно будут делать глупые или злонамеренные решения и совершать акты агрессии, никто больше не будет считать, что называние чего-либо «законом» или «правилом» может превратить изначально неоправданный поступок в нечто хорошее. И если бы вы сопротивлялись такому акту агрессии, ваши соседи хвалили бы вас за это, вместо того, чтобы осуждать вас как «преступника», что почти все они сделали бы сегодня, если бы вы сопротивлялись акту агрессии, который считается «законным».

Думать по-другому, говорить по-другому

Многие из используемых людьми терминов и повседневных дискуссий основаны на предположении, что «власть» теоретически может существовать. Постоянно слыша и повторяя основанные на суевериях догмы, почти каждый невольно укрепляет миф в своем собственном сознании и в умах тех, с кем он разговаривает. Государственная пропаганда настолько повсеместна, что она вообще не воспринимается массами как «сообщение»; это просто похоже на «разговор о том, что есть».

Большая часть каждой книги по истории посвящена тому, кто и каким регионом правил и когда, какой политический режим победил другой политический режим, какие лица или политические партии пришли к власти, какие формы «правительства» и типы «государственной политики» были у различных империй и т. д. Они говорят о выборах, о том, кто обладал властью за кулисами, какие «законы» были приняты, какие «налоги» были введены, и что люди думали о своих «лидерах». Основная посылка, которая звучит громко и ясно, даже если об этом никогда не говорится открыто, заключается в том, что существование правящего класса неизбежно и законно — некая разновидность повелителя с правом насильственно контролировать всех остальных.

Этот посыл продолжает оставаться постоянной основной темой почти всего, что пишется в газетах, транслируется по радио или телевидению. В новостных репортажах, местных или национальных, говорится о том, какой «закон» приняли «депутаты» или «конгрессмены», что сделали в тот день «правоохранители», какие кандидаты баллотируются на «государственные должности», какую «государственную политику» они поддерживают и так далее. То, как сообщается каждая новость, сильно запятнано суеверием «власти». Конечно, то, как люди думают, влияет на то, как они говорят, и каждый человек постоянно выражает свои собственные фундаментальные убеждения, даже в, казалось бы, тривиальных дискуссиях.

Сравните, как, вероятно, будет сообщено об одной и той же ситуации или событии, сначала тем, кто верит во «власть», а затем тем, кто не верит:

С суеверием: «Сегодня местное правительство Спрингфилда ввело в действие четырехпроцентное повышение платы за разрешение на строительство, доходы от которого предназначены для финансирования программы по оказанию определенной медицинской помощи пожилым людям».

Без суеверия: «Сегодня группа местных вымогателей официально угрожала всем, кто занимается строительством или ремонтом в Спрингфилде, требуя на четыре процента больше, чем эта группа ранее требовала от таких людей. Воры говорят, что намерены отдать часть конфискованных денег пожилым людям».

Когда кто-то освобождается от суеверия «власти», его образ мышления и, следовательно, его речь резко меняются. Он не использует эвфемистических терминов, которые придают легитимность «законному» насилию. Он описывает «сборщиков налогов» такими, какие они есть на самом деле: профессиональными вымогателями. Он описывает «силовики» именно такими, какими они являются на самом деле: работающими на политиков головорезами. Он описывает «законы» такими, какие они есть на самом деле: это лишь угрозы со стороны политиков. Он не называет себя с гордостью «законопослушным налогоплательщиком», потому что понимает, что на самом деле означает этот термин: тот, кто позволяет грабить себя и

командовать собой жаждущими власти маньяками.

Большинству этактистов трудно представить себе мир, в котором нет централизованной машины, пытающейся контролировать всех остальных. Однако некоторым также трудно представить себе мир, в котором их самих не контролируют насильно. Мысль о том, чтобы взглянуть на мир и почувствовать себя никому не обязанными, без необходимости подчиняться «законам» других, совершенно чужда всему, о чем они когда-либо задумывались. Как это ни печально, многим людям очень трудно даже представить себе мир, в котором нет никого, кому они должны подчиняться, нет законодательной власти, которую они должны слушаться, нет «закона» или «правила», которые когда-либо могли бы превзойти их собственную совесть. Такие идеи находятся далеко от того, во что почти всех учили верить, и принятие такого радикально иного взгляда на реальность ощущается как глубокое экзистенциальное пробуждение. Тот, кто освободился от мифа, говорит себе примерно следующее:

«Имеет ли какой-нибудь человек или группа людей право требовать от меня оплаты за то, о чем я не просил и не хочу финансировать? Конечно нет. Если я не совершаю агрессии против кого-либо (с применением силы или обмана), имеет ли кто-нибудь право заставить меня сделать тот выбор, который, по его мнению, я бы сделал? Конечно нет. Имею ли я право противостоять такой агрессии? Конечно да. Обладает ли какой-нибудь человек или группа людей какими-либо правами, которыми я не обладаю? Конечно нет. (Как и откуда они получили бы такие права?) Обязан ли я когда-либо в любое время и в любом месте при любых обстоятельствах делать что-либо, кроме того, что диктует моя совесть? Есть ли ситуация, в которой указы или «законы» какого-либо предполагаемого «авторитета» могли бы обязать меня, каким бы то ни было образом и в какой-либо степени, отказаться от своей свободной воли или игнорировать мое собственное представление о добре и зле? Конечно нет».

Учитель «мораль» против учителя «правительство»

Принято считать, что если детей не научить уважать и подчиняться «власти», они будут уподобляться диким животным, воровать, нападать и так далее. Но быть послушным само по себе просто означает, что вместо того, чтобы человек использовал свое собственное суждение, он будет подчиняться суждениям тех, кто стремится к власти и завоевывает ее, — одним из самых аморальных, коррумпированных, бессердечных, злонамеренных, злых и нечестных людей на земле. Обучение людей простому послушанию предотвращает животное поведение только в том случае, если предполагаемый «авторитет» сам не потворствует воровству и нападениям и не распоряжается ими, как это делало каждое «правительство» в истории во имя «налогообложения» и «правоохранительных органов». Очевидно, что обучение послушанию не поможет цивилизации, если те, кто отдает приказы, управляют тем же поведением, которое наносит вред обществу: актами агрессии против невинных. Идея о том, что повсеместное подчинение полезно для общества, основывается на заведомо ложном предположении, что люди, занимающие властные должности, морально превосходят всех остальных. Само собой разумеется, что если большинство людей пренебрегают своей совестью, вместо этого доверяя политикам делать свой выбор за них, это не сделает общество более безопасным или более добродетельным. Вместо этого оно просто узаконит те самые действия, которые мешают мирному сосуществованию людей.

Рассмотрим аналогию с роботом, который запрограммирован на то, чтобы делать все, что велит ему его владелец, продуктивно или разрушительно, цивилизованно или агрессивно. Это похоже на то, как ребенок учится уважать «авторитет». Станет ли послушный робот или ребенок инструментом разрушения и угнетения, полностью зависит от того, кто в конечном итоге будет отдавать приказы. Если вместо этого детей учат принципу самопринадлежности — идее о том, что каждый человек принадлежит самому себе и, следовательно, его нельзя грабить, угрожать, нападать или убивать, — тогда предполагаемая добродетель послушания станет совершенно ненужной. Подумайте, что из следующего с большей вероятностью приведет к справедливому, мирному обществу: миллиарды людей учатся основам того, как быть моральными людьми (например, принципу ненападения), или миллиарды людей учат просто повиноваться, в надежде, что те немногие люди, которые в конечном итоге станут главными, будут отдавать хорошие приказы. Если есть какие-либо трудности с представлением того, что произойдет в этих двух сценариях, достаточно взглянуть на историю и увидеть результаты.

Даже случайно выбранные «правители», получив разрешение насильственно контролировать всех остальных, будут быстро развращены и станут тиранами. Но обычные, порядочные люди — это не те, кто желает власти над другими. Те, кто стремится к власти и получает ее, обычно уже являются нарциссами и страдающими манией величия людьми с нескончаемой жаждой власти, которым нравится идея доминировать над другими. Стремление к господству никогда не движется желанием помочь тем, над кем доминируют, но всегда желанием расширить возможности контролирующего за счет тех, кого он контролирует. Тем не менее люди продолжают повторять утверждение, что средний человек, если бы он руководствовался исключительно своей совестью, был бы менее заслуживающим доверия, менее цивилизованным и менее нравственным, чем если бы он оставил свою совесть и просто слепо делал бы то, что ему говорят тираны мира. Если бы каждый человек полагался на свое собственное суждение, это было бы по определению «анархией», тогда как повсеместное повиновение правительственным тиранам по определению составляет «закон и порядок». Обратите внимание на резкий контраст между обычными коннотациями этих терминов — «анархия» звучит пугающе и жестоко, «закон и порядок» звучит цивилизованно и справедливо — и реальными результатами следования совести по сравнению с следованием правителям. Уровень зла, совершаемого отдельными людьми, действующими самостоятельно, полностью затмевается уровнем зла, совершаемого людьми, подчиняющимися предполагаемому «правительству».

Хотя многие считают, что обучение послушанию «власти» является синонимом обучения правильному и неправильному, на самом деле они противоположны. Очень важно учить детей уважать права каждого человека и учить их тому, что агрессия изначально неправильна. Но обучение их тому, что послушание — это добродетель, а «уважение к авторитету» — моральный императив, заставит их вырасти потребителями пропаганды широко распространенной, крупномасштабной агрессии, либо участниками широко распространенной крупномасштабной агрессии. Каждый этатист делает либо то, либо то (или и то и другое). Фактически, *обучение послушанию резко тормозит социальное и умственное развитие детей*. После того, как они выросли в ситуации, когда их контролировали другие, награждали за послушание и наказывали за непослушание, если они когда-либо вырвутся из этой ситуации, у них будет мало или совсем не будет навыков, не будет опыта или практики в том, как думать и действовать, исходя из морали и принципов. Никогда не проявляя индивидуального суждения и личной ответственности, зная только, как делать то, что им говорят, они будут подобны дрессированным обезьянам, которые сбежали от

дрессировщика, но не имеют возможности справиться с жизнью на свободе. Если их воспитание было сформировано в основном контролирующими «авторитетными» фигурами, люди теряются в экзистенциальном смысле, если этот контроль исчезает.

Короче говоря, люди, обученные подчиняться «власти», не знают, как быть независимыми, суверенно ответственными людьми, потому что всю свою жизнь они были намеренно и специально обучены не следовать своей совести и не использовать свои собственные суждения. Таким образом, индоктринированные люди, покидая одну институциональную систему контроля («школу»), ставят другую «власть» на ее место: «правительство». Сбежавшие обезьяны просто строят новую клетку и нетерпеливо прыгают в нее, потому что это все, что они знают, и все, что они когда-либо знали.

С другой стороны, в мире без мифа о «власти» детей можно было бы научить быть нравственными, а не просто послушными. Их можно научить уважать людей вместо того, чтобы уважать бесчеловечного и жестокого монстра, называемого «правительством». Их можно было бы научить, что они должны не только делать правильные вещи, но и выяснять, что такое «правильные вещи». В результате они могут вырасти ответственными, мыслящими, полезными взрослыми, членами мирного и продуктивного сообщества, вместо того, чтобы стать немногим больше, чем скотом на фермах тиранов.

Без всеобщего плана

Если завтра каким-то чудом все в мире откажутся от веры во «власть», подавляющее большинство краж, нападений и убийств в обществе немедленно прекратятся. Все войны закончатся; прекратится всякий грабёж во имя «налогообложения»; любое угнетение, осуществляемое во имя «закона», прекратится. Народ в целом — включая преступников, жертв и зрителей угнетения — больше не будет рассматривать такие акты агрессии как законные.

Но будет и другое, менее резкое изменение. Вера во «власть» — это, по сути, психологическая клетка. Она учит людей верить в то, что им не нужно судить о том, что хорошо, а что плохо; что им не нужно брать на себя ответственность за исправление общества; все, что от них требуется, — это «играть по правилам» и делать то, что им говорят, обращаясь к «лидерам» и «законодателям» для решения проблем общества. Короче говоря, вера во «власть» учит людей никогда не взрослеть, всегда смотреть на мир так, как его видят дети: как на непостижимо сложное место, которое есть и всегда будет чьей-то зоной ответственности. Какими бы ни были проблемы — бедность, преступность, болезни, экономические или экологические проблемы — идеологизированные государственники всегда ищут нового «лидера», который пообещает все исправить. С одной стороны, мир государственных властей функционирует точно так же, как и группа в детском саду: если что-то пойдет не так — если произойдет что-то, выходящее за рамки предсказуемой, заранее запланированной, централизованно контролируемой программы, — «дети» призывают «воспитателя» все исправить. Вся авторитарная среда в классе учит детей тому, чтобы они никогда не брали на себя ответственность; им никогда не дадут решать, что делать. Фактически, им настоятельно не рекомендуется думать или действовать самостоятельно. В конце концов, если бы им было позволено думать и принимать собственные решения, первое решение, которое большинство из них приняло бы, — это выйти из класса.

Точно так же взрослым государственным сторонникам постоянно говорят, что нельзя «брать закон в свои руки». Людей учат звонить «властям» всякий раз, когда возникает конфликт или другая проблема, а затем смиренно делать то, что им приказывают «правительственные» силовики. Если между людьми возникает спор, им говорят, что они всегда должны бежать к хозяевам, вызывая «полицию» или обращаясь в государственные «суды» для разрешения разногласий. Обсуждая социальные проблемы, хорошо обученные государственные субъекты говорят так: «Надо принять закон такой-то...» или «надо разработать такую-то государственную программу...». Они рассматривают свою жизнь как часть гигантского централизованного всеобщего плана, поэтому из этого логически следует, что если они хотят улучшить свою жизнь, решение состоит в том, чтобы обратиться к планировщикам с просьбой изменить план. Эта точка зрения настолько укоренилась в массах, что многие люди буквально не могут понять мышление людей, живущих своей жизнью, не являющихся частью чьего-либо плана.

Об этом свидетельствует общий отклик этактистов на идею общества без правителей. Почти все без исключения государственники, размышляющие о безгосударственном обществе, начнут с вопроса, как все будет «работать» без правящего класса. Задающийся таким вопросом человек спрашивает об этом не просто потому, что ему интересно, как дороги, оборона, торговля, разрешение споров и другие сферы могут функционировать без «правительства». Он спрашивает об этом, потому что его всегда учили рассматривать человеческое существование в рамках какой-то централизованной системы, насильственно навязанного генерального плана, и буквально неспособен мыслить вне этой парадигмы. Поэтому он задумается, как все будет работать «в условиях анархии», и назовет это «системой», представив это как новый тип генерального плана, который предстоит навязывать массам, когда, конечно, все обстоит полностью наоборот: «анархия» есть полное отсутствие централизованного, принудительного плана. Однако общий план человечества — это все, что этактист когда-либо рассматривал, и часто это все, что он способен понять. Идея о том, что никто не будет «отвечать», что никто не будет устанавливать «правила» для всех остальных, что никто не будет планировать или управлять человечеством в целом, и что никто не будет указывать этактисту, что ему делать — об этом большинство авторитарно мыслящих людей даже никогда не догадывались. Эта концепция настолько незнакома, что они даже не знают, как ее обработать, и поэтому они отчаянно пытаются вписать идею «анархии» (общества без государств) в форму привычного генерального плана.

(Такое противоречивое мышление только усиливается теми, кто носит ярлык «анархо-коммунистов». Этот термин подразумевает, что не будет никакого правящего класса и что общество будет реорганизовано в коллективистскую систему. Конечно, если какая-то группа заявляет, что имеет право насильственно навязать такую систему всем остальным (то есть имеет ввиду тоталитаризм), то приставку «анархо» из этого термина нужно убрать. Другой вариант состоит в том, что те, кто называет себя «анархо-коммунистами», просто надеются, что в отсутствие правящего класса каждый человек на планете свободно выберет участие в коммунах или коллективах, чего, конечно, не произойдет. В качестве последней возможности, вероятно, «анархо-коммунисты» предпочтут для себя быть частью коммуны, но позволят другим выбирать другие механизмы. В конце концов, термин «анархо-коммунистический» не несет особого смысла и на самом деле является симптомом тоталитаризма: даже когда защищают общество без государств, некоторые люди автоматически представляют себе, что должна существовать некая всеобъемлющая система или план, некая грандиозная схема, некая форма общественного управления, которая должна быть навязана человечеству в целом).

На самом деле, с мифом о «власти» или без него, никто не может гарантировать справедливость или процветание, или предсказать все, что может произойти, или знать заранее все проблемы, которые могут возникнуть, и способы их решения. Разница в том, что те, кто верит во «власть», продолжают делать вид, несмотря на постоянные неопровержимые доказательства обратного, что тоталитарная система контроля может гарантировать безопасность, защищенность, процветание, справедливость и честность. Между тем, те, кто отказался от самого опасного суеверия, больше не претендуют на то, что можно контролировать всех и вся с помощью какой-либо «системы». Как ни странно, несмотря на почти непостижимую степень экономической катастрофы, человеческих страданий и массового угнетения, которые неоднократно вызывала вера в «правительство», сторонники тоталитаризма по-прежнему настаивают на том, что те, кто выступает против этатизма, должны иметь возможность подробно описать, как в обществе без «правительства» все бы могло работать, чтобы не могло случиться ничего плохого. А если они не могут — а, разумеется, никто не может, — этатист объявляет это как доказательство того, что «анархия никогда не сработает».

Такая идея является не рациональным выводом, а симптомом глубоко укоренившейся психической зависимости и страха перед неизвестным. Этатистам нужно *обещание*, что какое-то всезнающее, всемогущее существо позаботится о них и защитит их от всех возможных несчастий и от всех плохих людей в мире. Тот факт, что политики давали такие обещания вечно и ни разу не выполнили такое обещание (потому что оно явно смехотворно), не останавливает этатистов от желания услышать это обещание снова. Независимо от того, сколько раз авторитарные «решения» ужасно терпят неудачу, большинство людей все еще думает, что какой-то другой «правительственный» план является единственным правильным ответом. Они хотят гарантии того, что некоторая всемогущая сущность вне их самих позаботится о том, чтобы их жизнь была удобной и безопасной. Они, кажется, даже не замечают, что такие «гарантии» никогда не сбудутся, и что любой, кто претендует на право давать такие гарантии, является либо поразительно дерзким лжецом, либо сумасшедшим. Тем не менее, поскольку анархисты и волюнтаристы никогда не дали бы абсурдного обещания, что без «правительства» ничего плохого никогда не случится, большинство этатистов по-прежнему боятся идеи безгосударственного общества.

(Личное примечание автора: я обнаружил, что всякий раз, когда тема общества без государства поднимается в моих дискуссиях с этатистами, они почти всегда начинают задавать вопросы пассивным тоном: как это будет сделано, как это будет решаться? Они говорят так, будто даже когда дело касается их собственной жизни, они не более чем зрители, ожидающие, что произойдет дальше. Это потому, что на протяжении многих лет их становления, особенно в «школе», они были немногим более чем зрители. Сценарии их жизней были написаны другими; их судьба была определена и решена «правительством», а не ими самими. Итак, в попытке заставить их избавиться от этого мышления, когда они спрашивают меня что-то вроде: «Как с этим справиться при анархии?» Я отвечаю: «А как бы вы с этим справились?» Когда они спрашивают: «Что бы вы сделали с этой потенциальной проблемой?» Я спрашиваю: «А что бы вы с этим сделали?» И они обычно начинают придумывать идеи, которые лучше, чем любое правительственное решение. Проблема не в том, что они неспособны отвечать за себя, свое будущее и, фактически, будущее мира; проблема в том, что им никогда не приходило в голову, что они уже несут ответственность за себя, свое будущее и будущее мира).

Тот, кто понимает, что «власть» — это миф, не обязан объяснять, как будут работать все аспекты свободного общества, равно как и тот, кто говорит, что Санта-Клаус ненастоящий, не обязан объяснять, как Рождество будет проходить без него. Однако этактисты часто настаивают, даже при рассмотрении возможности безгосударственного общества, чтобы кто-то сказал им, как каждый аспект жизни каждого человека будет работать без «правительства». Конечно, никто не знает — с мифом о «правительстве» или без него — что все произойдет, и цепляется за доказуемо ложный, противоречивый миф, который сам по себе привел к массовым убийствам, вымогательствам и притеснениям, потому что никому не удалось подробно описать идеальный мир без этого мифа, что абсурдно. Люди могут делать предположения или предсказания о том, как различные аспекты свободного общества будут работать без участия «власти» — и многие научные трактаты делают именно это, — но как только кто-то по-настоящему осознает безумие, присущее всякой вере во «власть», он уже никогда не вернется к принятию мифа, независимо от того, что, по его мнению, могло бы произойти без него, точно так же, как взрослый не вернется к вере в Санта-Клауса из-за того, что он не знает, будет ли Рождество работать без него.

Ты правишь собой, я — собой

По определению, в отсутствие «правительства» никто не имел бы власти или права провозглашать: «Вот как все будет делаться». Тем не менее, это единственный шаблон мысли, который когда-либо рассматривался большинством этактистов. Те, кто осознают, что у них нет ни способности, ни права контролировать все человечество, не думают в терминах генерального плана для человечества. Вместо этого они думают о единственном, что они действительно могут контролировать: о своих собственных действиях. Они думают: «Что мне с этим делать?» вместо «Что я должен попросить хозяев сделать с этим?» Они не настолько высокомерны или заблуждаются, чтобы думать, что имеют право или способность делать выбор за все человечество. Они делают свой собственный выбор и принимают неизбежную реальность того, что другие люди сделают другой выбор.

На практическом уровне абсурдно ожидать, что система централизованного контроля, в которой горстка политиков с их ограниченным пониманием и опытом придумывает генеральный план, а затем навязывает его всем остальным, будет работать лучше, чем сравнение и объединение знаний, изобретательности и опыта сотен миллионов людей через сеть взаимно добровольной торговли и сотрудничества. Независимо от того, какова цель — будь то производство продуктов питания, строительство дорог, защита от агрессоров или что-то еще — идеи, возникающие в «хаосе» миллионов людей, пробуя различные изобретения и решения, всегда будут лучше, чем идеи, которые придумает горстка политиков. Это особенно верно в свете того факта, что в то время как политики навязывают свои идеи всем через «закон», даже если они являются паршивыми идеями, которые никому не нравятся, идеи свободного рынка должны быть достаточно хорошими, чтобы другие добровольно их поддержали.

Несмотря на удивительное процветание, уже созданное относительно свободной, «анархической» торговлей и взаимным сотрудничеством, идея сосуществования людей без того, чтобы все они контролировались и регулировались каким-то генеральным планом, все еще непонятна большинству этактистов. Большинство государственных деятелей даже не задумывались о возможности по-настоящему распоряжаться своей жизнью. Все в современном государственном обществе обучает

людей быть лояльными субъектами системы контроля вместо того, чтобы обучать людей тому, кем они должны быть: суверенными организациями, выясняющими вещи для себя, взаимодействующими с другими как равными, ответственными прежде всего перед своей совестью. Для большинства идея мира, в котором именно они должны решать проблемы, разрешать споры, помогать тем, кто нуждается, защищать себя и других, не имея возможности прибегать вместо этого к всемогущему «правительству», является совершенно чуждым и устрашающим понятием. Они любят защищать правительственные решения, но на самом деле даже не хотят нести ответственность за себя, не говоря уже о личной ответственности за функционирование всего общества. И их вера во «власть» — это то, на что они опираются, чтобы попытаться уклониться от этой ответственности и избежать реалий жизни.

Жизнь животного в клетке во многих отношениях проще, чем жизнь в дикой природе. Точно так же жизнь бездумного человеческого раба может быть более предсказуемой и более безопасной, чем жизнь, основанная на ответственности. Но так же, как жизнь в дикой природе делает животных сильнее, умнее и способнее заботиться о себе, отказ от мифа о «власти» заставит людей стать умнее, более творческими, сострадательными и более нравственными. Это не означает, что без веры в «правительство» все люди будут мудрыми, добрыми и щедрыми. Но если бы миллионы людей понимали, что делать мир лучше — их личное дело, вместо того, чтобы просто послушно играть отведенную роль в чьем-то генеральном плане, призывая «правительство» все исправить, это дало бы толчок новому уровню человеческого творчества, изобретательности и сотрудничества за гранью того, что большинство людей могло себе вообразить.

Другое общество

Сегодня большинство людей ассоциируют идею «каждый делает все, что хочет» с хаосом и смертью, а пассивность и «законопослушание» каждого человека — с порядком и цивилизацией. Однако без мифа о «власти» у людей было бы совсем другое мышление. Без «авторитета», чтобы слепо ему следовать и повиноваться, не имея возможности ныть перед «сильными мира сего», чтобы исправить все, людям пришлось бы самостоятельно выяснять, что правильно, а что неправильно, и как решать проблемы. Некоторые могут утверждать, что люди слишком близоруки, ленивы и безответственны, чтобы управлять своей собственной жизнью, но именно вера во «власть» позволила им стать такими ленивыми и беспомощными. Пока они считали, что делать все правильно — не их работа, что устранять проблемы — не их работа, и что все, что им нужно было делать, — это подчиняться своим хозяевам, действуя как бездумные пешки в чужом генеральном плане, у них не было нужды взрослеть. Но отказ от суеверия заставляет человека осознавать, что над ним, черт возьми, не стоит ничего, а это означает, что он несет ответственность за свои действия (или бездействие); он тот, чья работа — делать мир лучше; он тот, кто должен заставить общество работать.

Конечно, уже есть этактисты, которые пытаются добиться положительных результатов, но чаще всего их вера во «власть» превращает их добрые намерения в злые действия, извращает их сострадание в насилие и превращает их продуктивность в топливо угнетения. Например, многие люди, вступающие в вооруженные силы, начинают с благородной цели защиты своих соотечественников от враждебных иностранных держав, а многие из тех, кто становится «полицейскими», делают это с намерением помогать людям и защищать хороших людей от плохих. Однако, как только они

становятся агентами мифического зверя, известного как «правительство», они сразу же перестают быть защитниками своих собственных ценностей и своих представлений о добре и зле, и вместо этого становятся проводниками произвольных капризов политиков. В каждом «правительстве» в истории те, кто выдавал себя за «защитников», быстро, если не сразу, превращались в агрессоров. Первым действием почти каждого режима является введение своего рода «налогообложения» с целью насильственного ограбления своих подданных, обычно под глупым предлогом, что он должен это делать, чтобы иметь возможность защитить людей от грабителей. Поэтому парадоксально, что так много людей принимают идею о том, что «правительство» — единственная сущность, способная защитить добро от зла. По правде говоря, только при отсутствии суеверий «власти» добрые намерения потенциальных защитников могут действительно служить человечеству.

Например, частное ополчение, сформированное с целью защиты определенного населения от иностранных захватчиков, которое не считается ни его членами, ни кем-либо еще, имеющим какой-либо особой «власти», будет руководствоваться личной совестью каждого отдельного члена. Такая организация может быть чрезвычайно эффективным средством оправданной защиты, будучи невосприимчивой к обычной коррупции государственных «крышующих» рэкетов. Член частной армии, не страдающий от заблуждения о «власти», не может и никогда не будет использовать оправдание «я просто следовал приказам», чтобы попытаться отрицать ответственность за свои действия. Если он прибегает к насилию, он и все вокруг него знают, что он лично сделал выбор, и что он несет личную ответственность за него и должен нести личную ответственность за все свои действия. Короче говоря, единственный случай, когда частное, неправительственное ополчение могло бы стать репрессивным, — это если бы каждый человек в нем лично решил действовать таким образом. Напротив, «правительственные» вооруженные силы могут стать репрессивными в результате хотя бы одного действительно злонамеренного человека в цепочке командования, если те, кто ниже него, были эффективно обучены добросовестно выполнять приказы.

Без мифа о «власти» не все будут действовать ответственно или благородно. Но когда каждый человек признает, что он сам отвечает за себя, гораздо менее вероятно, что хорошие люди будут выполнять приказы злых людей, как это постоянно происходит сейчас, посредством веры во «власть». Эстатисты часто опасаются того, что могут сделать некоторые люди, если их не сдержит «правительство». Однако им следует опасаться того, что эти люди могут сделать, если станут «правительством». Размер ущерба, который может нанести один враждебный, злонамеренный индивид, ничто по сравнению с ущербом, который может нанести один враждебный, злонамеренный «авторитет» посредством послушных, но в целом хороших людей. Другими словами, если бы зло совершалось только злыми людьми, мир был бы намного лучше, чем сегодня, когда в основном хорошие люди постоянно совершали бы злые поступки, потому что им это сказала предполагаемая «власть».

Другие правила

Без веры в «правительство» общины почти наверняка разработали бы «правила», которые на первый взгляд могли бы напоминать то, что сейчас называется «законами». Но была бы принципиальная разница. Законно и полезно записывать и публиковать для всеобщего обозрения заявления о последствиях определенных действий. Люди в одном городе могут, например, заявить, что, если вас поймут на воровстве в их городе, вы будете подвергнуты принудительному труду до тех пор, пока

не вернете своей жертве трехкратную компенсацию за то, что вы украли. Или жители какого-то района могут заявить, что, если вас поймают за рулем в нетрезвом виде, они возьмут вашу машину и скатят ее в озеро. Но, хотя такие указы представляли бы угрозу, они бы коренным образом отличались от того, что сейчас называется «законами», по нескольким причинам:

1) Те, кто на самом деле угрожает — те, кто решает, какое возмездие они лично сочтут оправданным для тех, кто причиняет вред или подвергает опасности своих соседей, — будут нести ответственность за создание и выполнение таких угроз.

2) Угрозы не потребуют выборов или консенсуса. Один человек или тысяча человек вместе могут сделать предупреждение в форме: «Если я поймаю вас на том, что вы делаете это, я сделаю это с вами». Угрозы не будут рассматриваться как «воля народа», а только как заявление о намерениях тех, кто действительно сделал предупреждение.

3) О законности таких угроз можно судить не по тому, кто их сделал, а по тому, соответствуют ли угрожаемые последствия (в глазах наблюдателя) совершенному преступлению. Никто не будет чувствовать себя обязанным согласиться с такой угрозой или соблюдать ее, если он сочтет ее несправедливой или необоснованной.

4) Такие предупреждения не будут претендовать на изменение морали или составлять какие-либо новые «преступления», и никто не сможет представить себе такие предупреждения законными просто потому, что они были написаны (так, как люди сейчас относятся к правительственным «законам»). Напротив, такие предупреждения будут просто представлять собой утверждения о том, что те, кто высказывает угрозы, считают оправданным. Таким образом, вместо правительственной формулы *«настоящим мы признаем следующее незаконным»*, предупреждения вписывались бы в такой шаблон: *«Я считаю, что если вы сделаете это, я имею право ответить таким образом»*.

Многие люди, обученные «поклонению власти», испугались бы такого нецентрализованного «открытого для всех» метода человеческого взаимодействия. «Но что, если, — спросит эстатист, — кто-то напишет угрозу, в которой говорится, что если мне не нравится ваша религия, или ваша прическа, или ваш выбор питания, я убью вас?» Изучение этого вопроса в контексте общества, все еще страдающего от суеверия «власти», и в контексте общества без такой веры, показывает, насколько на самом деле опасно суеверие «власти». Верно, что при отсутствии веры в «правительство» человек может угрожать насилием в неоправданных ситуациях. Дело не в том, что каждый автоматически будет думать и вести себя должным образом, если нет правителей, а в том, что такие злонамеренные наклонности в людях были бы гораздо менее опасными и разрушительными без веры во «власть», который узаконит их.

Например, сравните, что происходит, когда некоторые люди категорически против употребления алкоголя, и когда «правительство» запрещает это. Возможно (хотя маловероятно), что человек в обществе без государств мог бы по собственному желанию заявить: «Я считаю употребление алкоголя грехом, и если я узнаю, что вы пьете, я приду к вам домой с пистолетом, чтобы выправить вас». Любого человека, сделавшего это, почти наверняка убедили бы, если не вежливыми рассуждениями, то угрозой ответного насилия, что он не должен доводить до конца свою угрозу и должен прекратить такие угрозы. Очевидно, что один человек не может в одиночку угнетать миллионы пьющих пиво. Даже среди тех, кто тоже считал употребление алкоголя

грехом, даже если бы их было большинство, немногие сочли бы оправданными попытки насильственно навязать свои взгляды другим. Признали ли бы они, что такая агрессия неоправданна, или просто побоялись бы того, что с ними можно было бы сделать, если бы они попытались, в любом случае можно было бы избежать конфликта с применением насилия.

Напротив, предположим, что группа людей, носящих ярлык «правительства», объявила алкоголь «незаконным» и создала хорошо вооруженную банду силовиков, чтобы выследить и заключить в тюрьму любого, кого поймали за хранением алкоголя. Поскольку это действительно произошло, нет необходимости теоретизировать о результатах. С обещанием исправить большинство болезней общества и при поддержке общества правящий класс США ввел запрет на алкоголь в 1920 году. Потребление алкоголя продолжалось, потом немного сократилось, а потом тут же возник черный рынок производства и распространения алкоголя. Чрезвычайно прибыльный, но «нелегальный» рынок привел к насильственным конфликтам, скачку организованной и другой преступности, повсеместной коррупции в «правительстве», а также жестоким попыткам подавить торговлю алкоголем. Увидев фактические результаты запрета, большинство людей вскоре выступило против него и потребовало отмены Восемнадцатой поправки, которая санкционировала запрет на федеральном уровне. И, конечно же, после прекращения запрета все связанное с этим насилие — насилие со стороны «правительства» и насилие со стороны частного сектора — прекратилось.

В этом примере и в бесчисленном множестве других можно увидеть, что, предоставленные самим себе, большинство людей не будут пытаться насильственно навязывать свои предпочтения другим, а будут изо всех сил стараться избегать насильственных конфликтов. Однако, если существует «правительство», которое люди могут использовать для принудительного навязывания своих ценностей другим, они с радостью будут умолять его об этом и не будут чувствовать стыда или вины за это. Если бы каждый человек, создавший или пытавшийся навязать угрозу (или «правило», как это можно было бы назвать), должен был бы взять на себя личную ответственность за это и был вынужден сам взять на себя риск, очень немногие люди так горели бы рвением к угрозе своим соседям. Но с учетом «власти» каждый, кто верит в нее, регулярно угрожает всем своим соседям, не берет на себя никакой ответственности и не принимает на себя никакого риска, связанного с этим. Короче, вера во «власть» превращает каждого, кто в нее верит, в голову реза и труса.

Организация без «правительства»

Упомянув способы, которыми человеческое общество могло бы преобразиться, если бы не миф о «власти», не менее важно отметить то, что осталось бы неизменным. По какой-то причине некоторые люди, кажется, думают, что «анархия» — общество без правящего класса — приравнивается к идее «каждый сам за себя», когда каждый человек должен выращивать себе пищу, строить свой собственный дом и так далее. Смысл такого убеждения состоит в том, что человеческое сотрудничество и торговля происходят только потому, что кто-то «главный». Конечно, это не так и так никогда не было. Люди торгуют и сотрудничают для взаимной выгоды, как видно из многих миллионов предприятий и транзакций, которые уже происходят без какого-либо участия «правительства».

Супермаркеты — это примеры высокоорганизованных, удивительно эффективных способов распределения продуктов питания, в которых участвуют многие тысячи

людей, ни один из которых не принужден к участию, но каждый делает это для своей выгоды. Все, от фермеров до водителей грузовиков, продавцов-кассиров, менеджеров магазинов и владельцев всей сети магазинов, делают то, что делают, потому что они извлекают из этого личную выгоду. Ни от кого «по закону» не требуется производить хоть один кусок еды для кого-то еще, и тем не менее сотни миллионов людей питаются хорошо, с большим разнообразием пищевых продуктов высокого качества, но по низкой цене, что по сути является анархической системой производства и распределения продуктов питания.

Это результат человеческой природы и простой экономики. Там, где есть потребность в каком-либо продукте или услуге, на этом можно заработать. А там, где есть деньги, будет множество людей или групп людей, которые будут конкурировать за эти деньги, пытаясь производить продукты лучше и дешевле. Такая «система» — которая на самом деле вовсе не система — автоматически «наказывает» тех, чья продукция некачественная или слишком дорогая, и вознаграждает тех, кто находит способ предоставить людям то, что они хотят, по лучшей цене. И отказ от мифа о «власти» нисколько не помешает этому.

Фактически, суеверие «власти» постоянно мешает людям, которые пытаются объединиться для взаимной выгоды, бросая на их пути «налоги», лицензионные требования, правила, инспекторов и другие «юридические» препятствия. Даже «законы», якобы предназначенные для защиты потребителей, обычно ничего не делают, кроме как ограничивают возможности, доступные потребителям. Конечным результатом является то, что многие бизнесмены, которым в противном случае пришлось бы сосредоточиться на создании лучшего продукта по более выгодной цене, вместо этого сосредотачивались на лоббировании тех, кто в «правительстве», чтобы делать то, что мешает или разрушает конкурирующий бизнес. Поскольку механизм «правительства» — это всегда применение силы, оно никогда не может помочь с конкуренцией; оно может только помешать этому. Другими словами, миф о «власти» не является важным для организованного общества, а является самым большим препятствием на пути к организации людей для взаимной выгоды.

Оборона без «правительства»

Те, кто настаивает на необходимости «правительства», часто поднимают вопрос о защите и обороне, утверждая, что общество без «правительства» будет означать, что каждый может делать что угодно, не будет никаких стандартов поведения, никаких правил, никаких последствий для тех, кто решает совершить воровство или убийство, и поэтому общество утонет в постоянном насилии и хаосе. Однако такие опасения основаны на глубоком непонимании человеческой природы и того, что такое «правительство», а чем оно не является.

Защита от агрессоров не требует никаких специальных «полномочий», никаких «указов», никаких «законов» и «правоохранительных органов». Оборонительная сила по своей сути оправдана, независимо от того, кто ее применяет, и независимо от того, что говорится в любом «законе». И наличие формальных, организованных средств обеспечения такой оборонительной силы для сообщества также не требует «правительства» или «закона». Каждый человек имеет право защищать себя или защищать кого-то другого. Он может нанять кого-то другого для оказания защитных услуг либо потому, что он физически не может защитить себя, либо просто потому, что он предпочел бы заплатить за это кому-то другому. И если некоторые люди решают платить за организацию обученных бойцов с оружием, транспортными

средствами, зданиями и другими ресурсами, необходимыми для защиты всего города, люди также имеют на это право.

В этот момент большинство сторонников «правительства» протестуют, говоря: «Это все и есть правительство». Но это не тот случай, и разница здесь становится очевидной. Человек не имеет права — ни одна группа людей, какой бы большой она ни была, не имеет права — нанимать кого-то другого (отдельного человека или группу) для выполнения того, на что не имеет права делать любой обычный человек. Они не могут по праву нанять кого-то для совершения грабежа, даже если они называют это «налогообложением», потому что обычный человек не имеет права воровать. Они не могут по праву нанять кого-то, чтобы шпионить и насильственно контролировать выбор и поведение своих соседей, даже если они называют это «регулированием». Представители общества без государств сочли бы оправданным нанять кого-то для применения силы только очень ограниченными способами и в очень ограниченных ситуациях, в которых каждый человек имеет право применять силу: для защиты от агрессоров. Напротив, большая часть того, что делают так называемые «защитники» в «правительстве», это совершают акты агрессии, а не защищаются от них.

Часть того, что сейчас классифицируется как «работа полиции» — фактически, все действия «полиции», которые на самом деле являются законными, благородными, праведными и полезными для общества, — существовали бы и без мифа о «власти». Расследование правонарушений и задержание настоящих преступников — то есть людей, которые причиняют вред другим, а не просто людей, не подчиняющихся политикам, — будет продолжаться и без мифа о «власти», как и то, что почти каждый хотел бы и был бы готов за это заплатить. Об этом свидетельствует тот факт, что уже существуют частные детективы и частные охранные компании в дополнение к «охранным» услугам «правительства», которые все вынуждены финансировать.

Будет только одно различие, хотя и существенное: те, кто выполняет работу по расследованию и защите, в отсутствие суеверия «власти» всегда будут считаться имеющими точно такие же права, как и все остальные. Хотя предположительно они были бы лучше подготовлены и квалифицированы для выполнения своей работы, чем среднестатистический гражданин, их действия будут оцениваться по тем же стандартам, что и действия кого-либо еще, что совсем не относится к так называемым «правоохранительным органам». Частные лица, обеспечивающие защиту, также будут судить о своих действиях не по тому, сказал ли им какой-то «орган» что-то сделать или были ли их действия сочтены «законными» «правительством», а по тому, насколько эти действия, с их собственной точки зрения, были по своей сути оправданы. Мало того, что оправдание «я просто выполнял приказы» не убедило бы широкую публику, но и сами агенты не могли бы, даже в своем собственном сознании, использовать такое оправдание, чтобы уклониться от ответственности за свои действия, потому что никто не будет утверждать, что они над ними «власть».

Негосударственная «полиция» — если бы ее вообще так называли — рассматривалась бы совсем иначе, чем «правительственные» агенты сегодня. Они не будут иметь права делать что-либо, чего не имеет права делать любой другой человек. Они могут ходить куда-то, расспрашивать людей, применять силу или делать что-нибудь еще в ситуациях, когда кто-либо другой имел бы право сделать то же самое. В результате у обычного человека не будет причин испытывать нервозность или неловкость в их присутствии, как это происходит сейчас с большинством людей в присутствии «силовиков». Люди не будут чувствовать себя обязанными подчиняться допросам, обыскам или чему-либо еще, о которых просят частные защитники, чем если бы

какой-нибудь незнакомец на улице сделал такие запросы. И если частный защитник станет оскорблять или даже прибегать к насилию, его жертва будет иметь право реагировать так же, как если бы кто-то другой вел себя подобным образом. Что еще более важно, человек, который сопротивлялся агрессии со стороны частного защитника, имел бы поддержку своих соседей, если бы он это сделал, потому что его соседи не вообразили бы никаких обязательств кланяться кому-то из-за какого-либо значка или какого-либо «закона».

Лучшая защита от коррупции или «выхода из-под контроля» оборонной организации — это способность клиентов просто перестать платить. Очевидно, что никто не хочет платить какой-то банде, чтобы та угнетала его, но большинство людей также не хотят платить банде за угнетение кого-то другого. Как бы среднему человеку ни хотелось, чтобы воров и убийц поймали и остановили, он также хочет позаботиться о том, чтобы не пострадали невинные. Если клиенты какой-нибудь частной охранной компании обнаружат, что их «защитники» преследуют и нападают на невинных людей — тип поведения, для предотвращения которого они были наняты, — клиентская база мгновенно исчезнет, а головорезы прекратят работу. И если в отсутствие заявленного «правительства» головорезы решат попытаться заставить своих бывших клиентов продолжать платить, реакция людей будет быстрой и серьезной, поскольку никто не будет чувствовать никакого «юридического» обязательства разрешать себя угнетать.

Неправительственной системе обороны также не хватало бы еще одного особенно нелепого аспекта почти всех «государственных» форм «защиты». Не только «правительства» привыкли заставлять людей финансировать «военные» схемы и при этом отказываться даже говорить людям, что они финансируют. «Правительство» США, и в частности ЦРУ (хотя многие другие агентства также участвуют в секретных операциях), потратило десятилетия и триллионы долларов, большая часть которых до сих пор не учтена, на операции своих «заказчиков» — американского народа — о которых ему запрещено знать. В самом деле, любой, кто попытается рассказать американскому народу, что он финансирует, будет заключен в тюрьму (или того хуже) за нарушение «национальной безопасности». С почти неограниченной властью, почти неограниченными средствами и разрешением совершать все свои дела втайне, совершенно абсурдно представлять, что военные и ЦРУ будут делать только полезные и праведные дела. Действительно, все больше и больше народ узнает, что ЦРУ на протяжении десятилетий занималось торговлей наркотиками и оружием, пытками, убийствами, покупкой влияния на иностранные правительства, установлением марионеточных диктаторов и всевозможными другими деструктивными и злыми практиками. Даже президент Гарри Трумэн, создавший ЦРУ, позже заявил, что никогда бы не сделал этого, если бы знал, что оно станет «американским гестапо». Любая частная компания, предлагающая услуги защиты или обороны, вообще не получила бы клиентов, если бы ее коммерческое предложение было таким: *«Если вы дадите нам огромные суммы денег, мы защитим вас; мы просто не скажем вам, за что вы платите, что мы делаем и как мы это делаем»*. Единственная причина, по которой «правительство» получает финансирование на основе такой нелепой предпосылки, состоит в том, что оно получает свои деньги посредством насильственного принуждения, а не добровольной торговли. У людей нет выбора, финансировать это или нет.

Есть еще один нелепый аспект «защиты» с помощью «правительства», который никогда бы не возник с частными поставщиками защиты и обороны. Под прикрытием «законов о контроле над оружием» и других «законов» об оружии тоталитарные режимы часто насильственно лишают людей возможности защитить себя, при этом делая нелепые заявления о том, что это делается для безопасности тех самых людей,

которых они разоружают. Власть хорошо знает, что безоружная публика — это беспомощная публика, а тираны именно этого и хотят. Идея о том, что человек, который не против нарушения «законов» против воровства или убийства, будет возражать против нарушения «законов» об оружии, абсурдна. Статистика преступности и здравый смысл демонстрируют, что принятие «закона» против владения частным оружием повлияет только на «законопослушных», в результате чего в основном хорошие люди окажутся менее способными защищаться от агрессоров. И это именно то, чего хотят политики, потому что вокруг них собрана самая большая и могущественная банда агрессоров. Излишне говорить, что если кто-то ищет защиты от агрессоров, он не будет добровольно платить компании за то, чтобы она принудительно отняла у него собственные средства самообороны.

Более того, жестокие столкновения между полицией и гражданским населением, очевидно, уменьшились бы или вовсе прекратили бы свое существование, если бы люди могли просто прекратить финансирование любых «защитников», которые стали агрессорами. Например, большая часть расовой напряженности и насилия в истории США была результатом того, что белые «правоохранительные органы» притесняли черных гражданских лиц и оскорбляли их. Вместо того, чтобы «закон» оказывал цивилизационное влияние, он использовался как предлог для насильственной агрессии. Если бы у жителей чернокожего квартала был выбор, очевидно, что они не стали бы добровольно платить за то, чтобы расистские, садистские белые головорезы запугивали их и нападали на них на регулярной основе. Многие другие жестокие столкновения в США и других странах также были результатом того, что люди были недовольны тем, что их правящий класс делал с ними. Сюда также можно отнести резню тысяч протестующих на площади Тяньаньмэнь китайской армией в 1989 году, убийства нескольких антивоенных демонстрантов Национальной гвардией в штате Кент в Огайо в 1970 году и так далее. Все чаще и чаще в Соединенных Штатах публичные демонстрации и протесты против «государственной» политики заканчиваются «правительственными» нападениями на протестующих с использованием слезоточивого газа, дубинок, электрошокеров, резиновых пуль и так далее. Очевидно, что ни одна группа людей не станет добровольно платить за банду, которая насильно мешает тем же людям высказывать свое мнение. Что еще более важно, мотивация таких протестов почти всегда заключается в недовольстве тем, что «правительственные» чиновники делают против воли народа (по крайней мере, некоторых из них). Если бы каждому человеку было позволено тратить свои собственные деньги, вместо того, чтобы его заставляли финансировать централизованную «правительственную» повестку дня, не было бы никаких причин для возникновения большей части протестов этого типа и связанных с ними столкновений.

Негосударственный защитник будет делать только то, что он и его клиенты считают оправданным, что, вероятно, будет прописано в форме контракта, где защитник соглашается предоставить определенные услуги за определенную плату. Сравните это со стандартной «правительственной» версией «защиты»: *«Мы принудительно заберем столько ваших денег, сколько захотим, и сами решим, что мы будем делать для вас, если вообще будем что-то делать»*. Большинство людей хотят остановить агрессоров и защитить невиновных. На свободном рынке путь к успеху компании — предоставление клиентам того, что они хотят. В отличие от «правительства», если бы частной оборонной компании приходилось полагаться на готовых заказчиков, у нее был бы огромный стимул не проявлять халатности, расточительства, злоупотреблений или коррумпированности. Если бы люди могли заняться своим делом в другом месте, всегда была бы конкуренция за то, кто сможет обеспечить справедливое правосудие наиболее эффективно. Чтобы частная охранная

компания добилась успеха, она должна продемонстрировать своим клиентам, что: 1) она очень хорошо умеет определять, кто виноват, а кто нет; 2) очень хорошо следить за тем, чтобы невинные не подвергались преследованиям, нападениям или клевете; 3) очень хорошо следить за тем, чтобы действительно опасные люди были пойманы и не могли причинить дальнейший вред; 4) хорошо обеспечивать, чтобы жертвы преступлений получили возможную реституцию; и 5) сделать так, чтобы те, кто сделал что-то неправильно, но не нуждается в полном удалении из общества, попали бы в среду, в которой их отношение и поведение могут действительно улучшиться. Напротив, «государственные» прокуроры всегда специализируются на демонизации обвиняемых и всегда имеют стимул для вынесения обвинительного приговора (или признания по принуждению, известного как «чистосердечное признание»), независимо от вины или невинности обвиняемого. «Правительственные» суды постоянно освобождают людей, которые все еще представляют очевидную опасность для других, при этом оставляя взаперти миллионы людей, которые никому не причинили вреда; «правительственная» тюремная система из-за того, как заключенные подвергаются унижению, жестокому обращению и нападениям со стороны «охранников», а также других заключенных, превращает разочарованных, разгневанных арестантов в людей, которые еще больше разочарованы и разгневаны, превращая невинных людей в преступников, а преступников — в еще более ужасных преступников. А людей принуждают финансировать эту деструктивную систему, хотя они того или нет.

Другой важный момент заключается в том, что в случае частной охранной компании, если один «защитник» начинает наглеть, репутация и карьера каждого другого защитника зависят от разоблачения и выправления бандита. Напротив, сейчас все понимают, что «правительственные» полицейские силы будут, в первую очередь, защищать свои собственные. Когда одного полицейского поймают на чем-то коррумпированном, «незаконном» или насильственном, почти без исключения, все остальные полицейские помогут скрыть это или защитить его. Они действуют на основе менталитета банд, потому что люди, которые вынуждены платить зарплату, не являются теми людьми, перед которыми они фактически должны отвечать. Как и большинство «государственных» служащих, они подчиняются политикам и рассматривают широкую публику как скот, а не клиентов. Напротив, широкая публика будет рассматривать частных защитников как своих друзей, своих союзников и своих сотрудников и, что более важно, как равных себе. Они не будут рассматривать их как «власть», перед которым они должны пресмыкаться, или как постоянную потенциальную угрозу, которой следует опасаться. Каждый, включая наемного защитника, признает, что защитник имеет не больше прав, чем кто-либо другой. Все будут знать, что если наемный защитник когда-либо совершит кражу, нападение или убийство, к нему будут относиться и обращаться с ним точно так же, как с любым другим головорезом.

Настоящий защитник, защищающий свободу и собственность, не только не требует веры во «власть»: он требует отсутствия этой веры. Тот, кто воображает себя имеющим право насильственно контролировать всех остальных, пусть даже «ограниченным» способом, будет относиться к людям соответствующим образом. «Силовик», который раздает штрафы за неявные нарушения, задерживает и допрашивает людей без уважительной причины и, кажется, всегда ищет причину, чтобы вмешаться в повседневную жизнь людей, не является защитником и не заслуживает уважения или сотрудничества. Наоборот, негосударственный защитник был бы не чем иным, как нормальным человеком с такими же правами, как и все остальные, хотя, возможно, чаще он был бы вооружен и лучше обучен физическому бою, чем большинство. Он будет рассматриваться как сосед, которого можно вызвать,

если возникнут проблемы, а не как агент банды головорезов, которая в первую очередь служит правящему классу. И работа защитника, в отсутствие какой-либо особой «власти» или статуса, в основном привлекала бы тех, кто действительно хочет защитить невинных, но не привлекала бы тех, кто просто хочет иметь возможность осуществлять власть и контроль над другими — представление, которое вызывает работа современных «правоохранительных органов». Это не означает, что частные защитники никогда не сделают ничего плохого. Они по-прежнему будут людьми, способными к неверным суждениям, небрежности и даже злым умыслам, как и все остальные. Однако у них не будет «законного» разрешения на совершение плохих поступков, или «системы», «закона», «власти», которую они могли бы обвинить в своих действиях или за которой они могли бы спрятаться, чтобы избежать гнева своих жертв. Если они когда-нибудь выступят в роли агрессоров, возмездие против них будет несомненным и быстрым. В народе, отказавшемся от суеверий о «власти», любая группа защитников, решившая стать группой вымогателей, головорезов и тиранов, не будет «выбрана голосованием», ей не будет предъявлена иска и на нее не будут жаловаться какому-либо «правительству». Их расстреляют. Единственное, что допускает длительное и повсеместное угнетение любого вооруженного населения, — это вера во «власть» среди жертв угнетения. Без этого невозможно надолго их подчинить или доминировать.

Сдерживающие факторы и стимулы

Некоторые полагают, что если бы не «правительство», мошенники могли бы делать все, что им заблагорассудится, без каких-либо последствий. Опять же, это показывает глубокое непонимание человеческой природы и того, что такое «правительство». По правде говоря, вера во «власть» ничего не добавляет к эффективности любой системы защиты и обороны.

Люди, которые используют агрессию против других, такую как нападение, воровство и убийство, очевидно, не сдерживаются своей собственной моралью или уважением к самосознанию своих жертв. Однако они могут решить не совершать конкретное преступление, если они воображают себе риск причинения вреда. Это называется «сдерживающим фактором». Средства устрашения по определению не зависят от обращения к совести злоумышленника, а вместо этого используют инстинкт самосохранения злоумышленника. Говоря прямо, истинным преступникам подходит не *«не делайте этого, потому что это неправильно»*; их посыл: *«Не делай этого, иначе тебе будет больно»*. Предполагаемая моральная справедливость угрозы «власти» потенциальному агрессору не имеет отношения к эффективности сдерживающего фактора. Будь то «полицейский», собака, рассерженный домовладелец или даже другой вор, единственный вопрос, который волнует злоумышленника, заключается в том, может ли он пострадать или умереть, если попытается ограбить или напасть на кого-то.

Для сдерживания других видов плохого поведения, которые не являются столь серьезными или вопиющими, как кража или грабеж, «правительство» также не требуется. Некоторые утверждают, что без «государственных» инспекторов и регулирующих органов каждый бизнес выпускал бы некачественную и опасную продукцию. Но такое утверждение снова основано на глубоком непонимании человеческой природы и экономики. Каким бы жадным или эгоистичным ни был бизнесмен, он не сможет добиться успеха в долгосрочной перспективе, если будет продавать товары, которые не нравятся его покупателям. У того, кто сознательно продает бракованный продукт или испорченную пищу, будет мало клиентов, если

таковые вообще будут. Об этом свидетельствует множество дорогостоящих «отзывов», которые многие компании добровольно удовлетворяют даже в случае относительно незначительных дефектов или проблем. В отличие от нынешней ситуации, когда власть «правительства» используется для поддержки и защиты безответственных и деструктивных корпораций, на действительно свободном рынке с информированными потребителями и открытой конкуренцией коррупция и преступность не будут приносить прибыль, и предприятия будут не в состоянии оградить себя от последствий своей безответственности.

«Государственные» инспекторы и регулирующие органы руководствуются стимулом налагать штрафы на людей и обеспечивать соблюдение «законов» и «нормативных актов», независимо от того, имеют ли они какой-либо смысл. Напротив, система частных инспекторов, отвечающая только за людей, которые хотят знать, что является безопасным, и которая не имеет правоохранительных органов, не имеет и стимула вмешиваться в бизнес или придумывать вещи, на которые можно пожаловаться. Компании могут добровольно предлагать частные обзоры своих продуктов или объектов, например, как это уже сделано Underwriters Laboratories («UL»), Consumer Reports и другими, чтобы иметь возможность продемонстрировать общественности беспристрастное мнение о том, насколько безопасны и надежны их продукты. Многие компании занимаются этим сегодня, помимо того, что им приходится преодолевать бюрократические препятствия, которые ставят на их пути «правительства».

Многие другие вопросы можно было бы решить аналогичным, негосударственным образом. Частные строительные инспекторы, которые уже используются многими риэлторскими компаниями, должны будут определять от имени потенциальных покупателей, насколько здание безопасно и надежно. Помимо частных инспекторов, рестораны могли просто приглашать потенциальных клиентов самостоятельно осмотреть свои помещения. Все эти действия будут добровольными. Компания может решить не разрешать какие-либо проверки, а потенциальные клиенты могут выбрать, покровительствовать этому бизнесу или нет.

Тот факт, что «власть» должна решать так много проблем, — это признак интеллектуальной лени. Клиенты хотят качественные продукты, а бизнесмены, которые хотят добиться успеха, должны предоставлять качественные продукты. Таким образом, в интересах обеих сторон иметь возможность объективно продемонстрировать качество предлагаемой продукции. Вопреки стереотипу злого, жадного, спекулятивного бизнесмена, в свободном обществе можно разбогатеть, предлагая продукты и услуги, которые действительно приносят пользу потребителю. Почти все нечестные схемы, которые приносят прибыль в долгосрочной перспективе, — это те, которые насильно создаются или одобряются «правительством», например, мошенничество с «частичным банковским обслуживанием», «легальное» мошенничество с подделкой под названием «денежно-кредитная политика», судебный рэкет и так далее.

Даже без «правительства» иногда возникали бы серьезные конфликты. Например, предположим, что фабрика сбрасывает токсичные отходы в реку, убивая всю рыбу вниз по течению на чужой собственности, что представляет собой форму незаконного проникновения и уничтожения собственности. Отсутствие «правительства» не помешало бы жертвам что-либо предпринять с этим; на самом деле, им может быть легче что-то с этим сделать. Вместо того, чтобы подавать иск в «государственный» суд, где судью можно подкупить для поддержки миллиардного бизнеса, ответ может быть чем-то более эффективным, даже если он будет казаться менее цивилизованным. Люди, живущие на реке, могут сделать что-то столь же простое, как сказать владельцу

фабрики, что, если он будет продолжать допускать попадание загрязнения на их собственность, они физически разрушат его фабрику.

Очевидно, что могут быть более вежливые и мирные способы решения проблемы, такие как бойкоты или предание гласности правонарушений. В любом случае люди могут создать эффективный сдерживающий фактор для ненадлежащего поведения, особенно когда нет никакого «правительства», которое можно подкупать и коррумпировать. Многие пожертвования на избирательные кампании теперь представляют собой не более чем взятки, чтобы «государственные» регулирующие органы «смотрели в другую сторону». Точно так же «правительственные» суды могут легко найти причины отклонить практически любой иск, тем самым позволяя процветать богатым преступникам (с жертвами от их действий).

В клише жадного и злого бизнесмена часто упускается тот факт, что крупномасштабные преступления обычно совершаются при содействии «государственных» чиновников. Без защиты со стороны «правительства» даже у самого жадного и бессердечного бизнесмена будет огромный стимул не злить своих клиентов до такой степени, что они перестанут покупать его продукты, или до такой степени, что они будут жестоко реагировать на него.

Большинство людей в большинстве случаев не хотели бы применять силу, зная, что только они будут нести ответственность и риски, связанные с этим. Это был бы огромный стимул разрешать споры и разногласия мирным путем и по взаимному согласию. С другой стороны, когда преобладает вера в «правительство», нет никакого стимула разрешать дела мирным путем, потому что победа в «политической» битве не представляет опасности для тех, кто проповедует насилие через «правительство». Без правящего класса, которому можно было бы ныть и законодательно навязывать некую центральную повестку дня каждому, люди были бы вынуждены обращаться друг с другом как с разумными взрослыми, а не как плаксивыми безответственными детьми. Людям гораздо лучше послужат попытки сотрудничества и мирного компромисса, чем борьба за то, кто может овладеть мечом «правительства». Когда издевательства и агрессия перестанут признаваться в качестве законных форм человеческого взаимодействия, люди по необходимости научатся «вести себя хорошо».

Анархия в действии

Хотя многие люди боятся мысли об «анархии», правда в том, что почти каждый испытывает «анархию» на регулярной основе. Когда люди ходят в магазин за продуктами или бродят по торговым центрам, они видят результаты негосударственного взаимного сотрудничества. Никого не принуждают производить какие-либо из предлагаемых продуктов, никого не принуждают ничего продавать и покупать. Каждый действует в своих интересах, и все участники — производитель, продавец и покупатель — получают прибыль от соглашения. Все люди выигрывают, и общество в целом выигрывает без какого-либо принуждения или правителей. Существует бесчисленное множество примеров взаимно добровольных, совместных, мирных, эффективных и полезных мероприятий и организаций, в которых не участвует «правительство». Тем не менее, хотя существует множество легко доступных примеров того, насколько эффективное, организованное и продуктивное «анархическое» взаимодействие сравнивается почти со всеми «правительственными» усилиями, люди все еще воображают, что человеческие существа, постоянно взаимодействующие друг с другом на равных, могут привести к

хаосу и беспределу.

Когда машины встречаются на нерегулируемом перекрестке или когда люди идут навстречу друг другу по узкому тротуару, это «анархия» в действии. Миллиарды раз в день люди уступают дорогу, освобождают помещения для других и так далее, без какого-либо «правительства», приказывающего им делать это. Иногда люди невнимательны, но даже в этом случае серьезный конфликт случается очень редко — максимум грубый жест или гневное слово. Потенциальные конфликты, от очень незначительных до более серьезных, происходят миллиарды раз каждый день, и в подавляющем большинстве случаев они разрешаются без насилия и без участия какой-либо «власти». Даже в отношении более серьезных проблем люди часто находят способы достичь взаимных договоренностей. Хотя организованные негосударственные методы разрешения споров — использование арбитров, расследования и переговоры — могут мирным путем разрешить даже серьезные разногласия, большинство конфликтов интересов никогда не доходят до этого. Большинство людей большую часть времени стараются изо всех сил избегать или быстро урегулировать потенциальные столкновения с другими.

Хотя некоторые люди указали бы на такие вещи как на показатель врожденной добродетели человечества, часто действует и другой фактор. Большинство людей просто не хотят хлопот и стресса, которые возникают при конфронтации, и особенно не хотят рисков, связанных с ожесточенными столкновениями. Многие люди «подставляют другую щеку» довольно часто, не обязательно потому, что они терпеливы и любящи, а просто для того, чтобы их не беспокоили бесполезные траты времени и ненужные ссоры. Многие, когда сталкиваются с кем-то, делающим что-то отвратительное, просто «не обращают внимания», потому что у них есть более важные дела, о которых нужно беспокоиться. У большинства людей есть сильная тенденция «ладить», даже если это делается ради собственной выгоды. И если бы не было «правительства», к которому можно было бы побежать, — не было бы гигантского государства-мамы или папы, которому можно было бы поплакаться, — люди бы решали дела как взрослые гораздо чаще, чем сейчас. Это не означает, что любое различие во мнениях закончится без «власти» мирно и справедливо, но наличие гигантского клуба «правительства» является постоянным искушением для любого, кто затаил злобу, или хочет причинить кому-то вред, или хочет получить незаработанное богатство посредством «судебного разбирательства». Если бы его не было, меньше людей затягивало бы или нагнетало разногласия или споры. Будь то милосердие, трусость или просто желание избежать головной боли затяжного конфликта, многие люди — даже те, у кого есть законные претензии к кому-то другому — просто позволяют прошлому уйти в прошлое и жить своей жизнью.

Даже без таких примеров совершенно иррационально утверждать, что люди не могут «обойтись» без «правительства», когда «правительство» только и делает, что использует насилие и угрозу насилия для контроля над людьми, что является полной противоположностью понятия «ладить». Представление о том, что мирное сосуществование требует агрессии и принуждения, логически нелепо. Единственное, что гарантирует привнесение «власти» в ситуацию, — это невозможность ненасильственного, мирного разрешения проблемы. Когда кто-то описывает общество, которое он хочет видеть, он почти всегда описывает состояние ненасилия, взаимного сотрудничества и терпимости. Другими словами, то, что он будет описывать, является полной противоположностью насилия и принуждения «власти». Тем не менее, будучи воспитанными в представлении «власти» как жизненно важной и позитивной части общества, люди по-прежнему постоянно пытаются достичь мира путем войны, пытаются добиться сотрудничества путем принуждения, пытаются

добиться терпимости путем нетерпимости, а человечности — с помощью жестокости. Такое безумие — прямой результат того, что людей учат уважать и подчиняться «власти».

Антиправительственное воспитание

Воспитание настолько часто основывается на идеях «государства», что многие даже не могут представить себе, как могло бы выглядеть негосударственное воспитание. Важно различать, как потеря суеверия «власти» повлияет на воспитание детей. Это не означает, что родители не будут накладывать ограничений на то, что могут делать их дети, и не исключает, что родители будут контролировать детей против их воли во многих ситуациях. Но это резко изменило бы мышление родителей и детей.

В наши дни большинство людей считает, что учить детей добру и злу значит учить их повинаться, потому что многие все равно не видят разницы. Однако родитель может приказывать ребенку сделать что-то неправильно так же легко, как он может приказывать ему сделать что-то правильно. Вопреки тому, чему учит властное воспитание, тот факт, что родитель дал команду, не делает ее автоматически правильной и не заставляет ребенка подчиняться. Если, например, родитель приказывает своему ребенку воровать в магазине, у ребенка нет моральных обязательств делать это, и непослушание будет полностью оправдано (хотя, вероятно, опасно). Конечно, ребенок может не понять, что воровать — это плохо, если его родители сказали ему воровать.

С другой стороны, родитель может наложить на своего ребенка необходимое, оправданное ограничение, которое ребенку не нравится и которое тот не считает оправданным. В любом случае ребенок обязан делать только то, что он считает правильным. Альтернативой было бы моральное обязательство делать то, что он считает неправильным, что невозможно. И в этом разница: властный родитель учит ребенка, что послушание само по себе является моральным императивом, независимо от команды (например, *«Потому что я твой отец, и я так сказал!»*). Невластный родитель также может налагать ограничения на ребенка, но он не требует, чтобы ребенку это нравилось, и не притворяется, что такие ограничения справедливы, просто потому, что родитель наложил их. Другими словами, невластный родитель может видеть необходимость навязать ребенку определенные ограничения (относительно времени отхода ко сну, рациона питания, и т. д.), потому что ребенок еще не обладает знаниями или пониманием, чтобы быть достаточно компетентным и делать все по своему усмотрению, но это не значит, что у ребенка есть моральное обязательство беспрекословно подчиняться. Чем раньше ребенку можно будет объяснить причину «правила», тем быстрее он поймет, почему выполнение того, что говорят его родители, принесет ему пользу. Конечно, это не всегда возможно, особенно когда дети еще маленькие. Родитель, который мешает ребенку съесть коробку конфет, приносит пользу ребенку, у которого еще недостаточно понимания или самоконтроля, чтобы служить своим интересам. Но научить ребенка чувствовать моральное обязательство соблюдать правила, которые кажутся ему несправедливыми, ненужными, бессмысленными, глупыми или даже обидными только потому, что ему велел «авторитет», — значит научить ребенка самому опасному уроку: что он морально обязан мириться с несправедливыми, ненужными, бессмысленными, глупыми и обидными вещами, если они совершаются «авторитетом».

Чтобы избежать передачи суеверия «власти», родители никогда не должны ссылаться

на «потому что я так сказал» как на причину, по которой ребенок должен что-то делать. Родитель должен заявить, что существуют рациональные причины для ограничений, даже если ребенок еще не может понять эти причины. Другими словами, оправдание правил заключается не в том, что родители имеют право насильственно навязывать своим детям любые правила, какие хотят, а в том, что родители (надеюсь) обладают гораздо большим пониманием и знаниями, чем дети, что родители должны делать большую часть выбора ребенка за него, пока он не сможет делать свой собственный выбор.

Еще важнее то, как родитель контролирует поведение своего ребенка по отношению к другим. Чрезвычайно важно научить ребенка тому, что намеренно причинять вред другому человеку — это неправильно (кроме случаев, когда это необходимо для защиты невиновного). Но если вместо этого принципа родитель учит «слушаться меня», а затем приказывает ребенку не бить других, он научил ребенка послушанию, но не морали. Если ребенок воздерживается от ударов других не потому, что он понимает, что это неправильно, а только потому, что ему велели этого не делать, тогда он действует так же, как аморальный робот, и ничего не узнал о том, что значит быть человеком. Краткосрочный практический результат может выглядеть так же (ребенок воздерживается от избиения других), но извлеченные уроки очень разные. Когда ребенок, которого просто учили подчиняться, вырастает и какой-то другой «авторитет» говорит ему, что он должен причинять вред другим, он почти наверняка это сделает, потому что он был обучен делать то, что ему говорят. С другой стороны, ребенок, которого учили уважать права других и которого учили принципам ненападения и самообладания, не откажется легкомысленно от этих принципов только потому, что кто-то, называющий себя «авторитетом», говорит ему об этом.

Дети учатся на собственном примере. Если ребенок видит, что его родители всегда действуют как беспрекословные подданные правящего класса, ребенок научится быть рабом. Если вместо этого родители продемонстрируют в своей повседневной жизни, как использовать собственное сердце и разум и следовать им, ребенок научится поступать так же. Ребенок должен понимать, что его долг — не просто следовать правилам хорошего человека, но и самому выяснить, каковы правила хорошего человека. Стандарты, по которым живет «хозяин своей жизни», все еще могут быть описаны как «правила», но ценность таких «правил» исходит не из того факта, что их издало «правительство», а из того, что индивид считает, что такие «правила» описывают по сути моральное поведение. Это не означает, что все согласны с тем, что является моральным, хотя существует широкий консенсус по некоторым основным принципам. Но даже если поведение каждого человека руководствуется его собственным несовершенным, неполным пониманием правильного и неправильного, общие результаты будут значительно улучшены по сравнению с авторитарной альтернативой, при которой в основном хорошие люди делают то, что они считают неправильным, потому что они чувствуют себя вынужденными делать все, что им велит делать «власть» (как показали эксперименты Милгрэма).

Опять же, хотя многие люди ошибочно полагают, что общество без централизованного, законотворческого «правительства» будет означать «каждый сам за себя», групповое сотрудничество и соглашения не требуют «правительства», и те дети, которые проводят годы своего становления, учась взаимодействовать с разными людьми всех возрастов на взаимно добровольной основе, вместо того, чтобы учиться слепо делать то, что им говорят, гораздо лучше подготовлены к формированию отношений и объединению усилий на основе согласия, компромисса и сотрудничества. Такое добровольное взаимодействие может происходить как между двумя людьми, так и между двумя миллионами. Даже ограниченная свобода, которую

испытывают американцы, продемонстрировала, что даже чрезвычайно сложные отрасли могут быть полностью основаны на добровольном участии и добровольном сотрудничестве всех участников. История также показала, что в тот момент, когда начинает использоваться метод организации, основанный на централизованном принудительном контроле, как это происходит в так называемой «плановой экономике», производительность падает, появляются нищета и порабощение. Тем не менее, большинство детей по-прежнему воспитываются в тоталитарной среде, утверждающей, что это лучше всего подготовит их к жизни в реальном мире. По правде говоря, он готовит их только к пожизненному порабощению.

Почти на месте

В любой группе людей, отказавшихся от мифа о «власти» — будь то небольшая группа друзей, жители города или население целого континента — частота и серьезность насильственных конфликтов и актов насилия агрессия внутри этой группы будет значительно ниже, чем где-либо еще, где большинство людей посредством «голосования» и других «политических» действий пропагандируют и совершают агрессию на регулярной основе. Однако, хотя людям в такой группе нечего бояться друг друга, им все же, вероятно, придется иметь дело с актами агрессии со стороны тех, кто не входит в группу, которые все еще придерживаются веры в «правительство». Человек, чей разум был освобожден, но который все еще живет в обществе, страдающем от иллюзий о «власти», будет постоянно подвергаться риску стать целью государственной агрессии. Свобода в сознании — понимание концепции владения собой — не обязательно означает физическую свободу. Однако это может иметь огромное положительное значение, открывая бесчисленное множество новых средств, с помощью которых люди могут пытаться справляться, избегать или даже сопротивляться попыткам государства их контролировать.

У человека, который гордится тем, что он «законопослушный гражданин», есть только один способ попытаться достичь свободы, который почти никогда не бывает эффективным: умолять своих хозяев изменить их «законы». С другой стороны, тот, кто понимает, что он сам владеет собой, не обязан подчиняться никакому предполагаемому хозяину и не нуждается в «законодательном» разрешении на свободу, имеет гораздо больше возможностей. И чем больше людей избежали суеверий, тем легче становится сопротивляться. Например, даже небольшое количество «самовладельцев» может создать каналы торговли, которые обходят обычные меры контроля и схемы вымогательства, налагаемые «правительствами».

По иронии судьбы эту вполне законную и моральную форму добровольного взаимодействия часто называют «черным рынком» или ведением бизнеса «под столом», тогда как обычная система агрессии, принуждения и вымогательства рассматривается верующими в «правительство» как законная и справедливая. В действительности легитимность любой торговли (или любого другого человеческого взаимодействия) не зависит от того, знает ли о ней какое-либо «правительство» и контролирует ее, как предполагает концепция «черного рынка», а зависит только от того, взаимно ли (по обоюдному согласию) происходит то, что происходит. Те, кто понимает это, могут найти множество способов обойти или пресечь попытки «правительства» принудительно контролировать и использовать их.

Многих актов агрессии, совершаемых во имя «закона», можно довольно легко избежать или победить относительно небольшому количеству людей, если они не чувствуют негласного морального обязательства делать то, что им говорят. Конечно,

так бывает не всегда. Если банда под названием «правительство» и делает что-то хорошо, она применяет грубую силу, будь то в форме военных действий или внутренних «правоохранительных органов». Однако почти во всех случаях большая часть власти, которой обладают те, кто находится в «правительстве», является результатом не пушек, танков и бомб, а восприятия их жертв. Если 99% населения подчиняется правящему классу из чувства долга, оставшийся 1% обычно можно контролировать грубой силой (с одобрения 99%). Но если более значительный процент населения не чувствует себя обязанным подчиняться, количество грубой силы, необходимой для их контроля, становится огромным. А именно, многие жители Соединенных Штатов сейчас отдают примерно половину своего заработка в виде «налогов» на различных уровнях, и большинство из них чувствуют себя обязанными делать это. Но если иностранная держава каким-то образом вторгнется и захватит землю, введение 50% «налога» будет совершенно невозможно, потому что люди не будут чувствовать морального, юридического или патриотического долга подчиняться. Двести миллионов рабочих найдут двести миллионов способов использовать уклонение, обман, секретность или даже прямое насилие, чтобы избежать или пресечь попытки иностранных воров поработить людей.

Сегодня есть только одна банда, способная угнетать американский народ, и это американское «правительство». Это потому, что это единственная банда, которая, по мнению большинства людей, имеет право принуждать и контролировать («регулировать»), грабить и вымогать («облагать налогом») американский народ. Этатистов беспокоит то, что без сильного «правительства», которое бы их защищало, некоторая иностранная держава просто пришла бы и захватила власть. Но такие опасения полностью игнорируют то, насколько большую роль играет восприятие в способности подавлять. Участок земли размером с Соединенные Штаты, населенный сотней миллионов владельцев оружия — в дополнение к двумстам миллионам других людей, которые, вероятно, станут владельцами оружия в случае вторжения, — невозможно будет захватить и контролировать с помощью одной грубой силы. История дает множество примеров (например, Варшавское гетто во время Второй мировой войны, война во Вьетнаме и последствия войны в Ираке) того, как даже огромная, технологически продвинутая регулярная армия может бесконечно подавляться относительно небольшим количеством «вооруженных сил» «повстанцев». А у земли, населенной «самовладельцами», есть еще одно огромное преимущество: им буквально невозможно коллективно сдаться. Если нет «правительства», претендующего на то, чтобы представлять население, и никого, кто заявляет, что он выступает от имени народа в целом, у них буквально нет возможности «сдаться» без капитуляции каждого в отдельности.

Хороший способ понять реальность ситуации — рассмотреть вопрос с точки зрения лидера захватчиков. Как можно хотя бы начать пытаться вторгнуться и навсегда занять территорию, в которой есть столько миллионов жителей, которые могут скрываться где угодно, могут убить кого угодно в радиусе не менее десятка километров, как это может сделать любой порядочный охотник? У честолюбивого тирана будет гораздо больше шансов получить власть над людьми, баллотировавшись на посты, тем самым внедрив в сознание своих жертв предполагаемое право править и контролировать их.

Крупномасштабное угнетение, особенно после появления огнестрельного оружия, в гораздо большей степени зависит от контроля над разумом, чем от контроля над телом. Те, кто жаждет господства, получают гораздо больше власти, убеждая своих жертв в том, что не подчиняться их приказам — это неправильно, чем убеждая своих жертв в том, что непослушание просто опасно (но морально). Независимо от того,

сколько люди жалуются и протестуют, пока они продолжают подчиняться «закону» (командам политиков), тиранам нечего бояться. До тех пор, пока их попытки контроля и вымогательств рассматриваются как «законные» акты «власти», и пока люди, следовательно, чувствуют себя обязанными подчиняться, до тех пор, пока правящий класс не изменит такие «законы», люди останутся порабощены телом, потому что остаются порабощенными мысленно. По иронии судьбы многие люди до сих пор верят, что сильное «правительство» — единственное, что может защитить людей в целом, тогда как вера в «правительство» на самом деле единственное, что может угнетать народ в целом. Сама по себе грубая сила не может сделать это в больших масштабах или в течение какого-либо длительного периода времени. Даже банда с танками, самолетами, бомбами и другим оружием не может надолго контролировать вооруженное население, если сначала она не заставит людей поверить в то, что она имеет право контролировать их. Другими словами, только банда, воображающая себя «правительством», может уходить от наказания при длительном угнетении и порабощении. В результате «правительство» (или вера в него), вместо того, чтобы служить для защиты прав личности, имеет важное значение только для длительного и широко распространенного нарушения прав личности.

По иронии судьбы, даже большинство тех, кто сегодня признает «правительство» самой большой угрозой свободе, все еще настаивают на том, что для защиты необходимо какое-то «правительство». Вера в «правительство» настолько сильна, что может убедить в остальном разумных людей, что именно то, что их обычно грабит, принуждает и нападает, необходимо для защиты от грабежа, принуждения и нападения. Тот факт, что «правительство» всегда было агрессором и никогда не было чисто защитником нигде в мире и в любой момент истории, не поколеблет их сектантской веры в магические силы и добродетели абстрактного, мифического существа, называемого «правительством».

Путь к справедливости

Многие крупномасштабные несправедливости в истории быстро исчезли бы — или никогда бы не начались, — если бы «власти» не потворствовали и не навязывали такую несправедливость. Например, за зло рабства часто возлагают ответственность за расизм и жадность, но ведь именно «власть» сыграла огромную роль в обеспечении экономической целесообразности рабства. Если бы не было огромной организованной сети «правоохранительных органов» для поимки сбежавших рабов и тех, кто помогал им сбежать, как долго продолжалось бы рабство? Если бы освобождение рабов не было «незаконным» и, следовательно, аморальным в глазах правительственных властей, насколько крупнее и эффективнее была бы «подпольная железная дорога»? (Вероятно, оно и не было бы известно как «подполье», если бы это не было «незаконным».)

«Аболиционистское» освободительное движение состояло из людей, которые считали рабство аморальным и хотели изменить «законы», чтобы официально объявить рабство аморальным и «незаконным». Если бы вместо ходатайства об изменении «законов» аболиционисты активно освобождали рабов, работорговля, скорее всего, рухнула бы на десятилетия раньше. Доставка рабов через полмира была бы действительно очень рискованным делом, если бы в момент приземления ваш «груз» мог быть освобожден принудительно. Проблема в том, что большинство людей считает, что даже аморальные, несправедливые «законы» должны соблюдаться до тех пор, пока «закон» не будет изменен. Ясно, что это означает, что верность таких людей мифу о «власти» сильнее, чем их верность морали, и делать то, что им говорят хозяева,

для них важнее, чем делать то, что они считают правильным. И человечество сильно пострадало из-за этого.

Способность людей противостоять тирании во многом зависит от того, принимают они миф о «власти» или нет. Те, кто видит несправедливость, совершенную «правительством», но продолжают верить в то, что они должны «следовать закону» и «работать в рамках системы», никогда не добьются справедливости. С другой стороны, те, кто не считает страдающих манией величия политиков полноправными правителями, те, кто не чувствует себя обязанным подчиняться аморальному «закону», те, кто не чувствует необходимости уважать то, что на самом деле является классом паразитов — бандой политических воров и головорезов — как неприкосновенных, достойных и благородных, имеют гораздо больше шансов победить «легальную» тиранию. (А большая часть тирании и угнетения, которые имели место на протяжении всей истории, совершалась «законно».)

Есть много методов, доступных тем, кто готов «незаконно» противостоять несправедливости и тирании, включая все, от пассивного сопротивления и ненасильственного саботажа, до таких вещей, как убийство и другое насильственное сопротивление. В зависимости от жестокости угнетения и личных ценностей, совести и убеждений человека о том, когда (если вообще когда-либо) применение насилия уместно, можно выбрать любое количество способов победить тиранию. Некоторые просто будут стараться оставаться «вне поля зрения», живя так, чтобы избежать внимания «властных» силовиков. Некоторые могут выбрать открытое гражданское неповиновение, например, сотни людей открыто курят коноплю перед полицейским участком. Кто-то может выбрать более активный, но ненасильственный метод, такой как прорезание покрышек полицейским машинам или уничтожение другого имущества, используемого для совершения актов государственной агрессии. Другие могут выбрать метод открытого насильственного сопротивления, как это произошло во время Американской революции.

По аналогии предполагаемая жертва ограбления (негосударственного типа) может попытаться уклониться от вора или перехитрить его, или даже убить его, если до этого дойдет — словом, сделать все, что нужно, чтобы не стать жертвой. Точно так же те, кто признают, что «законное» зло по-прежнему является злом, и сопротивление ему по-прежнему оправдано, не будут тратить время на выборы и лоббирование политиков для изменения законодательства; они просто сделают все возможное, чтобы защитить себя и, возможно, других от такой «законной» агрессии. За определенной чертой, чем больше людей сопротивляется, тем меньше насилия необходимо для этого. Если в местной полиции имеется дюжина «офицеров по борьбе с наркотиками» — людей, основная работа которых заключается в совершении актов агрессии против других лиц, не совершавших ни насилия, ни мошенничества, — и несколько сотен гражданских лиц дают понять, что они верят в свое право использовать все необходимое, включая смертоносную силу, чтобы остановить любые попытки похищения людей, вторжения в дома или аналогичные акты агрессии, совершаемые «офицерами по борьбе с наркотиками», агрессоры (полиция), если у них не было более крупной правительственной банды, к которой можно было бы обратиться за помощью, просто сдалась бы, дабы избежать истребления. Сдерживающий эффект, который работает против частных преступников, может также работать против «государственных» преступников.

В Индии Махатма Ганди и его последователи использовали широко распространенное пассивное неповиновение, чтобы подорвать британский контроль над этой страной. Запрещение алкоголя в Соединенных Штатах — еще один пример

аморального «закона», который фактически прекратил свое существование. Высокий уровень неповиновения, отказ большинства присяжных дать свое одобрение «законной» агрессии, а также некоторые акты насильственного сопротивления (например, осыпание смолой и оперение «пленных») сделали аморальный «закон» не имеющим силы. Законодательные органы в конечном итоге отменили его в попытке сохранить лицо, потому что наличие не имеющего законной силы закона в книгах имеет большое значение для подрыва легитимности правящего класса в глазах его жертв. Везде, где люди не чувствуют морального обязательства подчиняться правительственным требованиям, любые «законные» акты агрессии могут быть проигнорированы. Однако, когда количество самовладельцев невелико, иногда необходимо насилие, чтобы победить «законные» акты агрессии. (Если лишь несколько человек признают незаконность «законного» угнетения, насильственное сопротивление часто приводит к обратным результатам.)

Где есть угнетение, всегда присутствует и насилие. Обычно оно одностороннее, когда агенты «власти» совершают большую часть или тотальное насилие. Человек, который пассивно сотрудничает, заявляя, что он против насилия, на самом деле вознаграждает насилие со стороны государства. Когда совершается акт агрессии, будь то «правительство» или кто-либо другой, отказ от насилия по определению перестает быть решением. Единственный вопрос в том, останется ли агрессивное насилие безнаказанным или для противодействия ему будет использована защитная сила. В любом случае произойдет насилие.

Конечно, воры, головорезы и убийцы, объявляющие свои преступления «законными», как это делал каждый тиран в истории, всегда заклеивают любого, кто им сопротивляется, преступниками и террористами. Только те, кто не чувствует стыда за то, что их называют «преступниками», потому что они развенчали миф о «власти» и признают, что термин «закон» часто используется, чтобы попытаться охарактеризовать зло как нечто хорошее, имеют хоть какой-то шанс достичь свободы. Опять же, как это ни парадоксально, чем больше людей понимают самообладание и мифическую природу «правительства» и готовы бороться за то, что правильно, против того, что «законно», но неправильно, тем менее жестокой будет путь к истинной цивилизации (мирному сосуществованию).

Побочные эффекты мифа

Оглядываясь назад, можно сказать, что нет недостатка в примерах бесчеловечности человека по отношению к человеку, в примерах угнетения и страданий, насилия и ненависти, а также в ситуациях и событиях, которые плохо отражаются на человечестве в целом. И хотя многие из самых вопиющих несправедливостей в истории были очевидным продуктом веры в «правительство», такие как война и открытое угнетение, многие другие несправедливости, которые обычно не приписываются действиям «правительства», также были бы невозможны без участия «власти».

В дополнение к примеру о том, могло ли существовать рабство, если бы оно не применялось «законно» (как упоминалось выше), можно задать аналогичные вопросы об обращении с американскими индейцами. Если бы не авторитарные «правительственные» указы и государственные наемники, обеспечивающие их соблюдение, разве были бы предприняты такие масштабные согласованные усилия по истреблению или насильственному изгнанию коренных жителей с земель, которые они населяли в течение нескольких поколений? Несомненно, из-за столкновения

культур и требований к земледелию и охотничьим угождам все же были бы меньшие конфликты, но было бы в чьих-либо личных интересах участвовать в крупномасштабных жестоких боях?

После того, как в Соединенных Штатах было покончено с открытым рабством (примерно в то же время, когда впервые возникло «легальное» рабство, «подходящий налог»), расовая напряженность и жестокие конфликты продолжились. Многие считают, что тогда «правительство» пошло на поводу и спасло положение. На самом деле жестокий конфликт между расами поощрялся «властью». В течение многих лет расовая сегрегация насильственно навязывалась «законами». По иронии судьбы, расовая напряженность позже еще больше обострилась из-за управляемой «правительством» интеграции, которая стремилась принуждать людей разных рас и культур к смешению, хотели они того или нет. И снова результатом стало насилие. Во время всего фиаско некоторые предприятия и школы, если бы их оставили на свободе, выбрали бы сегрегацию, а некоторые предпочли бы интеграцию. Если бы не «правительство», пытавшееся насильно навязать всем одну «официальную политику», родители могли бы просто выбрать, в какие школы отправлять своих детей (совместные или отдельные), а покупатели могли бы просто выбрать, каким предприятиям покровительствовать (изолированным или нет). Мало того, что большая часть насилия, совершенного против чернокожих, была совершена непосредственно «правительственными» силовиками («полицией»), но даже большая часть насилия, совершенного в частном порядке, была результатом гнева по поводу людей, которых «правительство» заставляло иметь дело с людьми другой расы и культуры. Глупо думать, что принудительное разделение или объединение людей сделает их более счастливыми, дружелюбными или более открытыми и терпимыми. Ни в том, ни в другом случае правительственное вмешательство не обеспечило мира или безопасности какой-либо расе. Хотя невозможно точно сказать, насколько широко или продолжительна сегрегация и расизм были бы без участия «правительства», здравый смысл заключается в том, что, если людям всех рас и религий предоставлена свобода выбора, с кем им общаться, это, по крайней мере, дает возможность мирного сосуществования самых разных культур. Но когда вмешивается «правительство» и ставится вопрос между принуждением рас к разделению или принуждением рас к смешению, очевидно, что некоторые люди будут в любом случае возмущены, и это правильно.

Это не означает, что все точки зрения одинаково верны. Дело в том, что люди с совершенно разными взглядами на мир — какими бы «тупыми или глупыми, непредубежденными или фанатичными, информированными или невежественными могут быть их взгляды» — обычно могут мирно сосуществовать даже в непосредственной близости, пока в это не вмешивается «правительство». Разные люди могут не нравиться друг другу, могут не одобрять убеждения и образ жизни друг друга, а иногда могут даже резко критиковать или осуждать другие культуры. Но это не означает, что они не могут мирно сосуществовать, воздерживаясь при этом с обеих сторон от насильственной агрессии. Всякий раз, когда вмешивается «правительство», принуждение, присущее всем «законам», гарантирует, что люди не будут просто «ладить» друг с другом.

Другой пример косвенных, пагубных последствий действий «правительства» — это тот факт, что насилие, связанное с «торговлей наркотиками» (производство и распространение «незаконных» веществ), существует только из-за «законов о наркотиках». Объявив вне закона какое-либо вещество или поведение, даже когда все участники являются взрослыми добровольцами, политики создают черный рынок, который не только имеет огромный потенциал прибыли из-за ограничения

предложения, но и создает ситуацию, которая конкретно лишает потребителей и поставщиков любой «правовой» защиты. Например, если торговец наркотиками ограблен или подвергся нападению со стороны полиции или кого-либо еще, он вряд ли обратится к «правоохранительным органам», чтобы те помогли ему. «Объявление вне закона» чего-либо по обоюдному согласию — будь то проституция, азартные игры или употребление наркотиков — почти гарантирует, что рынок будет контролироваться той бандой, которая проявляет наибольшее насилие или принесла выгоду большому количеству полицейских и других чиновников. Опять же, прекрасным примером этого «до и после» был запрет на алкоголь в Соединенных Штатах. Когда алкоголь стал «незаконным», его немедленно захватила организованная преступность, которая была известна не только своим насилием, но и способностью подкупать «государственных» агентов и чиновников. Когда алкоголь снова стал «легальным», все связанное с этим насилием прекратилось почти мгновенно.

Несмотря на этот кристально ясный пример ужасных результатов принятия «законов», запрещающих «пороки», большинство людей по-прежнему поддерживают «законы» против поведения и привычек, которые им неприятны. В результате связанное с этим насилие продолжается. Вместо того, чтобы быть признанной проблемой, которая существует из-за «правительства» и его «законов», это все еще воображается проблемой, с которой «правительство» должно бороться. То же самое можно сказать о пресловутом насилии ростовщиков, занимающихся «незаконными» азартными играми, и о насилии «сутенеров» в местах, где проституция «незаконна». В таких случаях даже лучше не сравнивать «до и после», а провести параллельное сравнение: ведет ли азартная игра к еще большему насилию в Атлантик-Сити, где она «легальна», или в местах, где она «незаконна»? Представляет ли проституция большую угрозу для всех участников в Амстердаме, где она «легальна», или во всех местах, где она «незаконна»? Это не означает, что проституция, азартные игры и наркотики (включая алкоголь) — это хорошие вещи. Это значит лишь, что введение принуждения «правительства», хорошее или плохое, не устраняет такие «пороки», а только делает их более опасными для всех участников, а часто и для людей, которые вообще в этом не участвуют.

Чтобы никто до сих пор не подумал, что такие «законы о пороках» являются результатом благих намерений, политики прекрасно понимают, что азартные игры, проституция и «незаконное» употребление наркотиков все еще имеют место в «государственных» тюрьмах. Политики прекрасно понимают, что если даже постоянное пленение, слежка, случайные обыски и суровые наказания не могут предотвратить такое поведение людей, содержащихся в тщательно контролируемых клетках, «законы», очевидно, не могут искоренить такое поведение и во всей стране. Но они могут и предоставляют тиранам готовый предлог для постоянно расширяющейся власти, и именно поэтому «правительства» с самого начала принимают «порочные» законы: создают «преступление» там, где его не было, в попытке оправдать существование правительственной власти и контроля.

В мире без мифа о «власти» многие люди (включая автора) по-прежнему категорически не одобряют употребление наркотиков, проституцию и другие «пороки», но вряд ли поддержат усилия по насильственному подавлению такого поведения. Они бы не только чувствовали себя неоправданными в пропаганде насилия, если бы у них не было оправдания в виде «правительства», за которым они могли бы спрятаться, но и вряд ли захотели бы предоставить миллиарды долларов, необходимые для проведения крупномасштабной насильственной кампании против такой широко распространенной деятельности. Даже у самого осуждающего человека

будут как экономические, так и моральные стимулы оставить других в покое, а также страх возмездия со стороны любого, против кого он решит совершить акты агрессии. Конечно, открытая критика образа жизни и поведения и попытки убедить людей изменить свой образ жизни — вполне приемлемая часть человеческого общества. Фактически, если бы людям пришлось попытаться использовать разум и словесное убеждение, чтобы привлечь людей, вместо того, чтобы использовать грубую силу «правительства», возможно, цели были бы более открытыми для восприятия. По крайней мере, люди больше не будут превращать проблему вредных привычек в проблему кровопролития и жестокости, как это происходит сейчас со всеми попытками «узаконить» мораль.

Обратной стороной мнения о том, что «если это незаконно, это должно быть плохо», является «если это законно, это должно быть нормально». Возможно, самым ярким примером этого является тот факт, что в 1913 году «правительство» США не только «легализовало» рабство с помощью «подходящего налога», прямо и насильственно конфисковав плоды народного труда, но и с помощью «федерального закона о резервировании» легализовал такой уровень подделок и банковского мошенничества, который поражает воображение. Короче говоря, политики дали банкирам «законное» разрешение делать деньги из воздуха и ссужать такие фальшивые, сфабрикованные «деньги» под проценты другим лицам, в том числе «правительствам». Хотя большинство людей не осведомлены о специфике того, как происходят такие огромные мошенничества и грабежи с использованием «бумажных валют» и «банковского обслуживания с частичным резервированием», у многих людей теперь есть интуитивный инстинкт, что «банки» делают что-то обманчивое и коррумпированное. Они не понимают, что это само «правительство» разрешило банкам обманывать и выманывать у публики буквально триллионы долларов.

Другой особенно противоречивый пример того, как дебаты о «законности» могут перебить дебаты о фактах и морали, — это вопрос об абортгах. Одна сторона лоббирует «власть», чтобы сделать или сохранить аборты «законными», а затем защищает эту практику, основываясь на ее «законности»; другая сторона настаивает на том, чтобы аборты были «вне закона», в надежде на насилие «авторитета» для предотвращения этой практики. С логической точки зрения, единственный актуальный вопрос, который является религиозным / биологическим / философским, а не «юридическим», заключается в следующем: в какой момент плод считается личностью? Ответ на этот вопрос определяет, приравнивается ли аборт к убийству или эквивалентен удалению почки. Однако вместо того, чтобы решать единственный вопрос, который действительно имеет значение — каким бы сложным и противоречивым он ни был — обе стороны обычно сосредотачиваются вместо этого на попытках перетянуть насилие «власти» на свою сторону.

Вот еще один пример «узаконенной» несправедливости: почти каждый знает, насколько возмутительными и иррациональными стали «судебные процессы» (например, преступники, учинившие кражу собственности, подали в суд на владельцев этой собственности после нанесения себе травм во время взлома и выиграла), но они не понимают, что именно постановления назначенных «правительством» «судей» в первую очередь позволяют этому вообще происходить. Помимо того, что «правительство» может «законным образом» воровать у одного человека, чтобы передать его собственность другому, «правительство» также создает посредством существующей системы судебного разбирательства механизм, посредством которого одно лицо может напрямую и «законно» грабить другого.

«Законы» во имя защиты окружающей среды также используются для

безнравственного захвата власти в обоих направлениях. Имея достаточно денег, компания, «которая фактически загрязняет окружающую среду и, таким образом, нарушает права собственности других лиц, может обменять «взносы на избирательную кампанию» на «законное разрешение» на загрязнение. В то же время они могут использовать экологические «законы», чтобы подавить конкуренцию, создавая и обеспечивая соблюдение лабиринта экологических «правил» (многие из них являются ненужными или контрпродуктивными, иногда откровенно идиотскими), чтобы выдавить более мелкие компании с рынка. Кроме того, политики могут использовать неопределенные угрозы экологической опасности¹¹ как предлог, чтобы получить контроль над частной промышленностью, контролировать поведение миллионов или вымогать больше денег для своих собственных целей.

Во многих отраслях успех теперь зависит не столько от предоставления качественных услуг по разумной цене, сколько от получения особых разрешений и льгот от «правительства». Они могут быть в форме прямых подачек (например, грантов или субсидий), политической торговли (например, «правительственные» контракты без участия в торгах), схем лицензирования (например, в медицинской промышленности), тарифов на международную торговлю, регулирующего контроля и «блата» и проч. Результаты всего этого — более высокие цены, низкокачественные продукты и услуги, меньшее количество вариантов выбора и т. д. — часто считаются результатом недостатков частной промышленности, а не признаются тем, чем она является: неблагоприятными последствиями государственного контроля над человеческим взаимодействием.

Крупные экономические кризисы всегда являются результатом вмешательства «правительства» в торговлю, кредиты и валюту. За исключением полного физического уничтожения, единственный способ уничтожить всю экономику — это вмешаться в средство обмена, «деньги», путем «легализованной» подделки, выдачи сфабрикованных кредитов и выпуска бумажной массы валюты. Большинство людей, не зная даже основ экономики, рассматривают инфляцию и другие экономические проблемы как естественные, досадные, но неизбежные явления. По правде говоря, это симптомы крупномасштабного, «узаконенного» мошенничества и воровства.

Иммиграционные «законы» являются еще одним примером косвенного ущерба и вторичных проблем, вызванных «правительством». Помимо очевидного прямого принуждения, такие «законы» вызывают другие проблемы, которых в противном случае не существовало бы, в том числе: 1) прибыльный, часто жестокий рэкет контрабанды «нелегалов» в страну; 2) «нелегалы» становятся легкой мишенью для торговли людьми и других форм эксплуатации, потому что они не осмеливаются высказаться или обратиться за помощью; и 3) людей заставляют жить при тиранических режимах, потому что они не могут физически сбежать. А поскольку «нелегалы» уже классифицируются как «преступники» и часто рассматриваются как «нежелательные» просто из-за того, что они находятся в стране, и не получают ни уважения, ни защиты со стороны значительной части граждан, у них меньше стимулов к другому поведению в стране, кроме как к «законопослушному» образу жизни.

Даже многие проблемы, которые кажутся негосударственными по своей природе, существуют из-за некоего «закона». Конечно, есть и всегда будут случаи мошенничества и воровства, совершаемые недобросовестными людьми, действующими самостоятельно, но большинство людей совершенно не осознают,

11 См. «глобальное потепление».

сколько, казалось бы, частных мошенничеств, серых схем и рэкета не только разрешено «властью», но поощряются и награждаются «законами» «правительства», намеренно или случайно. Не имея по-настоящему свободного рынка, с которым можно было бы сравнить это положение, многие продолжают полагать, что государственное принуждение необходимо, тогда как все, что оно на самом деле делает, — это препятствие и вмешательство «в человеческую продуктивность и прогресс».

Каким могло бы быть общество

Невозможно даже представить себе, как бы изменилась история, если бы суеверие «власти» давно рухнуло. Очевидно, зверства нацистской Германии, сталинской России, Китая при Мао, Камбоджи времен Пол Пота и многих других никогда бы не произошли. Более того, хотя все еще могут происходить региональные культурные или религиозные столкновения, крупномасштабные войны просто не могут происходить и не будут происходить без того, чтобы солдаты слепо подчинялись предполагаемому «правительству». Если бы огромное количество ресурсов, усилий и изобретательности, вложенных в массовое уничтожение (войну), было направлено на что-то продуктивное, где бы мы были сегодня? Если бы, вместо того, чтобы тратить такое огромное количество времени и усилий на борьбу за то, кто должен иметь бразды правления и для чего эта власть должна использоваться, люди потратили все эти годы на изобретательность и продуктивность, как бы мог выглядеть мир сейчас? Что, если бы каждому человеку было позволено поддерживать то, что он хочет, вместо того, чтобы «правительство» грабило всех и затем постоянно спорило о том, как следует потратить эти «государственные средства»? Что, если вместо споров о том, какой централизованный правительственный план следует насильно навязать всем, люди будут жить своей жизнью и преследовать свои собственные мечты? Кто может даже представить, как далеко могло бы продвинуться человечество в целом?

Это не означает, что без веры во «власть» личные конфликты никогда бы не возникли. Они будут возникать, и иногда даже заканчиваться насилием. Разница в том, что с верой в «правительство» они *всегда* заканчиваются насилием, потому что принуждение — это все, чем занимается «правительство». В то время как люди, даже самых разных точек зрения и происхождения, обычно могут найти способы мирного сосуществования, любая ситуация, в которую оказывается вовлечена «власть», автоматически «решается» заранее.

Что касается вопроса об «однополых браках», что, если бы вместо непрекращающихся споров о том, какие взгляды и выбор следует навязать каждому, каждый церковный служитель, каждый работодатель и любой другой человек мог бы сам решать, как ему жить, что он хочет назвать «браком» и так далее? Что делать, если вместо того, чтобы «правительство» создавало враждебный конфликт путем принудительной конфискации денег у всех владельцев собственности для финансирования одной большой однородной «государственной» школьной системы, каждый человек (христианин, еврей, мусульманин, атеист и т. д.) мог бы выбирать, какие школы он хотел поддержать (или не хотел вовсе)? Это не значит, что люди с разными взглядами любили бы друг друга или в конечном итоге все верили бы в одно и то же. Это означает, что, не веря в одно и то же, они могут мирно сосуществовать — ситуация, которую «правительство» не допускает. Что, если вместо «государственных» ведомств, решающих, какие лекарства и методы лечения «законно» разрешить людям попробовать и каким практикующим врачам будет «разрешено» заниматься лечением, люди смогут делать свой собственный выбор? (При таком сценарии будет

процветать бизнес по предоставлению клиентам объективной информации о различных продуктах и услугах).

«Правительственные» решения всегда заключаются в том, что политики решают, как действовать в различных ситуациях, а затем насильно навязывают свои идеи всем остальным. Но если политики делают выбор за них, то это ни морально, ни эффективно с практической точки зрения. И это верно в отношении всех аспектов человеческого общества. Как бы выглядел мир, если бы в течение последних ста лет вместо споров о том, как насильственно ограничить возможности людей (что делает каждый «закон»), люди тратили бы свое время и силы на пробу новых идей и придумывание новых подходов к решению проблем, если бы каждому человеку было позволено посвящать свое время, силы и деньги тому, что он лично решил поддержать?

Что, если бы вместо централизованной системы принудительного перераспределения богатства («государственное благосостояние») люди были бы предоставлены сами себе, чтобы выбирать лучшие и наиболее сострадательные способы помощи нуждающимся? Вместо системы, которая поощряет лень и нечестность и порождает зависимость, у нас может быть система, которая действительно помогает людям. Что, если бы вместо того, чтобы «правительство» заставляло бизнес делать то, что политики и бюрократы объявили «безопасным», люди могли бы придумывать новые идеи и изобретения, устанавливать свои собственные приоритеты и принимать собственные решения о том, как лучше всего защитить себя? Что, если бы вместо централизованной машины управления, пытающейся заставить людей быть «справедливыми», люди могли бы сами выбирать, с кем сотрудничать, какие сделки заключать и так далее?

Все, за что платит «правительство», создает конфликт. Каждый «общественный» проект — от «грантов», выдаваемых «Национальным фондом искусств», до грантов на определенные исследования или бизнес, школы, парки и вариации всего остального «общественного», — означает ограбление тысяч или миллионов людей, чтобы в итоге раздать деньги нескольким людям. Почему кто-то может ожидать, что все в стране — или даже сотня людей — точно согласится, как следует потратить их деньги? Что, если бы вместо того, чтобы каждый год отвлекать и угонять многие триллионы долларов покупательной способности для финансирования программ политиков и их бюрократии, это богатство пошло бы на то, что люди, зарабатывающие деньги, действительно ценили и хотели поддержать? Что, если бы в течение последних нескольких тысяч лет каждый человек занимался своим делом и не пытался использовать «правительство», чтобы навязать свои идеи и приоритеты всем остальным? Что, если бы вместо гигантского централизованного монстра, жестоко ограничивающего выбор каждого, возможности каждого, творческий потенциал и изобретательность каждого, пытаясь навязать единообразие и конформизм, истощая при этом идеи и возможности производителей, разные люди и разные группы пробовали бы новые идеи и поиск лучших способов решения проблем и создания лучшего мира, руководствуясь собственными убеждениями и ценностями?

К сожалению, эта идея до сих пор пугает многих людей, которые все еще воображают, что мир, насильственно управляемый политиками, будет более безопасным и цивилизованным, чем мир, населенный свободными людьми, проявляющими свободную волю и индивидуальное суждение. Дело в том, что те люди, которые верят в «правительство» как мировой двигатель, при всем своем количестве и хороших намерениях являются проблемой. В результате их промывки мозгов культом «власти» они продолжают верить и продвигать глубоко безумную идею о том, что

единственный путь к миру, справедливости и гармоничной цивилизации лежит в постоянном, повсеместном принуждении и насильственном «государственном» контроле, постоянном угнетении и порабощении, совершаемом во имя «закона», и принесении в жертву свободы воли и нравственности на алтарь господства и слепого послушания. Как бы резко это ни звучало, это основа всей веры в «правительство».

Принятие реальности

Этатисты часто говорят: «Покажите мне пример того, где работало общество без правительства (анархия)». Конечно, поскольку они говорят об обществах, состоящих почти полностью из тщательно проинструктированных этатистов, человеческое общество без правящего класса редко даже рассматривается в теории, не говоря уже о практике. Тем не менее, этатисты используют тот факт, что они никогда не пробовали истинную свободу — поскольку эта концепция полностью чужда их образу мышления — как доказательство того, что общество без государства «не будет работать». Это напоминает группу средневековых врачей, которые все использовали пиявки для лечения всех болезней, утверждая: «Покажите мне один случай, когда врач вылечил головную боль без использования пиявок». Конечно, если бы никто из них никогда не рассматривал какое-либо иное лечение, кроме пиявок, не было бы примера «работающих» альтернативных методов. Но это является скорее свидетельством невежества врачей, чем неэффективности лечения, которое никогда не применялось.

Однако более важным является то, что «анархия» — это реальность. Сказать, что общество не может существовать без «правительства», так же разумно, как сказать, что Рождество не может наступить без Санта-Клауса. Общество уже существует без «правительства» и существует с самого начала. А люди лишь воображают сущность с правом на власть, видя в своих галлюцинациях нечто, называемое «правительством», что сделало историю человечества в основном состоящей из угнетения, насилия, страданий, убийств и хаоса.

По иронии судьбы, этатисты часто указывают на смерть и страдания, которые происходят, когда две или более групп борются за то, кто должен быть «ответственным», называют это «анархией» и приводят это как доказательство того, что без «правительства» всюду царил бы хаос и смерть. Но такое кровопролитие и угнетение — прямой и очевидный результат веры во «власть», а не результат отсутствия «правительства». Правда в том, что по сравнению с жизнью при стабильном, укоренившемся тоталитарном режиме жизнь в стране, где люди борются за то, кем должна быть новая «власть» (через восстания, гражданские войны, завоевание одной нацией другой и др.), может быть намного опаснее и непредсказуемее. В результате люди, живущие в раздираемых войной районах, часто хотят только прекращения конфликта, чтобы одна сторона победила и стала новым «правительством». Для таких людей стабильное «правительство» может означать относительный мир и безопасность, но основная причина угнетения, совершаемого стабильными режимами, и кровопролития, которое происходит во время борьбы за власть, — это вера в «власть». Если бы никто не верил в законный правящий класс, никто бы не стал бороться за то, кто должен править. Если бы не было трона, никто бы за него не сражался. Все гражданские войны и почти все революции основываются на предположении, что кто-то должен нести ответственность. Без суеверия «власти» не было бы никаких причин для подобных вещей.

По самой своей природе «власть» не добавляет обществу ничего положительного. Она не создает богатства и не порождает добродетели. Она добавляет только

безнравственное насилие и иллюзию законности такого насилия. Позволение одним людям насильственно доминировать над всеми другими — а это все, чем занимается «правительство» — не приносит обществу ни капли таланта, способностей, продуктивности, изобретательности, изобретательности, творчества, знания или сострадания. или любого другого положительного качества, которым обладают люди. Вместо этого оно постоянно подавляет и ограничивает все эти вещи своими принудительными «законами». Разрушительно и безумно принимать представление о том, что цивилизация требует насильственного ограничения возможностей и насильственного сдерживания человеческого разума и духа; что гражданское общество может существовать только в том случае, если сила и добродетель каждого человека насильственно преодолеваются и подавляются бандой господ и эксплуататоров; что среднему человеку нельзя доверять управлять собой, но что политикам можно доверять управлять всеми остальными; что единственный способ проявить мораль и добродетель человечества — это подавить свободу воли и личности миллиардов людей и превратить их всех в бездумных, послушных марионеток правящего класса и источник власти для тиранов и лиц, страдающих манией величия; что путь к цивилизации — это уничтожение индивидуальной свободы воли, суждений и самоопределения.

Это основа, сердце и душа суеверия, называемого «властью». Когда люди станут готовы признать эту отвратительную ложь такой, какая она есть, и начнут брать на себя личную ответственность за свои собственные действия и за состояние общества — и не только за сиюминутный момент, — тогда может начаться истинное человечество. Люди могут отчаянно желать «мира на земле» до посинения лица, но они никогда его не увидят, если и пока они не захотят заплатить справедливую цену, отказавшись от одного отжившего старого суеверия.

Решение большинства проблем общества состоит в том, чтобы вы, дорогой читатель, признали миф о «власти» таким, какой он есть, побороли его в себе, а затем начали попытки перепрограммировать и разбудить всех людей, которых вы знаете, кто, в результате их внушения культу «поклонения власти», несмотря на свои добродетели и благородные намерения, продолжает поддерживать и участвовать в насильственной, антигуманной, деструктивной и злобной машине угнетения и агрессии, известной как «правительство».

Возвращение к основной идее

Вопреки тому, что почти всех учили верить, «правительство» не является необходимым для цивилизации. Оно не способствует цивилизации. По сути, это противоположность цивилизации. Это не сотрудничество, не совместная работа, не добровольное взаимодействие. Это не мирное сосуществование. Это принуждение; это сила; это насилие. Это животная агрессия, прикрытая псевдорелигиозными сектантскими ритуалами, призванными сделать ее законной и праведной. Это грубый бандитизм, замаскированный под согласие и организацию. Это порабощение человечества, порабощение свободы воли и разрушение морали, маскирующееся под «цивилизованность» и «общество». Проблема не только в том, что «власть» можно использовать во зло; проблема в том, что по самой своей сути это зло. Во всем, что она делает, она побеждает свободную волю человека, контролируемого посредством принуждения и страха. «Власть» вытесняет и разрушает моральное сознание, заменяя его бездумным слепым послушанием. Ее нельзя использовать во благо, как нельзя использовать бомбу для исцеления тела. Это всегда агрессия, всегда враг мира, всегда враг справедливости. В тот момент, когда она перестает быть злоумышленником, она

перестает соответствовать определению «правительства». «Власть» по самой своей природе убийца и вор, враг человечества, яд для человечества. Как господин и контролер, правитель и угнетатель, она не может быть ничем иным.

Мнимое право на власть в любой степени и в любой форме противоположно человечеству. Инициирование насилия противоположно гармоничному сосуществованию. Стремление к господству противоположно любви к человечеству. Скрытие насилия под слоями сложных ритуалов и противоречивых объяснений и маскировка грубого бандитизма под добродетель и сострадание не меняет этого факта. Заявление о благородных целях, утверждение, что насилие — это «воля народа», или что оно совершается «для общего блага» или «для детей», не могут превратить зло в добро. «Легализация» неправильного не делает его правильным. Насильственное подчинение одного человека другому, как бы это ни описывалось, ни осуществлялось, — это нецивилизованно и аморально. Разрушения, которые оно причиняет, несправедливость, которую оно создает, ущерб, который оно наносит каждой душе, к которой прикасается — преступникам, жертвам и просто наблюдателям, — нельзя отменить, назвав это «законом» или заявив, что это было необходимо. Зло, как бы то ни было, по-прежнему остается злом.

Основная идея здесь очень проста. Об этом кричит вся записанная история, но лишь немногие до сих пор позволяли себе это слышать. Это сообщение таково:

Если вы любите смерть и разрушение, угнетение и страдания, несправедливость и насилие, репрессии и пытки, беспомощность и отчаяние, бесконечные конфликты и кровопролитие, тогда научите своих детей уважать «власть» и научите их, что послушание — это добродетель.

Если, наоборот, вы цените мирное сосуществование, сострадание и сотрудничество, свободу и справедливость, тогда научите своих детей принципам самостоятельности, научите их уважать права каждого человека, научите их признавать и отвергать веру во «власть» как то, чем он является: самое иррациональное, противоречивое, античеловеческое, злое, разрушительное и опасное суеверие, которое когда-либо знал мир.